

ANNALES INSTITUTI PHILOLOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
DE LUDOVICO KOSSUTH NOMINATAE

SLAVICA

X.

ADIUVANTIBUS

J. DOMBROVSZKY, E. NIEDERHAUSER,

F. PAPP

REDIGIT

ENDRE IGLÓI

DEBRECEN, 1970

СОТРУДНИКИ НАШЕГО ТОМА

А. А. БЕЛЕЦКИЙ
профессор, зав. Кафедрой общего языкознания
и классической филологии КГУ (СССР, Киев)

Я. П. БИЛОШТАН
профессор Кафедры теории литературы КГУ
(СССР, Киев)

М. С. ГРИЦАЙ
доцент Кафедры истории украинской литературы
КГУ (СССР, Киев)

ЛАСЛО ДЭЖЕ
(См. Slavica II.)

ЙОЖЕФ ДОМБРОВСКИЙ
доцент
(См. Slavica II.)

ЙОЖЕФ ДРАХОШ
(См. Slavica II.)

Н. И. ДУБИНА
доцент Кафедры теории литературы КГУ
(СССР, Киев)

Н. И. ЖУК
профессор Кафедры истории украинской
литературы КГУ (СССР, Киев)

ЭНДРЕ ИГЛОИ
профессор
(См. Slavica I.)

ЛАСЛО КАРАНЧИ
доцент
(См. Slavica I.)

М. А. КАРПЕНКО
доцент Кафедры русского языка КГУ (СССР,
Киев)

АРПАД ЛЕБЛ
профессор (Югославия, Нови Сад)

В. И. МАСАЛЬСКИЙ
профессор, зав. Кафедрой славянской филологии
КГУ (СССР, Киев)

ЭМИЛ НИДЕРГАУСЕР
(См. Slavica IV.)

Ф. А. НИКИТИНА
доцент, зав. Кафедрой математической
лингвистики (СССР, Киев)

ФЕРЕНЦ ПАПП
доцент
(См. Slavica I.)

С. В. СЕМЧИНСКИЙ
доцент Кафедры общего языкознания КГУ
(СССР, Киев)

К. А. ШАХОВА
доцент Кафедры зарубежной
литературы (СССР, Киев)

ШАНДОР ЯНОШКА
(См. Slavica II.)

ANNALES INSTITUTI PHILOGOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS DEBRECENIENSIS
DE LUDOVICO KOSSUTH NOMINATAE

SLAVICA

X.

ADIUVANTIBUS

J. DOMBROVSZKY, E. NIEDERHAUSER, F. PAPP

REDIGIT

ENDRE IGLÓI

DEBRECEN, 1970

Данный номер ежегодника „Slavica” посвящен двойному историческому юбилею. В этом году советский народ и вместе с ним все передовое человечество отмечает 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Эта дата для венгерского народа переплетается с другой крупной датой в истории Венгрии, а именно — с двадцатипятилетием со дня ее освобождения Советской Армией — армией первого в мире социалистического государства, созданного В. И. Лениным и руководимой им партией большевиков.

Данный номер „Slavica” создавался при участии славистов братского Киевского государственного университета им Т. Г. Шевченко и служит доказательством творческого сотрудничества между венгерскими и советскими филологами. Редакция ежегодника приносит глубокую признательность сотрудникам Киевского университета, печатающимся в данном номере, и в первую очередь выражает искреннюю благодарность М. А. Карпенко за бескорыстную дружескую помощь в создании сборника.

Редколлегия

Le présent volume des *Slavica* est consacré à un double anniversaire. Avec le peuple de l'Union Soviétique et les travailleurs progressistes du monde entier, nous nous souvenons cette année de V. I. Lénine, à l'occasion du centenaire de sa naissance. Pour nous, cette date est indissolublement liée au 25e anniversaire de la libération de notre patrie: en effet, la Hongrie doit la chute du régime fasciste au peuple qui, conduit par les idées de Lénine, a créé le premier état socialiste du monde.

Ce volume, que nous avons composé en collaboration avec les slavisants de l'Université T. Chevtchenko de Kiev, soeur jumelle de la nôtre, doit manifester ainsi notre reconnaissance envers l'Union Soviétique. Nous exprimons ici nos remerciements à nos collaborateurs de Kiev et, particulier, à M. A. Karpenko, maître de conférence, qui a bien voulu nous prêter son aide précieuse au cours de la préparation en commun du présent numero.

La Rédaction

В. І. Ленін і слово
(до питання про теоретичне висвітлення проблеми слова
та мовної практики)

В. І. МАСАЛЬСЬКИЙ

Невичерпним і безсмертним є величезний вклад у мовознавство, літературознавство, революційну публіцистику, розвиток літературної майстерності генія людства, основоположника марксистсько-ленінської науки, організатора й натхненника всіх перемог трудящих, великого вождя Комуністичної партії В. І. Леніна, 100 років з дня народження якого відзначають у 1970 році всі передові люди всесвіту.

Вражають глибоке філософське усвідомлення і витлумачення В. І. Леніним слова з погляду перспективного розвитку всіх його рівнів — семантики, граматики, функціональних стилів, а також неповторна досконалість мовної практики, літературної майстерності геніального вченого і публіциста. Не претендуючи на всебічне висвітлення проблеми багатогранної ленінської спадщини з мовознавства, літературознавства, ми нижче спиняємося лише на окремих питаннях теорії слова та від її методологічної основи залежних перспективних спробах розв'язання деяких актуальних проблем сучасної лінгвістики. В. І. Ленін у творі «Про право націй на самовизначення» вказував, що «мова є найважливіший засіб людських зносин».¹

Застосування марксизму-ленінізму до висвітлення корінних проблем мовознавства творить єдину, монолітну діалектико-матеріалістичну теорію мови. Твердження В. І. Леніна про зв'язок мови з суспільним життям, мови і мислення слід розглядати як методологічну основу її пізнання та дослідження. Марксистське мовознавство з'ясує й філософське значення граматики, її величезну роль у системі мови, науково пояснює складні граматичні категорії. Важливі думки В. І. Леніна про вживання особового займенника для позначення як одиничного, так і загальних понять², про те, що в реченні «можна (і треба) як в «осередку»²² («клітинці») виявити зачатки всіх елементів діалектики».³ Для діалектико-матеріалістичного пізнання різних сфер розумової діяльності, а також її зв'яз-

¹ В. І. Ленин, Твори. Т. 20, вид. 4, стор. 364.

² Див.: В. И. Ленин, Полное собрание сочинений. Т. 29, изд. 5, стор. 249.

³ Там же, стор. 321.

ків з реальною дійсністю дуже важливі виписки з Гегеля і Фейербаха з примітками В. І. Леніна на полях про логіку і граматику,⁴ а також про чуттєве сприймання і предмет, розум і назву.⁵

В. І. Ленін показав узагальнююче значення слова, відзначивши, що «всяке слово (мова) вже узагальнює...»⁶, критикував неправильне вживання слів, зокрема термінів,⁷ гаряче виступав проти неправильного і без потреби вживання слів іншомовного походження, закликав оголосити війну псуванню мови,⁸ не раз подавав приклад доцільного вживання запозичених слів, інтернаціональних політичних і наукових термінів. Вчення В. І. Леніна, яке стало основою для визначення взаємин між поняттям і словом, логіко-філософськими і лексичними категоріями, зокрема між поняттями і позначаючими їх лексичними синонімами, застерігає й від звуженого витлумачення поняття. Так В. С. Ващенко пише: «Головною ознакою для визначення слів-синонімів та виділення їх із загального складу в новіших працях вважається «єдність висловлюваного синонімами поняття.»⁹ Але при цьому слід взяти до уваги, що поняття — теж досить широка категорія, яку не можна уявляти собі звужено».¹⁰ На протязі всього висхідного шляху розвитку радянського мовознавства ленінські думки про слово, його природу, функції в суспільстві визначали основні напрямки прогресивного поступу лінгвістики. Й сьогодні в світлі цих думок, у процесі наукових лінгвістичних дискусій окреслюються нові завдання, методи соціолінгвістичних і психолінгвістичних досліджень. Висвітлення питань сучасного радянського мовознавства має значення для характеристики наукових основ дослідження мови, зокрема лексики.

Називаючи загальнолінгвістичні проблеми, член-кореспондент АН СРСР Ф. П. Філін виділяє головну серед них — «співвідношення структури мови, мовних символів з позначуванним змістом, реальною дійсністю — основне питання філософії, що ... є дуже актуальним і в сучасному мовознавстві»¹¹, а також питання «про ступінь (міру — В. М.) самостійності системи мови, мовних знаків, про відношення внутрішньомовних факторів в існуванні та розвитку мов, інакше кажучи, про соціально-історичну зумовленість мови, про мову й суспільство» (Ф. Ф., там же, нижче); «про характер системності мови» (Ф. Ф., там же,

⁴ Там же, стор. 90.

⁵ Там же, стор. 74; прим.: «Хорошо сказано!»

⁶ Там же, стор. 246.

⁷ Див.: В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Полное собрание сочинений. Т. 3, изд. 5, стор. 85—6. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Твори, т. 3, вид. 4, стор. 69—70.

⁸ Див.: В. И. Ленин, Об очистке русского языка. Полное собрание сочинений. Т. 40, изд. 5, стор. 49. В. И. Ленин, Про очищення російської мови. Твори, т. 30, вид. 4, стор. 274.

⁹ А. П. Евгеньева, Проект словаря синонимов. М., 1964, стор. 6; — пос. — В. В.

¹⁰ В. С. Ващенко: Словник синонімів української мови та деякі питання теорії синонімів. «Мовознавство». 1968, № 3, стор. 11—2.

¹¹ Ф. П. Филин: Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания. «Вопросы языкознания». 1965, № 2, стор. 20 (переклад наш — В. М.)

стор. 21) та ін.; розглядає мовознавство як гуманітарну науку. В. І. Абаєв у своїй полемічній статті «Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке»¹² вказує на виникнення радянського мовознавства як революційної суспільної науки, спрямованої проти расистських теорій, проти вивчення мови індивіда у відриві від загальнонародної, окремих мовних явищ без зв'язку з загальними. Автор, спиняючися на послідовному переборенні радянським мовознавством вульгарно-соціологічних і вульгарно-матеріалістичних маррівських помилок, пише: «... Були деякі сталі ідеї, що їх поділяла більшість радянських мовознавців... Це — погляди на мовознавство як на суспільну науку, щільно пов'язану з іншими науками; ідея про те, що розвиток мови невіддільний від розвитку суспільства; визнання історизму як важливого методу пізнання мовних явищ» (В. А., там же, стор. 23).

Сучасне радянське мовознавство, яке стало на шлях поширення міжнародних наукових контактів, широкого обміну думками, використання даних інших наук (наприклад, психології), різних робочих методів і окремих методик дослідження (математичних методів, лінгвістичної статистики, структурно-типологічного аналізу тощо), поставлених на службу марксистської науки, в той же час критикує з позицій марксистської лінгвістики ті зарубіжні теорії, які підмінюють дослідження мови вивченням «чистих» відношень елементів її структури без зв'язку з виявленими ними значеннями.

Ф. П. Філін у названій вище статті відзначає: «З погляду мовознавця дані, одержані формалізованими методами, — факти нижчого і другорядного порядку, що підлягають історико-лінгвістичному або власно-лінгвістичному узагальненню. В цьому випадку все залежить від того, який аспект мови вивчається, яке завдання стоїть перед дослідником» (Ф. Ф.: «Вопросы языкознания». 1965, № 2, стор. 21). Справедлива й думка В. І. Абаєва: „Співвідносність фактів мови з фактами досвіду і об'єктивної дійсності — не випадковий момент, а найістотніший.»¹³ Щоб підкреслити те спільне, що об'єднує радянських лінгвістів в їх теоретичному пошуку нових шляхів у мовознавстві та на що треба особливо зважити при розгляді принципу науковості у вивченні мови, наведемо нижче і таке судження А. М. Щербака: «Розрив виражальної сторони і змісту, тобто відокремлення мови від мислення, а мислення від мови, не відбиває внутрішньої природи ні мови, ні мислення.»¹⁴ Щодо критичних суджень В. І. Абаєва з приводу антиісторизму, формалізованих структуралістичних схем, абстракціонізму в мовознавстві, то їх розгляд підказує все ж доцільність розмежування структуралістських концепцій, які суперечать марксистсько-ленінській науці, і структурного аналізу в марксистському мовознавстві. «Підхід до

¹² „Вопросы языкознания”. 1965, № 3, стор. 22—43.

¹³ Там же, стор. 23.

¹⁴ А. М. Щербак: Лингвистические заметки. «Вопросы языкознания». 1965, № 6, стор. 22 (переклад наш — В. М.).

аналізу мови з боку форми не означає, — пише А. М. Щербак —, ігнорування змісту. Основною метою структурної лінгвістики є не просто логічно несуперечливий опис або моделювання виражальної сторони мови, а дослідження її як засобу передачі змісту.»¹⁵

Заслужують на увагу уточнення автором оцінки поглядів представників празької школи, що визнавали (на протипагу женецькій школі) системність синхронного і діахронічного планів у мові; незгода А. М. Щербак з С. К. Шаумяном у тому, що структурна лінгвістика займається лише вивченням «природних мов з погляду їх перетворення в абстрактні коди, які служать формальними моделями природних мов»;¹⁶ вказівка на складність і сьгодні дебатованого питання про об'єкт лінгвістичного дослідження; нарешті, про протиприродність для науки поділу лінгвістики на традиційну і структурну. Складність визначення об'єкта лінгвістичного дослідження дійсно пояснюється багатоплановістю і багатосторонністю мови. В той же час між змістом мислення, мовним значенням і об'єктивною дійсністю існує зв'язок. Думаємо, що визначення цього зв'язку має принципове теоретичне «значення. Значення дійсно властиве мові, і мова існує остільки, оскільки існує значення, але це значення зовсім не зміст, не еманация мислення, а функція фонічної форми, що полягає в передачі певних понять у відповідності з певним поняттєвим змістом, функція, закріплювана суспільною практикою й покладена в основу того, що прийнято називати єдністю мови і мислення — пише А. М. Щербак —, закінчуючи так: „Це значення звичайно не входить у коло дослідних інтересів лінгвіста, і ним займаються психологи.»¹⁷

А втім вважаємо, що лінгвіста має і може цікавити психологічний аспект дослідження мови. Без урахування психології мови не можна побудувати дослідження останньої на основі принципу науковості. Не випадково в сучасній науці виникають психологічні дослідження, присвячені опрацюванню загальної теорії мовної діяльності. Однією з перших таких праць є книга О. О. Леонтьєва «Слово в речевой деятельности» (Вид. «Наука», 1965). «Адже мова — підкреслює автор —, соціальна не тільки тому, що в її лексиці відображаються соціальні й культурні зміни, які відбуваються в суспільстві, а насамперед тому, що людська свідомість, єдиною формою існування якої є мова, є суспільною свідомістю, і кожна людська думка завжди є думка людини як члена суспільства вже тому, що вона свідомо думка» (О. Л., там же).

Слово, його відношення до системи мови, природу й функції цієї системи О. О. Леонтьєв характеризує в цьому ж плані: «Що ж таке є слово при подіб-

¹⁵ Там же, стор. 19.

¹⁶ С. К. Шаумян: Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика В. Ф., 1960, 9, стор. 122 (посилання А. Щербак, стор. 20; переклад наш — В. М.).

¹⁷ А. М. Щербак: Лингвистические заметки. «Вопросы языкознания». 1965, № 6, стор. 22 (переклад наш — В. М.).

ному розумінні?»), — запитує автор і нижче відповідає на поставлене запитання: «Це — форма структуризації соціально-історичного досвіду людства, властива конкретному мовному колективу і зумовлена специфікою системи відповідної мови, свого роду клітинка, яка поєднує в собі одиницю спілкування («общения») й одиницю узагальнення («обобщения»). Саме ця система, тобто система фонологічних, граматичних і под. засобів мови — лише спосіб функціонування мовної здібності в діяльності мовлення («в речевой деятельности» — О. Л.). А ця остання є спосіб засвоєння та використання людиною суспільно-історичного досвіду людства, сполучна (пов'язуюча) психологічна нитка між соціальним за своєю природою змістом діяльності і соціальною за своєю природою системою формальних засобів мови.»¹⁸

Оцінюючи психологічні дослідження, необхідно вказати на їх значення для розв'язування ряду завдань, зокрема й для обґрунтування найбільш ефективних методів і порівняльного дослідження мов, зокрема їх лексики. Про сприйняття мови А. М. Щербак пише: «Особливої уваги заслуговує можливість сприйняття мови як процесу, відзначена ще В. Гумбольдтом...» («Вопросы языкознания» 1965, № 6, стор. 22; переклад наш — В. М.). Якщо розрив, скажемо ми, між виражальними засобами і змістом при вивченні мови тільки «є прийомом, що сприяє виділенню тієї сторони явища, дослідження якої забезпечує найбільш глибоке і правильне розуміння її в цілому» (А. Ш., там же), якщо ми все ж «маємо справу з єдиним комплексним явищем («мова і мислення»)» (А. Ш., нижче), а аналіз його спрямований на «виявлення принципів організації та функціонування виражальних засобів мови у відношенні до змісту» (А. Ш., там же), то застосування «структурних методів» досліду («модельовання» та ін., про які говорить у названій вище статті автор, див. стор. 22—3) може бути корисним при опрацюванні теоретичних і практичних питань лінгвістики, програмуванні матеріалу тощо (порівн.: Н. М. Амосов: Моделирование мышления и психики. «Наукова думка». К., 1965).

В структурному аналізі мови нас не можуть цікавити лише відношення між мовними явищами без урахування того, що вони виражають. Структурний аналіз мови може багато дати для пізнання слова, якщо пов'язувати вивчення формальних ознак мовних фактів з виявленням їх значень як одиниць комунікативного процесу.

Дослідження лексики, моделей мови, предикативних, означальних, додаткових, обставинних зв'язків і відношень відкривають нові шляхи пізнання мови і мовлення. Велике значення мають такі розшуки для пізнання різних мовних рівнів та їх взаємозв'язків. З цього погляду важко переоцінити й значення від-

¹⁸ А. А. Леонтьев: Слово в речевой деятельности. «Наука». М., 1965, стор. 219—20; пор.: Теория речевой деятельности (Проблемы психолінгвістики). Отв. ред. А. А. Леонтьев. «Наука». М., 1968. А. А. Леонтьев, Психолінгвістические единицы и порождение речевого высказывания. «Наука». М., 1969.

повідних статистичних даних, наприклад, деяких досліджень Ю. Маркова¹⁹ та В. Ніколаєва²⁰. Якщо в російській мові родовий відмінок з усіх непрямих відмінків найбільш складний та загальноживаний, а з дієслівних форм форма минулого часу вживається найчастіше, то, природно, на це треба зважати при практичному опануванні мови. «Бувають такі крилаті слова — писав В. І. Ленін —, які з дивною влучністю виражають суть досить складних явищ.»²¹

Отже становлять великий науковий і практичний інтерес дослідження загальноживаних фразеологізмів, найбільш типових (праці М. І. Черемисної; див. нотатки Р. Фрумкіної про Міжвузівську конференцію з питань укладання частотних словників. «Русский язык в национальной школе». 1967, № 1). Принагідно зауважимо, що в словник-мінімум переважно входить лексика, найчастіше вживана, але є слова і суфікси рідко вживані, проте абсолютно необхідні в мовленні, зокрема побутовому.²² Разом з тим, як слушно твердить Ф. П. Філін, «у людському суспільстві не існує ні ідеальних носіїв мови, ні ідеально однорідних мовних колективів, ні, отже, ідеально «системних» логічно несуперечливих природних мов».²³

Тому теоретичне висвітлення проблеми слова на основі ленінського усвідомлення його природи та функцій вимагає соціолінгвістичного дослідження мовних явищ у двох аспектах, між собою щільно пов'язаних; по-перше, соціальної зумовленості мови, залежності її структури від тих або інших процесів у суспільстві;²⁴ по-друге, «... суспільних функцій мови, її ролі в суспільстві, впливу на суспільство» (а) «функціонування мови в колективі, який її створив —, роль мови в суспільстві та», б) «функціонування мови поза колективом, що її створив —, роль другої мови в суспільстві».²⁵ З важливіших проблем функціонування рідної мови на сучасному етапі автор виділяє проблеми мовної норми, критерії визначення якої Ф. П. Філін не зводить до виявлення ступеня

¹⁹ Ю. Марков, Лексическая статистика и отбор словарного минимума. «Русский язык в национальной школе». 1960, № 3; «К вопросу о частотности грамматических категорий». Там же, № 4; «Некоторые аспекты разговорной речи с точки зрения лексической статистики». Там же. 1966, № 5; «Некоторые вопросы лексической статистики и адаптации». Там же. 1967, № 2.

²⁰ В. Николаев, Некоторые данные о частотности употребления падежных форм современного русского литературного языка. Там же. 1960, № 5.

²¹ В. І. Ленін, Твори. Т. 20, вид. 4, стор. 257.

²² Пор. Р. Фрумкіна, Э. Штейнфельдт: Статистические методы отбора лексики для словаря—минимума по русскому языку. «Русский язык в национальной школе». 1960, № 6.

²³ Ф. П. Филин: Об изучении общественных функций языка. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. XXVII, вып. 4, М., 1968, стор. 282.

²⁴ Див. про це докладніше: Ф. П. Филин: К проблеме социальной обусловленности языка. «Вопросы языкознания». 1966, № 4, стор. 31—44.

²⁵ Ф. П. Филин, Об изучении общественных функций языка. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка.» Т. XXVII, вып. 4, М., 1968, стор. 282.

Геніальному Ленінові належить марксистське вчення про історичне виникнення національних держав і мов,²⁶ про інтернаціональну культуру, що «бере з кожної національної культури виключно її послідовнодемократичні і соціалістичні елементи».²⁷ Ленінська настанова про абсолютно добровільне користування тією або іншою національною мовою в соціалістичному суспільстві (див.: «Ніяких безумовно привілеїв ні одній нації, ні одній мові» — В. І. Ленін. Твори, вид. 4, т. 20, стор. 6) є основою наукового вивчення і регулювання поширеності мовного варіанта, але й підкреслює значення урахування літературно-мовної традиції.

суспільних функцій мов як при білінгвізмі, так і полілінгвізмі.²⁸ Російська мова в умовах багатонаціонального Радянського Союзу, співдружби народів соціалістичних націй є мовою міжнаціонального спілкування, і це цілком природно. Поряд з іншими завданнями розумного регулювання суспільних функцій мов при білінгвізмі, пов'язаних з роботою середніх, вищих шкіл, виданням відповідної літератури мовами народів СРСР, сьогодні життя виявляє потребу створення узагальнюючих капітальних праць з теорії мовних контактів, побудованих на глибокому аналізі соціолінгвістичних і психолінгвістичних факторів у їх динамічних зв'язках, діалектичній єдності.²⁹

Спостерігаємо, що в живому мовленні постійно виявляється взаємодія факторів соціо- і психолінгвістичних. Марксистсько-ленінська філософія, ленінська теорія відображення³⁰ є методологічною основою наукового мовознавства, вчення І. П. Павлова про вищу нервову діяльність людини, психології, логіки та всіх педагогічних дисциплін. Ленінська теорія відображення розкриває співвідношення загального і часткового, з'ясовує їх зв'язки. В світлі цієї теорії художній образ — це й конкретне (часткове) і узагальнене (загальне), що об'єднує емоційне і поняттєве, логічне. Ленінське вчення стало основою для висвітлення проблеми діалектичної єдності змісту і форми слова, мови та мислення в усіх його функціональних стилях. Формула В. І. Леніна «Форма суцільна. Суцільність формирована. Так или иначе в зависимости и от сущно-

²⁶ Див.: В. І. Ленін, О праве нации на самоопределение. Полное собрание сочинений. Т. 25, изд. 5, стор. 255—320.

²⁷ В. І. Ленін, Тези по національному питанню. Твори. Т. 19, вид. 4, стор. 210. — В. І. Ленін, Тезиси по національному вопросу. Полное собрание сочинений. Т. 23, изд. 5, стор. 318. Див. також: В. І. Ленін, Полное собрание сочинений. Т. 41, изд. 5, стор. 77.

²⁸ Див.: В. І. Ленін, Твори. Т. 30, вид. 4, стор. 141. — В. І. Ленін, Нужен ли обязательный государственный язык? Полное собрание сочинений. Т. 24, изд. 5, стор. 294—5. — «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР». «Наука». М., 1969.

²⁹ Е. М. Верещагин: Психологическая проблематика теории языковых контактов. «Вопросы языкознания». 1967, № 6, стор. 133.

³⁰ Див.: В. І. Ленін, Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений. Т. 18, изд. 5. — В. І. Ленін, Философские тетради. Полное собрание сочинений. Т. 29, изд. 5.

сти...»³¹ окреслює, визначає шляхи багатогранних аспектів дослідження проблеми.

Отже, геніальні думки В. І. Леніна про теорію слова та його практичне застосування визначають основну методологічну спрямованість перспективних сучасних мовних досліджень у радянській вітчизняній лінгвістиці, що успішно використовує різні робочі методи, прийоми наукового пошуку, відкидаючи в той же час антимарксистський механічний підхід до аналізу мовних явищ.³² Ленінська оцінка слова сприяє й пізнанню та окресленню шляхів його дальшого розвитку, дійовості в різних функціональних мовних стилях.

³¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений. Т. 29, изд. 5, стор. 129.

³² О. С. Ахманова, Очередные проблемы языкознания. «Русский язык в школе». 1969, № 6, стор. 3—8.

Langue „actuelle” et langue „inactuelle”^{*} („infralangue” et „supralangue”)

J. DOMBROVSZKY

„To be, or not to be: That is the question.”

I. 1. A toutes les époques de grandes transformations, la question ontologique *être ou ne pas être*, essentiellement dramatique, se pose avec une force renouvelée, la lutte dialectique des idées s'accroît: chez les anciens Grecs, ce sont les diverses théories *θέσει* et *φύσει*; au Moyen Age, la discussion se poursuit par de longues controverses sur le *nominalisme* et le *réalisme*; à notre époque, cette alternative est le mieux résolue par la célèbre 11. thèse sur Feuerbach, où *Marx*, tel un Prométhée moderne, tranche le litige millénaire en rendant à l'humanité *tout entière* confiance en sa propre force: „Les philosophes n'ont fait jusqu'ici qu'*interpréter* le monde de différentes manières. Il s'agit maintenant de le *transformer*.”¹ La vérité de cette thèse est confirmée par chaque nouvelle victoire que l'humanité remporte sur la nature, car ce n'est que dans la pratique que „l'homme doit prouver la vérité, c'est-à-dire la réalité, l'objectivité de sa pensée . . .”

I. 2. Dans cette lutte de l'homme pour la vérité, la langue a joué un rôle dont nous ne commençons à comprendre qu'à présent l'importance capitale dans l'évolution de la société. Chez les anciens, comme d'ailleurs chez les primitifs et chez les enfants, on décèle une sorte d'identification de la pensée-parole et de la réalité: Platon part des idées, des abstractions, donc des noms verbaux; Aristote a bâti toutes ses catégories générales sur les catégories grammaticales de sa langue maternelle, c'est-à-dire sur celles de l'ancien-grec;² toute la philosophie médiévale se débat sous l'autorité fascinante du Maître Stagiritique; mais, à la fin du Moyen Age, les langues nationales de l'Europe

* Sur le même sujet, à la séance du 16 décembre 1967 de la Société Linguistique de Paris, l'auteur a fait une communication dont le résumé a paru dans le bulletin de la Société. T. 53, 1968, pp. XXXII—V. Ici, nous en publions le texte entier et même complété.

¹ K. MARX, Thesen über Feuerbach. 1845, 11. These: „Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*; es kommt darauf an sie zu *verändern*”.

² Cf. E. BENVENISTE, Catégories de pensée et catégories de langue. „Les études philosophiques. Le langage.” Nouvelle Série. 13-e Année, trimestriel.

finissent par triompher, et l'hégémonie des langues classiques, avec leur philosophie pétrifiée, appartiendra bientôt à l'histoire.

A notre époque, on ne veut plus être dupe d'illusions commodes, lâches et dégradantes du langage. Pour se convaincre du très vif intérêt que l'on porte à l'étude de la structure grammaticale et sémantique du langage dans les recherches philosophiques, psychologiques, ethnographiques, sociologiques, etc., il suffit de parcourir les grands périodiques du monde, tels que le „Journal de Psychologie normale et pathologique,” „Anthropos,” „Mind”, „Вопросы философии”, „Studium generale”, „Universitas”, etc. etc. On y aspire, qu'on l'avoue ou non, à une nouvelle synthèse des sciences, peut-être, de *toutes* les sciences, mais ce qui est frappant, c'est que les problèmes de structure et de système linguistique y jouent un rôle de plus en plus important.

I. 3. Bref, c'est l'espace-temps qui unit et sépare, d'une manière dialectique, tout ce qui existe. Ainsi, l'unité et la diversité du monde réside essentiellement dans les rapports qui existent entre processus (procès, phénomènes, choses) et espace-temps. L'étude qui suit a pour tâche d'*esquisser, dans les grandes lignes*, le rapport entre le langage et l'espace-temps.

II. 1. Dans mes recherches sur le système aspecto-temporel du slave et, par extension, de l'indo-européen, j'ai été amené à constater qu'il y a dans ces langues, en général, *deux* systèmes aspecto-temporels, explicites ou non: un système des aspects-temps *actuels* et un autre système des aspects-temps *inactuels*. Pour autant que l'observation des faits historiques nous le permette, nous pouvons constater que *les formes de fonction inactuelle sont généralement dérivées des formes actuelles*, ou comme résultat de la transposition d'une fonction actuelle dans une nouvelle forme inactuelle — par exemple, la fonction de présent (forme et fonction actuelle) projetée dans une forme d'imparfait (forme et fonction inactuelle), ou bien comme suite de désactualisation graduelle de formes originaires actuelles; bien entendu, ces deux systèmes sont en interaction *étroite* et *constante* à tel point que, très souvent, par économie, la même forme aspecto-temporelle se charge de remplir les deux fonctions — actuelle et inactuelle. Souvent même, l'interaction des fonctions doubles — actuelle: inactuelle — dans une même forme aboutit de nouveau à la constitution d'une nouvelle forme pour la fonction actuelle qui est d'importance primordiale pour le langage; la nouvelle forme est souvent analytique, et par sa composition même traduit son contact direct avec le présent actuel, ce qui veut dire: avec la vie pragmatique, avec la réalité de tous les jours; il est à remarquer que ce retour à la réalité vivante est toujours déclenché d'en bas, par le peuple; cependant le cycle ne s'arrête pas là, car cette nouvelle forme composée, indiquant par ses éléments mêmes sa fonction actuelle, commence

à se glisser de plus en plus loin de son axe actuel jusqu'à une limite où les forces réactualisatrices, toujours en éveil, se remettent en mouvement.³

II. 2. Nous allons illustrer tout cela par des exemples concrets. Ainsi, nous savons que le parfait indo-européen était une forme de passé actuel, une sorte de passé-présent, mais, plus tard, en vieil-indien, il se désactualise et devient une forme de passé narratif. De même, l'aoriste indo-européen a dû avoir, comme point de départ, une fonction actuelle, que démontrent les plus anciens textes védiques. B. DELBRÜCK l'a minutieusement étudié (*Altindische Tempuslehre*. Halle, 1870, p. 6): „Durch den *Aorist* bezeichnet der Redende etwas als *eben geschehen*." Au sujet de l'emploi actuel de l'aoriste grec nous citons J. WACKERNAGEL (*Vorlesungen über Syntax*. Basel, 1920, p. 176): „Dieser Gebrauch [der *präsentische* Gebrauch], der im Altindischen sehr beliebt ist, hängt m. E. mit einem anderen, von Homer an nachweisbaren Gebrauch zusammen, der im altindischen Aorist besonders stark hervortritt. Der Aorist hat hier vielfach die Aufgabe, eine *eben erst effektuierte* Handlung, einen *eben erst eingetretenen* Vorgang zu bezeichnen. Besonders *klar* innerhalb des *Griechischen* sind ein paar *volkstümliche* [hic!-J. D.] Gebrauchsweisen." *Wackernagel* nous donne des exemples très convaincants, empruntés à la langue populaire. En voici un: Dans certaines régions de la Grèce, le jour des noces, c'était la coutume que dans la rue un garçon criait au nom du fiancé: *ἐφύγον κακόν ἤϊον, ἀμεινον* qui peut être traduit en français par: 'je viens d'échapper au mal, je viens de trouver le mieux' — ici, le caractère *actuel* de l'aoriste ancien-grec ne laisse *aucun doute*. Mais, plus tard, dans les langues anciennes encore, où l'aoriste s'est conservé, il remplit, en général, les deux fonctions de passé perfectif — actuelle et inactuelle. C'est ce que nous pouvons observer aussi dans les anciens textes du vieux-slave et du vieux-russe où le parfait en *-l* commence déjà à remplacer l'aoriste dans sa fonction actuelle; toutefois, même en vieux-russe on trouve encore des exemples où le caractère actuel de l'aoriste est évident. En voici un extrait de la *Povest'*: La princesse Olga salue les délégués de la tribu des Derevljane: «Добри гостѣ придоша» 'Soyez les bienvenus'. On pourrait penser que ce n'était là qu'une formule

³ Cf. avant tout, A. MEILLET, *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1948; CH. BALLY, *Linguistique générale et linguistique française*². Berne, 1944; A. J. FR. ZIEGELSMID: *Der Untergang des einfachen Präteritums in verschiedenen indogermanischen Sprachen*. *Curme Volume of Linguistic Studies*. Reprint of *Language Monograph* 7, 1930.

Le professeur J. KURYŁOWICZ suppose également qu'en dernière analyse toutes les formes aspecto-temporelles peuvent être ramenées à des formes de présent actuel. Voici ce qu'il en dit: „To put in a nutshell: There are certain „universals" (universal laws) governing the history of language, independent of its individual features. It is worth mentioning that the expressiveness of new forms is often conditioned by the *hic-nunc-ego* situation of speech: thus, e. g. both the *preterite* and the *future* tense can in the last resort be traced back to special *present* forms." On the methods of internal reconstruction. *Proceedings of the 9th Intern. Congr. of Linguists*. Cambridge, Mass., 1962. Ed. by H.G. Lunt. London-The Hague—Paris, 1964, p. 29.

de salutation. Il n'en est rien, car les délégués répondent en employant une forme d'aoriste, eux aussi: «Придохомъ» 'Nous voici arrivés'. D'ailleurs, la phrase suivante contient également un aoriste de caractère actuel sans aucun doute: «Что ради придосте съмо?» 'Pourquoi (à quel dessein) êtes-vous venus ici?'

II. 3. Notre thèse devient plus évidente encore si nous abordons les langues indo-européennes *modernes*; ici, dans la plupart des langues, les formes simples de passé, devenues *inactuelles*, ont été remplacées par des formes analytiques qui, par leur composition même, indiquent, de toute évidence, leur nouvelle tendance réactualisatrice. Ainsi, par exemple, en latin classique, les formes de parfait, remontant au parfait ou à l'aoriste indo-européen, qui marquaient à l'origine une fonction actuelle, remplissent les deux fonctions de passé perfectif — actuelle et inactuelle: *dixi* signifie également 'j'ai dit' (passé composé) et 'je dis' (passé simple); mais plus tard, en latin parlé, à la suite d'une tendance réactualisatrice, apparaît une forme composée *habeō dictum* (présent et passé!); plus tard encore, dans la Romania, les deux formes latines de passé perfectif se partagent les deux fonctions — actuelle et inactuelle, avec plus ou moins de conséquence dans les différents dialectes. En français moderne, par exemple, on peut établir tout un système d'oppositions *actuel*: *inactuel*: prés. act. *je dis*: inact. *je disais*; passé act. *j'ai dit* (ou: *je viens de dire*): inact. *je dis* (passé simple); fut. act. *je vais dire*: inact. *je dirai* (← act. *dicere habeō*); cependant, dans la langue parlée, *j'ai dit* remplit déjà les deux fonctions — actuelle et inactuelle. De même, en haut-allemand littéraire, la forme composée *ich habe gesagt* est avant tout une forme actuelle, par contre, le prétérite simple *ich sagte* est une forme narrative, donc inactuelle. En russe, la situation est plus compliquée par ce que le russe moderne n'a pas conservé les anciennes formes simples du passé, il les a perdues assez tôt. Ainsi, l'unique forme de passé perfectif en russe moderne *я сказал*, remontant à une forme composée *есмь съказаль*, assume les deux fonctions — actuelle et inactuelle. D'ailleurs, les trois langues s'accordent entre elles même ici, parce qu'en français et allemand (haut-allemand) l'emploi de la forme spéciale pour le passé inactuel est *limité à la langue littéraire*, dans la langue parlée la forme composée s'emploie aussi pour remplir la fonction de passé inactuel. Mais il y a entre ces trois langues une concordance plus importante: si l'on emploie cette forme de passé aux fonctions doubles — actuelle et inactuelle — en russe, en français et en allemand moderne, sans que le temps soit précisé lexicalement ou par la situation, *c'est toujours la fonction actuelle qui s'impose la première*, et non pas la fonction inactuelle; ainsi, dans la phrase russe, française et allemande: *я, ты, он пришел, je suis, tu es, il est venu, ich bin, du bist, er ist gekommen*, etc., c'est le résultat *actuel* de l'action¹ qui s'impose spontanément, bien entendu, sans indication contraire du contexte. Par là est

démontrée, une fois de plus, l'importance primordiale qu'a pour la conscience linguistique la fonction *actuelle*, et, en général, pour la conscience humaine le moment actuel. Ce que nous avons dit ici touchant la prépondérance de la fonction actuelle des formes de passé double en russe, en français et en allemand est valable aussi pour le hongrois et, me semble-t-il, mutatis mutandis, pour toutes les langues. Cela s'explique, tout simplement, par l'importance *vitale* de l'instant *actuel* pour *tout* ce qui existe.

La distinction essentielle entre la fonction actuelle et la fonction inactuelle des formes verbales consiste donc en ce qu'*entre l'instant actuel et l'acteur ainsi que son action — dont il vient ou est en train de parler, ou bien il va parler — il y a contact direct ou non*; d'ailleurs, ce n'est que ce contact direct avec le présent actuel qui peut lui donner la possibilité d'agir. Il est donc clair que toute perception, toute expérience, toute connaissance, tout travail, tout activité humaine a pour base, pour point de départ *l'instant actuel*. Ainsi, la fonction de temps inactuel n'est autre chose qu'une fonction de temps actuel, dérivée, abstraite, généralisée ou transposée dans *un passé ou un futur ou l'acteur n'a plus ou n'a encore aucun pouvoir d'agir*. Aussi l'idée du linguiste français E. PICHON est-elle très proche de la nôtre lorsqu'il dit au sujet du système des temps en français moderne: „Il y a deux catégories de temps: les temps raisonnables, les temps sérieux, les temps rationnels, et les temps qui ne sont pas sérieux, les temps qui sont des temps ridicules qui ont été inventés pour nous raconter.” Et il continue: „Il y a trois temps qui sont sérieux: ce sont le présent, le vrai passé et le vrai futur. Le présent, c'est «je fais». Le vrai passé, c'est «j'ai fait». Le vrai futur, c'est «je vais faire». Ces trois temps ont rapport à la présentification”. (Cité par PIERRE JANET, *L'évolution de la mémoire et de la notion du temps*. Paris, 1928, p. 365–6).

III. 1. La dichotomie *actuel: inactuel* est un trait constitutif, caractéristique non seulement du système verbal, mais de *tout le langage*, au sens le plus étroit et le plus large du mot. Mais si, *pour le verbe*, l'actualisation équivaut à une *présentification*, *pour le nom*, elle correspond à une *individualisation*, c'est-à-dire à une actualisation sans force prédicative, donc d'un niveau inférieur.

Il est bien connu que les pronoms déictiques représentent, dans la partie nominale, une catégorie d'actualisateurs et, ajoutons, de désactualisateurs par excellence. Aussi n'allons-nous pas nous occuper de la fonction actualisante des pronoms démonstratifs qui est évidente, mais voulons-nous plutôt brièvement souligner l'importance des pronoms personnels à cet égard.⁴

⁴ Cf., par exemple, K. BÜHLER, *Sprachtheorie*. Jena, 1934. Vorwort, Zeigfeld und Symbolfeld. V: „Einstweilen behauptet die *Zweifelderlehre*, dass das anschauliche Zeigen und Präsentieren in mehreren Modis genau so zum Wesen der natürlichen Sprache gehört und ihm nicht ferner steht wie die Abstraktion und das begriffliche Erfassen der Welt. Das ist die Quintessenz der hier entwickelten Sprachtheorie.” [hic! — J. D.].

Ainsi, les deux pronoms personnels „je” et „tu” représentent „les deux acteurs dramatiques” de la langue actuelle, ils sont en effet, des personnes autonomes: libres, actives, responsables de leurs actes, par contre, „la troisième personne” n’est pas une personne au vrai sens du mot; c’est une „personne” extrêmement abstraite, générale, hypostasée: le pronom „il” peut désigner n’importe quoi, c’est un „objet” indéterminé; il s’ensuit de tout cela que la troisième „personne” appartient au récit, à la narration, donc à la langue inactuelle. Comparez, par exemple, la distance entre les deux phrases actuelle et inactuelle: *je suis né et il naquit* à telle et telle date, etc.⁵ A ce système des pronoms personnels peut correspondre un même système tripartite des pronoms démonstratifs, par exemple, en latin *hic, iste, ille*, ou en serbocroate moderne *ovaj, taj, onaj* — ici, comme dans le système des pronoms personnels, le troisième membre du système est inactuel; souvent même, il y a une correspondance d’origine entre eux: par exemple, en slave, le pronom démonstratif inactuel *onъ* du protoslave remplit, dans la grande majorité des dialectes modernes, la fonction de la troisième personne; de même, dans la Roumanie, le pronom démonstratif inactuel *ille* du latin sert de pronom personnel, par exemple, en français: *il*, etc.

Il est même superflu de rappeler que les noms propres remplissent dans le langage une fonction éminemment actualisante.

De même, on sait très bien que la catégorie des articles définis et indéfinis représente dans les langues qui la possèdent un moyen très commode pour actualiser ou désactualiser les noms communs.

IV. 1. La phrase actuelle, représentant la prédication par excellence, peut passer par des nuances intermédiaires très fines à la phrase inactuelle.

En ce qui concerne notre dichotomie actuel: inactuel, la différence entre la fonction prédicative et épithétique de l’adjectif peut être le mieux observée dans une langue sans copule. Par exemple, en hongrois, dans la construction prédicative: *a ház nagy* ‘la maison est grande’, l’adjectif *nagy* qui fait fonction de prédicat nominal, tel un verbe actualise le sujet — *a ház*, c’est-à-dire qu’il le présentifie, le situe sur l’axe du temps actuel, et cet acte, concrétisé encore par une intonation prédicative, lui donne la tension *prédicative*, c’est-à-dire *actualisante à un degré supérieur*; on voit qu’en français la présentification est explicite: elle est marquée par la copule *est*. Par opposition, dans la construction avec épithète: *a nagy ház* ‘la grande maison’, il n’en est rien, car l’adjectif *nagy* qui a valeur d’épithète, ne fait qu’*individualiser* le substantif, c’est-à-dire qu’il l’actualise sans le présentifier, sans le situer sur l’axe du temps actuel,

⁵ Cf. E. BENVENISTE, La nature des pronoms. For R. Jakobson. Mouton and Co. The Hague, 1956, p. 36: „La langue même dévoile la différence profonde entre ces deux plans. — D’où les corrélations telles que *je:il — ici:là — maintenant:alors — aujourd’hui:le jour même* . . .”

donc sans force prédicative. Ainsi, la construction avec épithète et la construction prédicative entraînent une actualisation, mais pas au même degré, donc elles peuvent être opposées: la construction avec épithète est *désactualisée* par rapport à la construction prédicative — *a ház nagy* → *: a nagy ház*

IV. 2. Toutefois, même à l'intérieur de la prédication nous devons distinguer différents degrés d'actualisation. Le russe moderne peut en donner une idée claire. En russe, l'adjectif a d'ordinaire *deux* formes, une forme nommée *pleine* (полная форма) et une forme courte (краткая форма). La forme *pleine* s'emploie généralement, mais pas exclusivement lorsqu'il a pour fonction d'être *épithète*, tandis que la forme *courte* ne s'emploie que lorsqu'il fait fonction *prédicative*. Ainsi, par exemple, *широкая страна* 'un (ou le) vaste pays' et *широка моя страна родная* 'elle est vaste, ma patrie' ce qui est le commencement d'une chanson patriotique. Ce qui est intéressant ici, c'est que la forme *pleine* de l'adjectif russe peut aussi s'employer, dans certains cas (quand l'adjectif est substantivé, ou bien il dépend d'autres facteurs, surtout sémantiques) pour faire fonction de prédicat, parallèlement à la forme *courte*. Ainsi, les deux types de phrase forment une *opposition de fonction prédicative*. En voici un exemple. La prédication avec la forme *pleine*: *я веселый* signifie 'je suis gai', mais c'est un *état constant*, un *trait général* de mon caractère, plus exactement, cela veut dire: 'je suis un homme gai'. Par opposition, la forme *courte* de l'adjectif: *я весел* signifie 'je suis gai *en ce moment, actuellement*', c'est-à-dire c'est quelque chose de temporaire, de passager. Un autre exemple: *я больной* 'je suis (un) malade': *я болен* 'je suis malade (actuellement)'

IV. 3. Comme nous l'avons vu, nous distinguons des degrés différents d'actualisation. Pour nous, le plus haut degré d'actualisation équivaldrait à une identification *parfaite* du locuteur et de l'acteur ainsi qu'à une coïncidence *totale* de la parole avec l'action à un *instant actuel*. En effet, la langue peut produire une telle coïncidence *idéale*, mais ce n'est qu'avec les *verba dicendi* au sens le plus large du mot et, bien entendu, ce n'est qu'au présent ou passé actuel et à la première personne, mais tout cela est bien naturel. Par exemple, dans les phrases *Je vous le dis! Je vous remercie! Je jure! Je te bénis!* etc., l'énonciation peut parfaitement coïncider avec l'action.

Ce qui est le plus curieux, c'est que les langues connaissant la distinction *aspectuelle* — perfectif: imperfectif — préfèrent dans ces cas de coïncidence la forme *perfective* à la forme *imperfective*; or, cela semble impliquer une contradiction, car l'aspect perfectif est généralement caractérisé justement par son impuissance à exprimer le présent actuel.⁶ Ici, je m'appuie surtout sur les tra-

⁶ Cf., E. KOSCHMIEDER, *Zeitbezug und Sprache. Wissenschaftliche Grundfragen*. XI. Leipzig—Berlin, 1929. S. 34: „Miklosich hat diesen Unterschied in seiner Vergl. Gr. zur Darstellung gebracht. Auf die Frage: was machst du da? Kann man nie mit einem perfektiven Verbum antworten. Diese Art der Präsensunfähigkeit perfektiver Verben will ich zum Ausgangspunkt der Analyse machen.”

vaux de A. DEBRUNNER⁷ et de E. KOSCHMIEDER⁸ qui ont fait sur ce sujet une étude spéciale, puis je donnerai mes propres exemples.

Ainsi, en grec ancien (et modernes), dans ces cas de présent coïncident on emploie l'aoriste, pour mieux dire, on préfère la forme d'aoriste à la forme de présent, par exemple, ἀπόμωσα 'ich schwöre hiermit', ἀπήνεσα 'hiermit spreche ich die Anerkennung aus', etc.; DEBRUNNER souligne qu'il s'agit ici des tournures de la langue parlée (op. cit., p. 11). De même, en slave, surtout dans le slovène où l'emploi du présent perfectif dans la fonction de présent coïncident est presque une règle, il est relevé à partir des plus anciens monuments écrits; en voici un exemple fréquent tiré du slovène moderne: *zahvalim* 'je remercie'. De même, en hébreu où l'on préfère le perfectum à l'imperfectum dans cette fonction, par exemple, *bērachtī ōthō* 'je le bénis'. De même, en turc, on emploie dans ces cas de présent coïncident non pas la forme de présent, mais la forme nommée „aoriste”, par exemple, *teşekkür ederim* 'ich danke', *reisliği Pertev Bey'e vererim* 'ich übergebe das Präsidium Herrn P.⁹

Il faut y ajouter le hongrois qui n'a pas encore été relevé de ce point de vue, du moins, à ma connaissance. Ainsi, en hongrois, dans les cas de présent coïncident, on préfère la forme de présent *effectif* qui n'est autre chose qu'une forme de présent préverbe — le plus souvent par le préfixe assez vide *meg*.¹⁰ Or, les deux formes de présent *préverbe* (*meg-*): *simple* constituent une opposition *actuel:inactuel*. Il y a même une particule d'actualisation *ezennel*, quoique de style administratif ou littéraire, signifiant littéralement 'avec cela', c'est-à-dire 'par la présente', peut-être calquée sur l'allemand *hiermit*, qui a pour fonction de souligner la coïncidence. Par exemple, (ezennel) *megköszönöm szíveségét* 'je vous remercie (vivement) de votre gentillesse'; on peut dire aussi: *köszönöm szíveségét* (mais jamais: **ezennel köszönöm...*), c'est-à-dire en employant la forme simple, mais en ce cas *il n'y a pas de coïncidence*, il y manque cette tension psychique qui est caractéristique de la forme préverbée du présent effectif, c'est-à-dire *l'actuel*. Ainsi, en hongrois, les phrases *megígérem:ígérem*, *hogy eljövök* 'je promets de venir' sont opposées l'une à l'autre, parce que la forme préverbée *megígérem* indique la coïncidence de la parole avec l'action, qui marque l'effectivité de l'action: le locuteur qui est en même temps l'acteur qui actualise, c'est-à-dire met sur l'axe du temps présent, toute sa décision, toute

⁷ A. DEBRUNNER: (compte rendu) E. KOSCHMIEDER, *Zeitbezug und Sprache*. IF., 48, 1930; également: *Sprachwissenschaft und klassische Philosophie*. IF, 48, 1930.

⁸ E. KOSCHMIEDER, *Beiträge zur allgemein Syntax*. Heidelberg, 1965. S. 26 ff.: *Der Koinzidenzfall*.

⁹ H. J. KISSLING, *Osmanisch-türkische Grammatik*. Porta Linguarum Orientalium. Wiesbaden, 1960. S. 160.

¹⁰ La langue hongroise ne distingue pas d'aspect verbal, en dépit de toutes les affirmations contraires, qui sont d'ailleurs sans aucun fondement scientifique; mais, par contre, elle possède un système très riche de modalités d'action („Aktionsarten”).

sa responsabilité, en un mot *toute sa personne*; par opposition, la forme simple *igérem* est une parole sans engagement de la personne, c'est-à-dire sans force effective, sans ce plus d' *ἐπέγεια* de l'actualisation, elle est donc *inactuelle*, bien entendu, par rapport à la forme actuelle. „*Megveszem a könyvet*” 'j'achète le livre', dis-je au libraire en me décidant et en m'engageant par la parole même à acheter le livre: „(c'est) acheté!": „*Veszek egy könyvet*”, dis-je par opposition inactuelle, en réponse à la question: „Que fais-tu là” — ce n'est pas l'action même, ici, il n'y a aucun engagement, ce n'est qu' *une constatation, ou description de l'action*. Comparez encore: (ezennel) *megesküszöm: esküszöm* 'je jure'; (ezennel) *megparancsolom: parancsolom* 'j'ordonne'; (ezennel) *megáldalak: áldalak* 'je te bénis', etc. Bien sûr, on pourrait multiplier les exemples, mais ce serait superflu.

On voit donc que ces formes de caractère perfectif ou déterminé, comme le perfectum hébreux, l'aoriste grec, le présent perfectif slave, l'„aoriste” turc, le présent effectif hongrois, sont propres à faire coïncider la parole-action avec *la fuite de l'instant actuel*, c'est-à-dire à la situer *sur l'axe du temps actuel*, tandis que les formes correspondantes d'aspect imperfectif ou indéterminé ne le sont pas. Il n'y a pas de doute: c'est là la clef de la différence *essentielle* entre la notion d'aspect et celle de temps.

Ainsi, nous avons cherché à éclairer d'un autre côté ce que M. le professeur E. BENVENISTE dit au sujet de la subjectivité et non-subjectivité de l'énonciation; nous allons citer cet intéressant passage car il complète le sens de ce qui précède: „Or *je jure* est une forme de valeur singulière, en ce qu'elle place sur celui qui s'énonce *je* la réalité du serment. Cette énonciation est un *accomplissement*: «jurer» consiste précisément en l'énonciation *je jure*, par quoi Ego est lié. L'énonciation *je jure* est l'acte même qui m'engage, non la description de l'acte que j'accomplis. En disant *je promets, je garantis*, je promets et je garantis effectivement. Les conséquences (sociales, juridiques, etc) de mon jurement, de ma promesse, se déroulant à partir de l'instance de discours contenant *je jure, je promets*. L'énonciation s'identifie avec l'acte même. Mais cette condition n'est pas donnée dans le sens du verbe; c'est la «subjectivité» du discours qui la rend possible. On verra la différence en remplaçant *je jure* par *il jure*. Alors que *je jure* est un engagement, *il jure* n'est qu'une description, au même plan que *il court, il fume*. On voit ici, dans des conditions propres à ces expressions, que le même verbe, suivant qu'il est assumé par un «sujet» ou qu'il est mis hors de la «personne», prend une valeur différente.” (Problèmes de linguistique générale. Paris 1966, p. 265)

Si notre thèse de la dichotomie *actuel:inactuel* est juste, alors elle peut être aisément appliquée *dans tous les domaines de l'activité humaine*, surtout dans ceux-là qui touchent de plus près au langage: du point de vue phylogénétique, dans les langues des primitifs; du point de vue ontologique, dans la langue de l'enfant; ainsi que dans le domaine de la pathologie: chez les schizo-

phrènes et, surtout, chez les aphasiques; mais également, et nous aurions pu commencer par eux, chez les écrivains, surtout chez les dramaturges, et chez les artistes. — Ici, aussi, faute de place, nous sommes obligés de restreindre notre description à une esquisse.

V. 2. Il est très naturel que la vision, la conception pratique, c'est-à-dire *actuelle*, domine la vie, donc la vie des primitifs. Tous les auteurs s'empressent de souligner ce fait.

Voici comment B. MALINOWSKI généralise les faits linguistiques qu'il a observés chez les primitifs: „For each verbal statement by a human being has the aim and function by expressing some thought or feeling actual at that moment and in that situation, and necessary for some reason or other to be made known to another person or persons — in order either to serve some purpose of common action or to establish ties of purdy social communion, or else to deliver the speaker of what feelings or passion. Without imperative stimulus of the moment there can be no spoken statement” [hic! — J. D.]. (The Problem of Meaning in Primitive Languages. Suppl. I, C. K. OGDEN And I. A. RICHARDS, The Meaning of Meaning.¹⁰ London, 1956).

Le livre de K. ROEHL est très intéressant par ce qu'il décrit la structure de la langue bantoue *Chambala* qui a gardé quelque chose de primordial: le système aspecto-temporel ne connaît qu'une seule opposition binaire: *actuel et inactuel*. Mais voici le texte même: „Der Mtu-Neger ist ein Mensch des Augenblicks, der Anschauung, nicht der Reflexion. Von diesem wesenhaften Charakterzug der Ntu-Neger aus ergibt sich uns als erstes Distinktivum für die Verbalformen: *Findet die betreffende Handlung in dem gegenwärtigen Moment statt oder nicht?* So ergeben sich zunächst zwei Rubriken von Formen: 1. Solche zur Bezeichnung einer augenblicklich stattfindenden Handlung, wobei zu beachten ist, dass es für den Schambala ganz einerlei ist, ob die Handlung vergangen oder zukünftig ist. So kommt es, dass dieselben Formen sowohl die Vergangenheit wie die Zukunft bezeichnen können. Dieselbe naive [? — J. D.] Anschauung der Zeit spricht sich z. B. auch darin aus, dass das Wort *kale* sowohl die graue Vorzeit wie die späte Zukunft bezeichnet. In einer ganzen Reihe von Ntu-Sprachen [langues bantoues] bezeichnet ein und dasselbe Wort *gestern* und *morgen*, ein anderes *vorgestern* und *übermorgen*” (Versuch einer systematischen Grammatik der Schambalasprache. Hamburg, 1911. § 119). Que le Chambala représente ici quelque chose de très général, une sorte d'universaux primitifs, est démontré par cela même que des faits identiques ont été souvent observés et dans le langage enfantin, et dans des langues d'origine très diverse; par exemple, le mot gothique *gistradagis* 'demain' est étymologiquement lié avec le mot allemand et anglais *gestern* et *yesterday* signifiant 'hier', etc.

Concluons sur ce point par un passage de „La mentalité primitive”¹⁵ de L. LÉVY—BRUHL (Paris, 1960. p. 6): „Ce qui leur [aux primitifs] manque, c'est

d'appliquer ordinairement leur esprit à d'autres objets qu'à ceux qui tombent sous les sens, ou de poursuivre d'autres fins que celles dont ils aperçoivent l'utilité immédiate."

V. 3. De même, les auteurs de langage enfantin s'accordent à reconnaître que la langue „actuelle", ou l'„infralange", selon notre terminologie, est la première qui apparaît et, pour longtemps, la seule que l'enfant connaît.

Commençons par J. PIAGET (Le langage et la pensée chez l'enfant. Neuchâtel-Paris, 1923): „Il est un fait d'observation courante, c'est que le mot reste en effet, pour l'enfant, beaucoup plus proche de l'action et du mouvement".

Le livre de CH. et W. STERN, Die Kindersprache⁴ (Leipzig, 1928), est souvent cité dans la littérature de ce sujet; nous y emprunterons un passage de conclusion, p. 265: „Die Erklärung für diesen Vorsprung der Raumbeziehungen in ihrer grösseren Konkretheit. Der primitive Mensch, ob Kind oder Naturmensch, lebt räumlich ganz im Hier und zeitlich im Jetzt. Was jenseits des Hier und des Jetzt ist, also das Unanschauliche [das «Inaktuelle» — J. D.], ist ihm unfasslich".

Et voici, extrait d'une thèse excellente sur le même sujet: A. N. GVOZDEV „Comment se forme la structure grammaticale de la langue russe chez l'enfant", où l'auteur souligne l'importance du temps de présent actuel pour l'enfant: «Начальным моментом в усвоении времени являются случаи, когда ребенок констатирует совершаемое перед ним действие или отмечает какого либо наблюдаемого субъекта, напр. ма'ик ба-ба ('спит'), бобо па'ик ('болит пальчик'). — Таким образом, в этих предложениях речь идет о том, что происходит в момент речи, они соответствуют настоящему времени» (Как формируется у ребенка грамматический строй русского языка. Канд. дисс. Москва, 1941, стр. 149).

Le même fait est observé et relevé dans la langue des enfants roumains par la célèbre psychologue T. SLAMA—CAZACU [Relațiile dintre gândire și limbaj în ontogeneză (3—7 ani). București, 1957. p. 403]: „Dintre toate timpurile, acela preferat și primul exprimat relativ corect de către copii este *prezentul*. Multă vreme, acest tip predomină în vorbirea copilului, care cauta să aducă toate fenomenele despre care vorbește pe planul *concret* — mai sensibil, fiind mai apropiat de sine — al prezentului".

Il est facile à prévoir que dans une langue où l'on distingue, morphologiquement, la forme de présent actuel de celle de présent inactuel, c'est bien la première qui prédomine chez l'enfant. Voici ce que nous dit à cet égard J. BERKO (The child's learning of English morphology. „Psycholinguistics". Indiana University. New York, 1961, p. 374): „Of the verb forms, the best performance was with the present progressive: 90% of all children said that a man who knew how to *zib was *zibbing. Undoubtedly, children's speech is

mostly in the present tense, and this is a very commonly-heard form. Explanations of what is happening in the present all [hic! — J. D.] take this form. «The man is *running*» — or *walking* or *eating* or *doing* something. The additional point is that the *-ing* forms are not only very important; this inflexion has only one allomorph. The rules for its application are completely regular, and it is the most general and regular rules that children prefer”.

V.4. Nous pensons, de même, que notre dichotomie *actuel:inactuel* se prête à interpréter les différentes catégories de maladie mentale; entre autres, la distinction des deux types d’aphasie („similarity” ; „contiguity”) que R. JAKOBSON a proposée dans son livre fondamental „Fundamentals of Language” (R. Jakobson and M. Halle, Mouton and Co. ’S-Gravenhage 1956). Toutefois, ici, pour simplifier, nous ne ferons qu’une distinction entre normal et non-normal.

Selon nous, *actualiser*, c’est établir par la parole, sur l’axe du temps actuel, un contact, qui peut être de différents degrés d’intensité et d’adéquation, entre la pensée (volonté-sentiment-idée) et la situation extérieure, c’est-à-dire la réalité objective toute vivante et proche. Or de cette interaction actuelle entre le monde subjectif et le monde objectif résulte toute conscience active et tout sens des choses. Ainsi, *actualiser* équivaut à un acte de volonté et d’intelligence concentrée, à un acte de décision prompte et précise, responsable, selon le degré d’adéquation, c’est-à-dire que cela nécessite un grand effort de l’homme pour réfléchir la réalité objective par ses actes de conscience par excellence: tout cela exige une dépense considérable d’*ἐνέργεια*, même de la part des „normaux”. Il est donc naturel que le moindre trouble mental affecte la faculté d’actualiser.

On observe communément chez les aphasiques ainsi que chez les schizophrènes et, en général, chez les déséquilibrés mentaux, que leurs paroles sont non seulement troublées, mais — ce qui selon nous, est encore plus caractéristique — elles sont singulièrement *inactuelles*: ils parlent, c’est-à-dire forment des phrases verbalement correctes, mais ils *ne disent rien*, rien qui soit pertinent, essentiel pour la situation, c’est-à-dire que leurs paroles sont dépourvues de *sens*, bien entendu, cela varie en fonction de la gravité de la maladie. Tel un perroquet ou une machine alimentée, ces malades ne font que répéter ou bien ce qu’ont dit les autres, le plus souvent, leurs interlocuteurs immédiats, ou tout automatiquement le contexte tout proche et sensible. Bien sûr, les «normaux» le font aussi, mais pas exclusivement, il y a une certaine limite.

Voici ce que nous dit à ce sujet le célèbre neuropathologue américain K. GOLDSTEIN (Bemerkungen zum Problem „Sprechen und Denken” auf Grund hirnpathologischer Erfahrungen. P. 187): „Ebenso verhalten sie sich [die Kranken] in Situationen des täglichen Lebens. Sie versagen in allen Situationen, die zu ihrer Bewältigung verlangen, dass man sich willkürlich bald nach einem Aspekt einer Situation, bald nach einem anderen richten muss, dass

man reflektieren muss, welcher Weg der richtige ist, dass es eine Wahl notwendig ist" [hic! — J. D.] (Acta Psychologica. Vol. X. Amsterdam, 1954).

Tout cela a été observé et précisé aussi par les célèbres spécialistes soviétiques A. R. LURJA et L. S. Cvetkova: «Этот дефект — нарушение активного развернутого высказывания — является центральным при динамической афазии и выступает на фоне относительной сохранности всех других видов речи — повторения слов и предложений, простой диалогической речи. . . Трудности выступают, как только они должны приступить к самостоятельной активной речи» (Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X. Международном конгрессе лингвистов. Бухарест, 1967. Стр. 235).

Le problème est envisagé d'un point de vue plus général et le côté linguistique en est mis en relief par L. IRIGARAY (Négation et transformation négative dans le langage des schizophrènes): „Quel que soit le mode d'approche adopté, il semble que l'on puisse conduire à une relative substance des patterns syntaxiques dans les phrases des déments. Les enchaînements syntagmatiques y sont correctement réalisés et les appartenances aux diverses classes grammaticales le plus souvent répétées. Par contre, la sélection des termes au moment de la génération du message apparaît perturbée, ce qui entraîne des anomalies syntactico-sémantiques et sémantiques d'autant plus grossières qu'il s'agit des constituants relevant moins des normes d'interprétation syntaxique de règles de sélection, tel les adjectifs. On peut donc penser que si le dément conserve intacts les cadres de l'énoncé, il ne peut pour autant les actualiser efficacement pour générer de nouveaux messages. Cette hypothèse est confirmée par l'analyse de discours spontanés, ou semi-induits, de sujets déments, qui se réduisent presque essentiellement à une réduite stéréotypée d'énoncés antérieurs" (Langage. Mars 5, 1967. Pathologie du langage. P. 66).

V. 5. Dans la littérature mondiale on pourrait puiser beaucoup d'exemples où notre dichotomie est implicite. Cependant, nous préférons n'en citer que deux dans lesquels la corrélation *actuel* : *inactuel* apparaît tout clairement, sans aucune interprétation forcée.

Dans son „Faust" Goethe oppose, tout explicitement, à la conception idéaliste la conception matérialiste: au commencement était non pas la parole, mais l'action.¹¹ Bien sûr, c'est l'Évangile de Jean qui commence par ces mots: „Au commencement était la Parole, et la Parole était avec Dieu, et la Parole

¹¹ Les mots *action* (← lat. *actio*) et *actuel* (← lat. *actualis*, *actus* ← i-e. „**ag-* 'treiben', 'schwingen', 'in Bewegung setzen', 'führen'. Ursprünglich auf den Präsensstamm beschränkt" [hic! — J. D.]. J. POKORNY, Idg. Etym. Wb. Bern, 1959) — sont liés non seulement étymologiquement, mais aussi par le sens: une „action", au vrai sens du mot, ne peut être qu' „actuelle", et, inversement, „actuel" présuppose une „action" par excellence. En ce sens, „actuel" est l'essence même de l'action.

était Dieu".¹² Il est vrai que le prototype grec a ici *λόγος* qui est équivoque: il peut être traduit par „parole” et par „raison”, mais cela n'en diminue pas l'idéalisme périel, intenable.¹³

Dans la première partie de *Faust (Studierzimmer)* Goethe cherche à traduire, d'après son vrai sens, la phrase de Jean par „parole”, „sens”, „force” et, enfin, il trouve le mot propre: „action!”

Voici le passage entier dont la dernière phrase est très souvent citée dans la littérature, dans des contextes des plus variés:

„Geschrieben steht: „Im Anfang war das *Wort*”.
Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort?
Ich kann das *Wort* so hoch unmöglich schätzen,
Ich muss es anders übersetzen,
Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin.
Geschrieben steht: Im Anfang war der *Sinn*.
Bedenke wohl die erste Zeile,
Dass deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der *Sinn*, der alles wirkt und schafft? [hic! — J. D.]
Es sollte stehn: Im Anfang war die *Kraft*!
Doch, auch indem ich dieses niederschreibe,
Schon warnt mich was, dass ich dabei nicht bleibe.
Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat
Und schreibe getrost: Im Anfang war die *Tat*!”

Tandis que *Goethe* s'intéressait à la question de priorité génétique et l'avait résolue, les dramaturges contemporains, eux, mettent l'accent sur le problème de l'abîme qui sépare la vie „actuelle” de la vie „inactuelle” dans la société moderne, hautement civilisée.

Ainsi, par exemple, Fr. Dürrenmatt, dans son drame „Der Meteor”, nous présente son héros W. Schwitter, écrivain prix Nobel, dégoûté de sa vie „inactuelle”; il se prépare à mourir dans un petit atelier où, dans sa jeunesse, il faisait de la peinture, occupation qu'il avait abandonnée pour la littérature; le curé Lutz veut l'assister.

Pfarrer Lutz: Aber Ihre Seele —

Schwitter: Ich habe keine Seele, dafür reichte die Zeit nicht. Schreiben Sie einmal jedes Jahr ein Stück und Sie melden Ihr Innenleben auch schleunigst ab. Und da kommen Sie, Pfarrer Lutz. Zugegeben, es ist Ihr Beruf. Trotzdem. Da löst man sich in seine Bestandteile auf, in Wasser, Fett und Mine-

¹² Ce passage est extrait du Nouveau Testament. Traduction d'après le Texte grec, par Louis Segond, Docteur en Théologie. Nouvelle Édition Revue. 1935.

¹³ Cf. le prototype grec, la koinè: ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ Λόγος. *H KAINH DIAΘHKH*. The British and Foreign Bible Society. London, 1957.

ralien, und Sie schlagen mit Gott und Wundern um sich. Wozu? Damit ich mich als Werkzeug Gottes betrachte? Damit ich Ihren Glauben bestätige? Ich will ehrlich sterben ohne Fiktion und ohne Literatur [hic! — J. D.]. Ich will nichts als noch einmal die reine Zeit spüren, dieses sanfte Verfließen, ich will nichts als noch einmal eine Minute als Wirklichkeit erleben [hic! — J. D.], nichts als noch einmal eine Sekunde voller Gegenwart. (Zürich, 1966, p. 18).¹⁴

V. 6. Il n'y a point de doute, la dichotomie *actuel: inactuel* joue un rôle essentiel aussi dans les arts.¹⁵ Ici, nous nous limitons à une seule citation, au sujet de la peinture.

D. A. LAWRENCE, *Morality and the Novel, Phoenix*: „The business of art is to reveal the relation between man and his circumbiant universe, at the living moment. As mankind is always struggling in the toils of old relationship, art is always ahead of the «times», which themselves are always far in the rear of the living moment [hic! — J. D.]. — When van Gogh paints sunflowers, he reveals or achieves, the vivid relation between himself, as man, and the sunflower, at that quick moment of time. — It is a revelation of a perfected relation, at a certain moment, between man and a sunflower. . . And his perfected relation between man and his circumbiant universe is life itself. . . [hic! — J. D.]. Hence art, which reveals or attains to another perfect relationship, will be for ever new”.¹⁶

VI. Conclusions

1. L'opposition *actuel: inactuel* joue un rôle fondamental dans la constitution du langage, elle l'embrasse tout entier, à partir de ses premiers commencements et à chaque moment de son emploi. L'actuel est le membre fort, constituant, actif de l'opposition. *La langue actuelle constitue l'infrastructure même du langage („infralangue”)*, *la langue inactuelle n'en est que sa superstructure („supralangue”)*. Sans doute, la langue actuelle et la langue inactuelle se complètent l'une l'autre, elles forment ensemble le langage humain. Cependant, il ne

¹⁴ Ce passage de Dürrenmatt me rappelle, de loin, les paroles les plus poignantes de Peer Gynt :

Jeg vil opad, højt, på den bratteste tinde;
Jeg vil endnu engang se solen rinde,
Stirre mig traet på det lovede land,
se at få snedyngen over mig kavet;
de kan skrive derover: „her er ingen begravet”;
og bagefter, — siden —! Lad det gå, som det kan.

H. Ibsen, *Peer Gynt*. Oslo, 1950, 5. handl., p. 218.

¹⁵ Dans la musique, nul n'a réussi à exprimer ce que nous pensons par la dichotomie *actuel: inactuel* avec tant d'énergie et avec tant d'„élan terrible” que *L. van Beethoven*; cf. surtout son *Eroica*, sa *Cinquième Symphonie* et sa *Sonate de Waldstein*.

¹⁶ Empruntée à S. I. HAYAKAWA, *Language in Thought and Action*². London, 1965, p. 158.

faut jamais oublier qu'il y a une relation de dépendance entre elles: c'est la langue inactuelle qui est faite pour la langue actuelle, et non inversement; c'est une relation de moyen à fin: la langue inactuelle n'est qu'un moyen pour la réalisation de la langue actuelle.

Voici le premier principe général qui en découle: comme la fonction inactuelle est toujours dérivée de la fonction actuelle, en tant que son élargissement, et celle-là est faite pour servir à celle-ci, en tant que moyen, il s'ensuit que *pour analyser et définir les phénomènes linguistiques il faut toujours partir de la fonction actuelle* — soulignons une fois de plus — *qui est génétiquement première et toujours fin dernière pour chaque réalisation optima du langage.*

2. Notre conception est confirmée aussi par *la théorie des universaux*.¹⁷ Chaque langue a la prédication de structure bipartite: le sujet, élément connu, est actualisé par le prédicat, élément nouveau; chaque langue possède des pronoms personnels de 1. et 2. personnes: les deux acteurs (ou bien les deux actualisateurs) indispensables pour réaliser le drame linguistique; chaque langue emploie des déictiques: des pronoms ou particules actualisantes par excellence; chaque langue distingue les noms propres des noms communs: les noms actualisés par eux-mêmes et les noms non actualisés par eux-mêmes. Ce sont là justement les constituants essentiels de la grammaire, c'est-à-dire l'infrastructure grammaticale du langage. Mais pour commencer par la matière sonore de la langue, la voix humaine, avec toutes ses articulations et modulations nuancées, est un véhicule propre, destiné primordialement à actualiser; de même, le signe linguistique s'est constitué et évolué, dès le commencement, expressément pour *actualiser* la pensée du parleur à l'auditeur, aux péripéties d'une action commune; etc., etc.

3. Notre dichotomie *actuel: inactuel* converge avec la distinction de W. von Humboldt *ἐνέργεια: ἔργον*. Ayant emprunté cette antithèse à Aristote, *Humboldt* constate que le langage n'est pas *ἔργον*, quelque chose de tout fait, un produit tout statique, mais, au contraire, il est *ἐνέργεια*, c'est-à-dire activité énergétique, dynamique, créatrice. Toutefois, *Humboldt* ne précise pas sa conception, n'en donne pas une idée détaillée, claire.¹⁸

En ce qui concerne la distinction que F. DE SAUSSURE a établie entre „parole” et „langue”, la nôtre diverge sur plusieurs points. Tout en reconnaissant la génialité et le grand mérite du Maître Genevois — avant tout pour la conception du langage *sub specie systematis* —, nous pensons que sa plus grande contradiction, voire même son erreur fatale, fut de n'avoir reconnu pour objet de la linguistique, digne de ce nom, que la „langue”: „On peut à la rigueur

¹⁷ Cf. „Universals of Language”. Ed. by J. Greenberg. M. I. T. Press. Cambridge, Mass. 1963; par exemple, CH. FR. HOCKET énumère dix universaux de grammaire qui sont tous caractéristiques à la langue actuelle.

¹⁸ Cf., surtout „Über die Kawisprache auf der Insel Jawa”. Berlin, 1836, S. LV.

conserver le nom de linguistique à chacune de ces deux linguistiques et parler d'une linguistique de la parole, mais il ne faudra pas la confondre avec la linguistique proprement dite, celle dont la langue est l'unique objet" (Cours de Linguistique Générale.⁴ Paris, 1949. pp. 36—9). Cette conception erronée a pesé et pèse encore d'un poids lourd sur le développement de la linguistique moderne; inter alia, elle est coupable, en grande partie, d'avoir conduit, par influence posthume, à une tendance de formalisation superflue de la linguistique, c'est-à-dire à une linguistique l'art pour l'art.

A l'encontre de cette conception de F. DE SAUSSURE, je pense que la „langue”, considérée en elle-même, c'est-à-dire en opposition avec la „parole”, n'est qu'un inventaire de formes „mortes”, car, contenues dans ce dépositaire, elles n'ont pas de *sens*, au vrai sens du mot, ainsi, tout en existant comme phénomène, elles ne «vivent» pas: *c'est le contact avec le temps actuel qui leur manque!*

Voyons tout cela plus explicitement. Les formes de la langue, considérées en elles-mêmes, n'ont que des significations virtuelles, abstraites, générales, par conséquent, très vagues. Pour prendre un *sens*, elles doivent être actualisées, ce qui veut dire qu'elles doivent être mises sur l'axe du temps actuel par l'*ἐνέργεια* humaine, c'est-à-dire par le concours de la volonté, de l'intelligence, du caractère moral, donc social des acteurs en éveil. D'ailleurs, il est d'observation courante qu'une même forme de langue peut avoir deux *sens* opposés suivant la situation actuelle. Ainsi, en fin de compte, c'est la réalité objective, actuelle à chaque instant, et les acteurs en éveil qui décident du *sens* des formes de la langue, et non pas, inversement, les formes de la langue elles-mêmes. Par là, selon nous, l'hypothèse de SAPIR—WHORF est privée de fondement essentiel. Par contre, E. COSERIU a parfaitement raison: «El lenguaje es *actividad*, y no producto... no es *ἔργον*, sino *ἐνέργεια*». Et puis, plus explicitement encore: „*La esencia del lenguaje se da en el diálogo*” (Sincronía, diacronía e historia. Montevideo, 1958, pp. 17—25, 40).

4. Enfin, pensons-nous, si cette conception du langage était élaborée et approfondie plus en détail qu'ici — ce que nous essayons de faire ayant à notre disposition des dépouillements assez riches — elle pourrait fournir tout un système d'explications utiles à l'étude synchronique et diachronique de notre objet. Elle pourrait donner des informations essentielles même pour les autres sciences de l'homme, car cette dichotomie *actuel:inactuel* peut correspondre à deux types de comportement humain dont les extrêmes sont représentés par les *acteurs-créateurs* et les *déments*.

Certes, notre époque exige que la linguistique s'ouvre aux autres sciences, aussi les linguistes doivent-ils chercher non pas ce qui sépare la linguistique des autres sciences, mais, au contraire, ce qui la relie avec elles; ils y parviendront non pas en imitant une des sciences exactes, par exemple les mathématiques, mais en relevant ce que la linguistique a de meilleur pour collaborer à la tâche

commune: *c'est, selon nous, préciser et approfondir le rapport direct et actuel du langage avec le temps.* — Tout simplement, c'est le rythme accéléré de la vie contemporaine qui nous y presse.

Nous concluerons notre étude par une citation du *Cours* du Maître Genevois qui reste pour nous un des plus grands penseurs-linguistes de notre époque: „*Avec la notion de Temps, on se trouve à une croisée que peu de linguistes aperçoivent*” (Troisième Cours, p. 130).

**Аналогія як систематизуючий фактор у розвитку
споріднених мов
(на матеріалі українського наголосу)**

Ф. О. НІКІТІНА

Аналогія у мові є водночас і конструктивною, і деструктивною силою, і систематизуючим, і «анархізуючим» фактором: вона створює парадигматичні ряди і класи і руйнує їх. Тріюізмом було б підкреслювати, що аналогія є не тільки знаряддям системності (лінгвістичний план), а й проявом здібності людини до моделювання (екстралінгвістичний план). Аналогію можна розглядати також як прояв зв'язку мови і мовлення, ілюстрацію того, наскільки важливим для становлення мови як системи є мовний узус.

Деякі з сучасних дослідників пропонують взагалі відмовитися від такого широкого поняття, як аналогія, вважаючи, що в ньому є щось одіозно-молодограматичне, що аналогія становить лише тручне поєднання різного роду явищ, про які варто говорити лише тоді, коли вони знаходять собі місце в системі мови. Проте зведення всіх мовних явищ до твердої системи, під якою розуміється або дещо абстрактне, або тільки те, що вбачає у мові певний дослідник, приводить найчастіше до збіднення самого поняття «система мови», яка не є статичною схемою. Адже в підсистемах постійно відбуваються зміни і «пересування», мамічаються нові тенденції і зникають ті, що існували або тільки намічались. Взаємодія підсистем мови також являє певні підсистеми мови. Так, фонеморфологія вивчає явища, що виникають при зіткненні двох підсистем мови — фонологічної і морфологічної. Механічне зведення всіх мовних явищ в абстрактну систему приводить до забуття того, що система мови створюється колективними (хоч і несвідомими) зусиллями носіїв мови, тобто такий погляд веде до розриву між мовою і мовленням, до заперечення ролі мовного узусу у становленні системи мови. Тут варто пригадати слова Є. Куриловича: «З конкретної граматичної системи виходить те, які „аналогічні” перетворення можливі... Але соціальний фактор вирішує, чи реалізуються і якою мірою реалізуються ці можливості»¹.

¹ J. KURYŁOWICZ: La nature des procès dits „analogiques”. „Esquisses linguistiques”. Wrocław—Kraków, 1960.

Дуже часто дію аналогії можна уподібнити до дії сил, прикладених в одній точці. Аналогія (точніше, сукупність явищ, пов'язаних цією спільною назвою) «тягне» іноді мовну форму у різні боки. Цей процес прикладення різних сил в одній точці є постійним у мові. Як прояв його можна розглядати деякі випадки наявності двох наголосів в одному слові.

У цій статті ми розглянемо дію аналогії у сфері українського наголосу, взявши за фон для порівняння наголос відповідних за звучанням і значенням російських слів. Нашим завданням є аналіз впливу аналогії на виникнення форм, різних за наголосом у двох споріднених мовах, доведення того, що і в сфері наголосу аналогія є тією рушійною силою, яка диференціює споріднені мови. Ми будемо намагатися також дати деяку попередню класифікацію впливів на наголос за аналогією.

На роль численних аналогій, наслідки дій яких переплітаються, у створенні наголосу української літературної мови вказав Л. А. Булаховський у праці «Український літературний наголос». До питань про дію аналогії на різні мовні структури Л. А. Булаховський звертався у багатьох працях, зокрема в «Нарисах з загального мовознавства», «Историческом комментарии к русскому литературному языку», в серії акцентологічних студій української мови, (20—50-ті роки).

Ми добирали матеріал для порівняння з «Українсько-російського словника»² та «Словаря української мови» Б. Грінченка, зверталися лише до називних відмінків іменників та прикметників, інфінітивів дієслів та інших «внихідних» форм, майже обминаючи форми словозміни. Цей добір було зумовлено бажанням обмежитися покищо невеликим матеріалом з тим, щоб у майбутньому перейти до розгляду впливів аналогії на форми словозміни і словотвору.

Існування в українській мові певної кількості дублетних щодо наголосу форм пов'язується, крім лінгвістичних, з екстралінгвістичними факторами — більш пожвавленими міграційними процесами на Україні, що почалися після 1945 року, коли, нарешті, представники різних діалектів і говірок об'єдналися в єдиній українській радянській державі. Наслідком цього є діалектно-інтерференційні процеси у мові. На зміну тим словам, що у виданнях «Українського наголосу» 1943 і 1946 років наводив Л. А. Булаховський як приклади подвійного наголосу (початок), приходять внаслідок діалектної взаємодії і впливу її на літературну мову інші форми. Намічається і деякий перерозподіл у частотності вживання дублетних форм, викликаний поширенням інтересу до етимології слів. Так, в останні роки з двох дублетних форм — «зокре́ма» і «зокрема́» при перевазі, яку більшість віддає першій, частіше, ніж в 50-ті роки, вживається і друга.

² Українсько—російський словник. Київ, 1964.

Крім того, слід ураховувати вплив інших східнослов'янських мов, особливо російської, через пресу, радіо та телебачення. Але не варто і переоцінювати значення цього впливу. Він виявляється у збереженні наголосу на останньому складі деяких дво- і трискладових іменників з префіксами, спільних для обох мов і таких, що часто зустрічаються в пресі (*наліт, обліт, обквіт, охвіт, недобір, недосів* і ін.), при тому, що наголос на префіксах у словах такого типу становить специфічно українське акцентне явище (*напис, начерк, нарис, бпис, бпір, бпик, ббіг, бберт* і багато інших). Цей вплив позначається і на наголосі складних слів (особливо тих, що належать до суспільно-політичної лексики), які часто створюються в обох мовах за однаковими моделями. Загалом же акцентний малюнок української мови, зберігає свої специфічні риси, що відрізняють український наголос від наголосу інших східнослов'янських мов.

Українські слова порівняно з відповідними за звучанням і значенням російськими дають багато випадків перенесення наголосу наперед (185 слів з 260 розглянутих). Пересування наголосу на подальший у порівнянні з російською мовою склад відбувається у 66 випадках, решту становлять слова з несталими (в одній чи другій мові) наголосами. Цікаво, що з 66 слів 37 це прикметники на *-ий, -кий*. На них ми не зупиняємося, враховуючи їх достатню вивченість у синхронічному і діахронічному планах³.

При розгляді відповідних російських і українських слів слід звернути увагу на те, що в три рази більше українських слів має тенденцію до перенесення наголосу на попередній склад, ніж на подальший. Це прояв загальноукраїнської тенденції до пересунення наголосу наперед. Одним з прикладів дії такої тенденції є перенесення наголосу на префікси у дво- і трискладових іменниках з префіксами, а в дієсловах — перенесення наголосу на склад, що стоїть безпосередньо після префікса, або на префікс. У певній групі складних слів відмічається тенденція до усталення наголосу на другому від початку складі (*правдіс* і решта слів на *-пис, гуртбжиток, одніліток* тощо). Прояв цього є й у наголосі деяких нескладних чотирискладових слів (*борбдавка, сирбватка*), слів з першою частиною *полу-* (*полуборки, полукінок, полумисок*), з першою частиною *недо-* (*недбідки, недбкурок, недбпичка, недбвірок, недбгляд* тощо).

Тенденцію до пересунення наголосу наперед відбито й у відприкметникових прислівниках, де наявна майже повна уніфікація наголосу на першому складі (*високо, широко, порожньо, прбсторо, сблодно, солоно, кбротко* і ін.), порівнюючи з російською мовою, де дві моделі (*высоко́, широко́, але кбротко, сладко*), хоч російські діалекти відбивають тут несталість наголосу — зустрічаються форми «высоко́» і «вы́соко». З парадигми наголошених на першому

³ Л. А. Булаховський, Наголос українських прикметників. «Записки історико-філологічного відділу УАН». Кн. XIII—XIV. Київ, 1927 р.; А. П. Білоштан, Наголос членних прикметників у сучасній українській літературній мові. Київ, 1958.

складі українських прислівників випадає «дале́ко», хо́да в іншому прислівнику від цього ж кореня наголос на першому складі: «зда́лека».

Кількість прикладів набагато б збільшилася (мається на увазі пропорція між українською і російською мовами), якби ми залучили до підрахунків численну групу віддієслівних *три-, чотири-* і навіть п'ятискладових іменників на *-ення*: *розщеплення, подразнення, розповсюдження* і ін. (в більшості яких *-ення* є ненаголошеним, а відповідні за значенням і структурою російські іменники мають наголос *-éние*), а також велику кількість (за попередніми підрахунками біля двохсот) трискладових і чотирискладових слів з різними префіксами і флексією *-а*: *ува́га, ухва́ла, поя́ва, приви́да, уя́ва, прикме́та, прина́да, спору́да* і ін., яким у переважній більшості відповідають російські слова на *-áние, -éние* (*внима́ние, реше́ние, представле́ние* і ін.), частина з яких має наголос не на другому, а на третьому від початку складі.

Розгляд акцентних явищ дозволяє дати таку попередню класифікацію впливів аналогії на наголос в українській мові:

1. Аналогія з ознаками рекурсивності, типу $a_1 \dots a_n \rightarrow a_{n+1}$, де a_1 є деяка структура, \rightarrow означає такий факт: якщо процес рекурсивного визначення породжує структури a_1 і a_n , то він породжує також структуру a_{n+1} . Як приклад такої аналогії можна розглядати усталення наголосу прикметників на *-кий*, наголосу відприкметникових прислівників типу «ви́соко», «ши́роко» тощо. Аналогія з ознаками рекурсивності зустрічається не лише у сфері дії наголосу. В галузі словотвору прикладом впливу такої аналогії є вищеназвані слова типу «догана, наруга, відозва». В таких випадках можна було б говорити про «тиск системи», вживаючи термін, запроваджений К. Бругманом і оновлений Е. Макаєвим⁴.

2. Сингулярна аналогія — поодинокі випадки типу розв'язання пропорції $a : b = c : d$, або мовний квадрат (повний і неповний)⁵. Цей тип аналогії розподіляється на такі різновиди: а) рівняння, зобов'язане дії семантичних чинників: «товстий» одержує наголос по аналогії до «худий», «старій» — до «молодій» (те, що Л. А. Булаховський назвав асоціативними парами). При цьому часто створюються римовані пари, а асоціювання може бути різним (антитеза у попередніх випадках або синтез у випадках «бóсий»; «гóлий»; «хромий»; «сліпий»). б) Чисто графічний тип пропорції — рос. «дочь: дóчка», «ночь: нóчка» з доданням неповних квадратів «рука: рúчка» і ін.

3. Аналогія, що охоплює групи слів, проте не має такого широкого застосування, як перший тип. До цього різновиду аналогії слід, мабуть, віднести таке явище, коли наголос підтримується не пропорціями типу квадрата або неповного квадрата, а існуванням цілої групи слів з фіксованим наголосом. Як

⁴ Э. Д. Макаев: Понятие давления системы и иерархия языковых единиц. «Вопросы языкознания». № 5, 1962 г.

⁵ Ми користуємося поняттям мовного квадрата, запровадженим у книзі J. GREENBERG, *Essays in linguistics*. Chicago, 1957.

приклад, варто розглянути слова групи «пріязнъ, пріязно, пріязність, прія-тель» Можливо, стабільність наголосу тут підтримується двома причинами: а) аналогією до іменників з наголошеним префіксом *при-*; б) існуванням прислівника «пріязно», створеного за такою ж моделлю, як прислівники «ві-соко», «широко» тощо.

До цього ж типу аналогії слід віднести збереження наголосу на початковому складі у словах «кóлесо» і «кóлія». Носії мови відчували зв'язок цих слів із словом «кóло» (зменш. «кóлечко»). Такого зв'язку у російській мові не існувало, і слова «колесó», «колея» перейшли до інших акцентних груп — перше до великої групи іменників середнього роду з наголосом на останньому складі, друге — до групи з наголосом *-ея* : *шлея*, *швея*, *змея* і ін.

Існування наголосу на останньому складі у слові «коші́ль» (цей наголос подає Б. Грінченко) підтримувалось, мабуть, словами «коші́вниця». Після того, як ці слова стали рідко вживаними, слово «коші́ль» втратило наголос на останньому складі. Його сучасний наголос підтримується існуванням слова «ко́шию». А наголос російського слова «коше́ль» (не дуже часто вживаного) підтримується існуванням слів «кошо́лка», «раскоше́лится».

До цього ж типу аналогії слід віднести наголос у слові «ві́сити». Наголос на першому складі цього слова можна пояснити наявністю у мові багатьох дієслівних форм з наголошеним приростком *ви-* (*вилити*, *вимити*, *видати* тощо); «ви-» у слові «ві́сити» сприймається як приросток (несвідомий перерозподіл морфем, близький до явищ народної етимології).

На цих прикладах бачимо, що слово, яке втрачає семантичноакцентні зв'язки з однією групою слів (внаслідок архаїзації цієї групи або з іншої причини), «прагне» встановити такі зв'язки з іншою групою. До речі, тенденцією до усунення ізольованих слів у мові пояснюються і випадки народно-етимологічного переосмислення слів, і намагання відмінити невідмінювані слова іншомовного походження (особливо це стосується слів середнього роду на *-о*).

Отже аналогія включає в себе широке коло асоціативно-адаптивних явищ, суть яких зводиться до систематизації мовних форм, до усунення поодиноких, ізольованих форм шляхом віднесення їх до тих чи інших парадигм.

При вивченні дії аналогії варто було б розглянути вплив римованих форм на усталення наголосу в українській мові з її великою кількістю римованих народних пісень і прислів'їв. Так, літературний наголос слова «верба́» міг усталитися вживаністю цього слова у народній поезії, його римуванням із словами «вода» «земля». Пригадаймо традиційне побажання: «Будь високий, як верба́, а багатий, як земля», початок пісні: «Ой у полі верба́, під вербо́ю вода» (щоправда, пісні вказують і на несталість цього наголосу — «На городі ве́рба рясна...»). На уніфікацію наголосу на корені у словах на *-іь* (*крéміль*, *ре́віль*, *ре́мінь* тощо) теж деякою мірою могла вплинути підсилена вживанням у народній поезії аналогія до слова «грéбінь»: «Ой продала дівчина грéбінь та купила козакові крéмінь.» Наголос у слові «крéмінь» міг підтримуватися наголосом

семантично близького слова «ка́мінь» (див. рос. діал. «крéмень» під впливом «ка́мень»).

Можливим опонентам нагадаємо цікавий випадок, про який писалося у свій час. До Великої Вітчизняної війни розповсюженою помилкою була вимова російського слова «молодежь» з наголосом на першому складі. Орфографічний словник Д. М. Ушакова зафіксував такий стан написом у дужках із знаком оклику: «молодёжь (не мблoдеж!)». Із розповсюдженням «Гимна демократической молодежи» (з його припівом: «Песню дружбы запеваеt молодёжь, молодёжь, молодёжь, Эту песню не задушишь, не убьёшь. . .»), що став надзвичайно популярним, неправильний наголос майже повністю зник.

Дія перетворень, пов'язаних з римуванням, не обмежується у мові обсягом наголосу — вона може викликати звукові і семантичні зміни (наприклад, зміна початку слова під впливом іншої форми, що римується з даною, контамінації як засіб зближення форм, що римуються). Слід звернути увагу, наприклад, на такі пари, як «коструб» — яструб; синонім «коструб» до слова «яструб» обумовлений впливом римованих закінчень. Вплив римованих пар на словозміну і навіть на словотвір української мови ще чекає свого дослідника. Потрібно зробити те, що з такою докладністю і ретельністю було зроблене Гюнтертом для давньоіндійської та грецької мов⁶.

При аналізі усталення наголосу в споріднених мовах слід, звичайно, крім аналогії, звернутися і до вивчення інших факторів, залучаючи дані сужіжних діалектів російської та української мов. Проте розгляд цього питання виходить за межі даної статті.

⁶ H. GÜNTERT, Über Reimwortbildungen im Arischen und Altgriechischen. Heidelberg, 1914.

Программа образования повелительного наклонения стандартных русских глаголов на ЭЦВМ ODRA 1013*

Ф. ПАПП

Цель настоящего сообщения состоит в том, чтобы ознакомить читателя-филолога, неискушенного в машинной практике, с одной программой, написанной на языке машины ODRA 1013. Предполагается, что читатель не обладает специальными знаниями как в области математики, так и в области вычислительной техники. Для полного понимания программы нужны некоторые сведения, которые будут вкратце изложены ниже (см. п. 1).

Центральная часть сообщения — п. 4, в котором излагается и комментируется вся программа. Читатель-словесник может сравнить этот раздел с документальной драмой или с точным воспроизведением интервью, данным человеком при социологическом исследовании. Только в нашем случае героем документа или интервью является не человек, а машина. Дело в том, что в п. 4 не просто пишется «о машине» — а заговорит она сама, точь-в-точь как она работает в действительности.

1. Некоторые технические сведения

О нашей машине достаточно знать, что действует она весьма медленно (не больше 1600 операций в секунду) и память у нее весьма маленькая. В ее памяти можно поместить около 8200 семибуквенных слов, т. е. несколько меньше объема 1,5 печатного листа. Каждое слово хранится в ячейке памяти как, положим, слова хранятся на отрезках магнитофонной ленты. Каждая ячейка имеет свой адрес, поэтому всегда можно найти некоторое слово, зная адрес ячейки, в которой оно хранится. (Стало быть адрес — это что-то вроде «номера телефона».) Адреса перенумерованы от 00000 до 17777 так, что нет знаков

* Автор выражает искреннюю благодарность Дж. С. Аллеману, своему учителю по программированию; П. Екелю, С. Рохлицу и К. Сигети, сотрудникам ВЦ Университета им. Л. Кошута, помогавшим ему в отглаживании описываемой здесь программы; Н. Г. Арсентьевой, прочитавшей рукопись настоящей статьи и сделавшей ряд ценных замечаний, как по существу изложимого в ней, так и по ее языковому оформлению.

8 и 9, итак, самые первые адреса таковы: 00000, 00001, 00002, ... 00006, 00007, 00010, 00011, 00012, ... 00016, 00017, 00020 и т. д. Как будет видно из п. 4, каждая отдельная команда, предписываемая программой, есть не что иное, как одно слово (грубо говоря семибуквенное): каждую команду внесем поэтому в ту или иную ячейку. Подобным же образом, под определенными адресами, будут храниться нужные окончания повелительного наклонения: мы их внесем в память машины, как вносим нужные слова на ленту магнитофона, только мы будем точно знать место (адрес) каждого внесенного слова — в отличие от магнитофона, где иногда даже целые куски текста трудно найти.

Существует, помимо всего прочего, еще одно различие между памятью нашей машины и «памятью» магнитофона. А именно: мы входим в нашу машину с перфоленты. Иными словами: мы пишем наш текст (наши команды, запоминаемые окончания и т. п.) на несколько необычной машинке, изготовляющей наряду с обычным, печатным текстом также и перфоленту. Последняя нас мало интересует: она изготавливается автоматически, когда мы печатаем нашу программу. Необходимо знать только следующее: а) согласно одной из наших команд машина будет читать с перфоленты букву за буквой (знак за знаком); б) мы вынуждены были пользоваться латинским шрифтом — естественно, существуют машины с вводом и выводом также кириллических букв; в) в связи с тем, что имеются пары (буква—цифра), которые пробиваются на ленте одинаково, введены специальные знаки, которые говорят о том, что именно за ними следует: знак *ls* (letter sign) означает, что дальше следуют буквы, знак *fs* (figure sign) означает, что дальше следуют цифры. Пункты б) и в), как нам кажется, нуждаются в некоторых дополнительных разъяснениях.

Замечания к п. б): Вот примеры, как мы транскрибировали разные русские глаголы в латинской записи: *duwmaty*, *chitawty*, *derzhawty*. Как видно, ударение мы отмечали с помощью знака *w*, поставленного после знака ударяемого гласного. Мы могли бы пользоваться также и любым другим знаком (буквой, не применяемой при транскрипции с кириллицы, так, напр., буквой *q*). Менее удобно было бы пользоваться средством, более обычным по своему внешнему облику — запятой или точкой, поставленной также после знака ударяемого гласного: *du'maty* или *chita'ty* и т. п.

Замечания к п. в): На ленте букве *e* и цифре 3 соответствует один и тот же знак (одна дырочка на «правом» краю ленты). Машина будет воспринимать этот знак как *e*, если до этого знака стоял упомянутый знак 'буква', и как 3 — если до этого знака стоял упомянутый знак 'цифра'. Аналогично совпадают, например, перфорационные соответствия буквы *s* и апострофа «'» (что и было бы наиболее обычным обозначением ударения) и т. д. То, что знак 'буква' должен стоять до знаков букв (и, соответственно, знак 'цифра' — до знаков цифр) не надо понимать так, что перед каждой буквой повторяется этот специальный знак (и перед каждой цифрой — другой специальный знак). Дело в том, что обычно мы пишем либо сплошными буквами, либо сплошными цифрами. По-

этому перфорационная машинка (как и остальные устройства, связанные с ней), устроена так, что стоит только один раз нажать на клавишу 'буква' — и после этого можно писать букв сколько угодно, вплоть до следующей цифры (знака препинания и т. п.); нажимаешь на клавишу 'цифра—знак' — и после этого можешь писать сплошных цифр, знаков и т. п. сколько угодно, только чтобы они не были прерваны ни одной буквой. Так, если ударение обозначать апострофом, то глагол

DU'MATY

имел бы на ленте такой вид (предполагаем, что раньше мы работали с цифрами и поэтому надо начать с того, что нажимаем на клавишу 'буква' [ls]):

lsDUfs'lsMATY

Т. е. слово удлинялось на два лишних знака: знак 'цифра' (fs) до апострофа и знак 'буква' (ls) — после него. Подобного удлинения при принятой нами системе обозначения ударения нет:

lsDUWMATY

Дело не только в удлинении словоформы, а в том, что наш алгоритм построен именно на подсчете количества букв начиная с первого fs, лишний знак fs мешал бы (более подробно об этом см. п. 3).

2. Постановка задачи — первое приближение. Необходимые исходные лингвистические данные

Сформулируем задачу так: задав машине глагол в инфинитиве, будем требовать, чтобы машина выдавала вместо него форму повелительного наклонения (ед. ч.); после этого машина должна перейти к следующему глаголу с той же задачей — и т. д. до конца ленты.

Ясно, что заданием в качестве исходных данных одного только инфинитива задачу решить нельзя. Нужно, чтобы а) отмечалось место ударения (ср. *режь* и *скажи* — разные окончания вызваны причинами акцентологического порядка); б) обозначалась (пользуясь нашей терминологией¹) усечанная основа (УО) (ср. *читай* и *пиши*: *чита/ть*, но *пис/ать* — знаком «/» и будем обозначать конец УО); в) обозначался тип спряжения глагола 1 или 2 (ср. *режь* и *брось* — в случае 1-го спряжения меняется последний гласный УО). Специалистам русского языка сразу же ясно, что этих сведений недостаточно для всех русских глаголов. Поэтому мы и писали в заглавии настоящего сообщения только о «стандартных» глаголах. Некоторые исключения школьных грамматик будут охвачены нашей программой (о них см. ниже, п. 3) — все остальные типы, неваченные в этом варианте программы, и будут рассматриваться как нестандартные (о них см. в п. 5); не принимаются также и возвратные глаголы.

¹ К. Болла—Э. Палл—Ф. Папп, Курс современного русского языка. Будапешт, 1968.

3. Блок-схема решения задачи: второе и третье приближения

Программирование любой, сколько-нибудь сложной задачи начинается обычно с построения блок-схемы решения данной задачи. В блок-схеме шаг за шагом определяется, что именно надо делать; в блок-схеме наглядно и обзорно изображается алгоритм решения задачи. А программирование и заключается именно в том, что сложная задача разбивается на мелкие элементарные операции, порядок которых определен.

Как второе (по сравнению с изложенным в п. 2) приближение можно сформулировать нашу задачу в виде очень простой блок-схемы (см. рис. 1). Римские цифры при каждом блоке указывают на соответствующий раздел блок-схемы третьего приближения; цифры же с 17200 по 17316 — номера адресов, где помещены в памяти машины соответствующие команды.

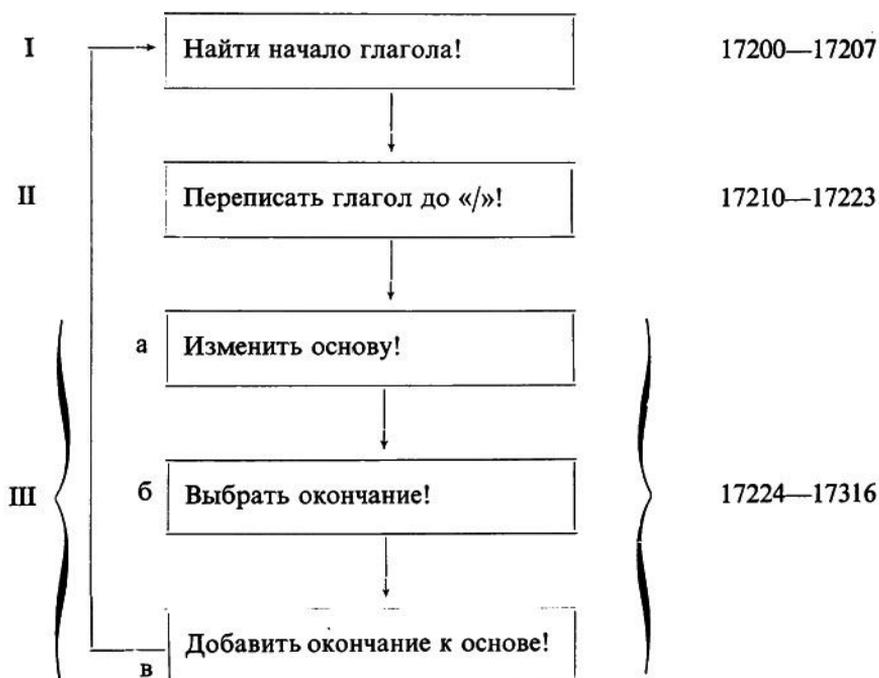

Рис. 1

Как видно из рис. 1, довольно много места занимают команды общего типа (это команды групп I и II, а также — III-в: при любой задаче надо найти начало «текста» [I]; в задачах филологического характера очень типично также требование переписывания или запоминания той или иной части текста в определенных ячейках памяти [III]; добавить некоторый ряд букв ~ окончание — к уже готовой части [III-в]). Эта громоздкость вызвана тем, что мы програм-

мировали на языке машины, а также тем, что соответствующего искусственного программирующего языка, удобного для лингвистических целей, пока еще нет. Если бы был такой язык, то разделам I, II, III-в соответствовали бы в нашей программе только по одной команде; особая готовая программа заботилась бы о переводе этих сложных команд на язык машины. И тогда все внимание концентрировалось бы на собственно решении задачи (III-а и III-б). (Отметим, что «Изменить основу!» может означать и нулевое изменение точно так же, как и выбранное окончание может оказаться нулевым — не обязательно в этой конкретной задаче.)

Итак, выбор окончания (и изменение основы, если оно нужно), — вот наша задача. Здесь и только здесь нужна творческая фантазия лингвиста. Сначала мы попытались построить эту часть программы так, как раньше обучали этому людей (студентов). Оказалось, что блок-схема очень сложна: в то время, как человек одним единственным взором охватывает такую группу букв, как *-ова(ть)*, машина должна читать это по буквам, после каждой буквы сравнивая результат чтения со вложенными в нее образцами; человек сразу воспринимает окончание *-ти'* в инфинитиве (*нести'*) — но машине это мучительно и т. д. Группируя материал в разных комбинациях, мы вдруг пришли к мысли о том, что чтение можно заменить простейшим счетом: оказывается, что при разбиении глаголов на группы с однокровным окончанием повелительного наклонения для каждой такой группы глаголов характерно определенное число знаков, следующих за знаком «/» (границей усеченной основы). Это — основная идея алгоритма, блок-схема которого изложена в рис. 2, программа на языке нашей машины — в п. 4.

Опишем словами этот алгоритм. Возможные окончания повелительного наклонения: *й, ь, и', уй, у'й*. В случае любого русского глагола, поданного в форме инфинитива, с отмеченной границей УО, с поставленным ударением и с указанием на тип спряжения мы определим, не является ли он исключением (в этом случае выписывается только УО, указывается на тип исключения, но сама форма не образуется): если это — стандартный глагол, то к его выписанной УО (измененной или неизмененной — это определяется на основе учета типа спряжения) письменно же добавляем одно из этих окончаний и берем следующий поданный глагол, в следующих тактах (можно проследить смысл этих операций на табл. 1): Нашедши начало глагола («+») (1) перепишем каждую букву до первого знака *fs* (этот знак здесь означает: 'внимание, дальше следует знак «/», т. е. граница УО!'). (2) Нашедши этот знак *fs*, читаем три знака, остановившись на третьем! (Просто «читать», не останавливаясь на прочитанных буквах — это фиктивное чтение, это и есть замена реального чтения простым счетом. Пропущенные два знака были, как видно из табл. 1: сам знак «/» и знак *ls*.) (3) Сравнимте этот знак, на котором мы остановились, со знаком «У»! Если это (3.1.) да, есть знак «У» — то мы натолкнулись на исклю-

Таблица 1

17225	fs + lSPECHlfs/sY	fs1 =	(печь)
17233	fs + lSSEfSfS/lSTY	fs1 =	(сесть)
	fs + lSDUWMafS/lSTY	fs1 =	(думать)
17245	fs + lsvIwJfS/lSTI	fs1 =	(вы'йти)
	fs + lSBESPOKOWfS/lSITY	fs1 =	(беспоко'ить)
	fs + lSREWZfS/lSATY	fs1 =	(ре'зать)
	fs + lSBROWfS/lSITY	fs2 =	(бро'сить)
	fs + lSIdfS/lSTIW	fs1 =	(идти')
17270	fs + lSDOfS/lSIWTY	fs2 =	(дои'ть)
	fs + lSLUBfS/lSIWTY	fs2 =	(люби'ть)
	fs + lSSKAZfS/lSAWTY	fs1 =	(сказа'ть)
17305	fs + lSMONTIWRfS/lSOVATY	fs1 =	(монти'ровать)
17311	fs + lSRISfS/lSOVAWTY	fs1 =	(рисова'ть)

Примечание. Цифры в левом столбце указывают на адрес первой команды, с которой начинается обработка данной группы глаголов (ср. п. 4). Знаки «+» и «=» имеют значение 'начало глагола' и 'конец глагола' соответственно.

чение типа *печь*: отметив это обстоятельство (т. е. выписав после уже выписанной УО текст, указывающий на данный тип исключения), мы и можем обратиться к следующему глаголу; (3.2.) нет, не Y, то читаем на один знак дальше. (4) Сравните этот вновь зачитанный знак со знаком «Y» (не надо забывать о том, что знак Y есть не что иное, как эквивалент знака «ь», стоящего в конце инфинитива!). Если (4.1.) это и есть знак «Y», то, как видно из табл. 1, возможны два случая: мы имеем дело либо с нестандартным глаголом типа *сес'ть*, либо же с стандартным глаголом с УО на гласный и с ударением где-то на основе (как: *ду'ма'ть*, *де'ля'ть*, *выду'мыва'ть*, *чита'ть* и многочисленные другие): к последним мы добавим окончание -й и обратимся к следующему глаголу. А вопрос о том, является ли это исключением или стандартным случаем названного типа, решается на основе последнего элемента УО (который мы и должны поэтому удерживать в памяти): если он был гласный, глагол был стандартен; (4.2.) это не был знак «Y», мы читаем на один знак дальше. (5) Как видно из таблицы, оказавшись на этом месте, мы можем находить пробел (исключение типа *вы'й'т,и*) или знак «W» (исключение типа *ид'т,и*) или же знак «Y». В последнем случае мы проверим: если последний элемент УО был гласный — то добавим окончание й (это стандартные глаголы типа *беспоко'ить*, *стро'ить* и т. п.), если же согласный — то это стандартный глагол с ударением на основе, соответственно и надо добавить окончание «ь», изменив УО, если глагол был первого спряжения (*ре'з'ать: режь*), или оставив ее без изменения, если он был второго спряжения (*бро'с'ить: брось*). Установить тип (номер) спряжения было нетрудно: мы читали на три знака дальше и проверили, какая

там цифра. (См. на табл. 1: первый знак — пробел, второй — *fs*, а на третьем и оказывается нужная цифра 1 или 2.) Если же на этом месте оказалось не пробел, не «*W*» и не «*Y*», то читаем на один знак дальше. (6) Если мы на этом месте нашли «*Y*», то проверим: был ли последний элемент гласным — если да, то добавим *й* (*до/и'ть: дай* — стало быть, это — стандартный глагол с УО на гласный и с ударением не на УО); если нет, то опять изменим основу в случае 1-го спряжения или не изменим ее в противном случае; добавим окончание *и'* (*сказ/а'ть: скажи'* — *люб/и'ть: люби'* и т. п.). Если же на этом месте оказалось не «*Y*» то читаем на один знак дальше. (7) Если на этом месте — «*Y*», то это глагол на *-овать* с ударением на УО (*монти'р/овать, электрифици'р/овать* и т. п.: *монти'руй*), если «*T*» — такой же глагол с ударением на *-ова'ть* (*рис/ова'ть, танц/ева'ть* и т. п.: *рисуй*), если же ни одно, ни другое — то это должно быть каким-то странным исключением (не предвиденным) или же просто ошибкой на ленте: добавив *уй* или *уй'* или же установив факт непредвиденного исключения мы и обратимся к следующему глаголу — и т. д. до конца ленты.

На рис. 2 изображена блок-схема этого алгоритма. На этой блок-схеме почти каждому реальному машинному шагу соответствует по одной фигуре (прямоугольнику или ромбу). Ради экономии места упрощенно изображается там только операция «сравнения». Фактически, как увидим в п. 4, каждому акту сравнения соответствуют по две команды: 1 — производится сравнение, 2 — устанавливается, нулевой результат или нет: если результат равен нулю, то это значит, что сравниваемые элементы одинаковы, если нет — неодинаковы. Кроме этих двух команд (=двух машинных слов) нужно иметь еще где-то в памяти машины образец, с которым производится сравнение. Конкретно все это показывается в ходе изложения программы. Блок-схема на рис. 2 может служить ориентиром в довольно сложной паутине программы, и, наоборот — многое в блок-схеме становится понятным только из объяснений к программе.

4. Ниже приводится сама программа: (то, что действительно заносится на перфоленту — набрано курсивом и начинается в середине; наши комментарии набраны прямым шрифтом и продолжаются по всей ширине страницы):

:401 01200:

** cr lf cr образование повелительного наклонения от стандартных русских глаголов на основе формы инфинитива cr lf cr*

Эта часть, как и некоторые, последующие за ней — еще не собственно программа. Однако все то, что мы хотим получить когда-нибудь обратно от машины — мы должны как-то в нее внести. Здесь конкретно было внесено заглавие: ниже (см. адреса 17200—17201) мы увидим, что еще до того, как образовать первое повелительное наклонение, машина выписывает на присоединенной к ней пишущей машинке этот текст. Операция «401» имеет значение: 'начиная с адреса,

указанного здесь же рядом, внеси то, что следует'. (В языке машины перед каждой командой ставится знак «:».) После этой операции стоял адрес 01200 — стало быть, данный текст будет помещен именно начиная с этого адреса. (Мы не могли начать с адреса 00000, потому что там помещены некоторые вспомогательные подпрограммы — например, сама программа, обеспечивающая выписывание какого-нибудь текста; но, вообще говоря, безразлично, где поместить такие или им подобные тексты, только надо запомнить, где что помещено.) Знаки * в начале и в конце текста именно и означали: 'здесь начинается текст' и 'здесь кончается текст'. Знаки *cr* (*carriage return*) и *lf* (*line forward*) управляют присоединенной пишущей машинкой: под их воздействием каретка пишущей машинки отодвигается влево и поднимается на одну строку соответственно.² Добавим еще, что и этот текст, как и все остальные тексты, написаны латинским шрифтом, здесь они помещены в русской форме только в целях удобочитаемости. Назовем этот текст T_0 .

:401 01300:

* исключение, см. курс... стр. 359, п. 3. 4. *cr lf cr**

Это — T_1 . Этот текст будет напечатан после глаголов типа *печь*, от которых, следовательно, фактически не образуется желаемая форма. Под словом „курс...“ понимается наш „Курс современного русского языка“ (см. сноску 1). Нам было проще сослаться на Курс, чем образовывать конкретные формы; к тому же, чтобы образовать и эти нестандартные формы, надо было бы довольно значительно перестроить всю программу в целом (ср. п. 5).

:401 01400:

* исключение, см. курс... стр. 357, п. 3 *cr lf cr**

Это — T_2 . Пишется после УО глаголов типа *сесть*, *нести*' вместо образования повелительного наклонения.

:401 01500:

* двойное исключение:

а) относительно пропуска *вы-* см. курс... стр. 385, п. 2,

б) относительно нестандартного бесприставочного глагола см. курс... стр. 357, п. 3 *cr lf cr**

² В принципе было бы достаточно писать всюду *cr lf* — т. е. 'каретку обратно' и 'новую строку'. На самом же деле в программах обычно повторяется *cr* и пишется: *cr lf cr*. Второй знак *cr* уже никакого воздействия не имеет (каретка и без того отодвинута обратно), но его все же целесообразно поставить.

Это — T₃. Пишется после глаголов типа *выйти* (см.: *выйди* с безударным окончанием *-и*).

:401 01600:

* особое исключение или опечатка на перфоленте
сг lf сг*

Это — T₄. Пишется в случае, если перебраны все исключения и стандартные случаи, но разбираемый глагол ни в одну из этих групп не входил. (Пока еще не было найдено случая, когда бы этот текст понадобился. Был один случай, когда мы этот текст и получили от машины: однако оказалось, что мы подали машине перфоленту задом наперед, т. е. так, что текст пошел от конца к началу.) Отмечаем еще в связи с T₁—T₄, что машина сама устанавливает, на основе программы, с исключением какого типа она имеет дело в том или ином случае; она сама умеет четко отличать друг от друга эти типы исключений. Однако мы даем как бы «человеческую оценку» для каждого типа исключений с помощью перечисленных здесь текстов: после проведенного анализа машина выписывает один из этих текстов.

:401 01700:

* вместо конечного *t* поставить *ch/shch*, окончание: *

Наша программа построена так, что последняя буква УО уже напечатана и только после этого производится „изменение основы”. В применяемой нами транскрипции в большинстве случаев этого и достаточно: к уже готовой основе добавляются *h* или *l* (*skazhiw. kolewbli* и т. д.). Однако в случае основ на *m* (а также на *d, k, z, x*, см. следующие команды) в применяемой транскрипции надо менять и последнюю, уже написанную букву; к тому же здесь не был решен вопрос о том, когда *m* чередуется с *ч*, а когда — с *щ*.

:401 02000:

* вместо конечного *d* поставить *zh/zhd*,
окончание: *

[Не надо забывать о том, что у нас нет цифр 8 и 9, поэтому после 01700 непосредственно следует круглая сотня — она же и круглая тысяча — 02000!] Тексты, как видно, начинаются с круглых сотен каждый. Это — в целях удобства запоминания, на самом деле они занимают гораздо меньше места в памяти: каждый текст занимает столько ячеек, сколько семибуквенных отрезков в нем содержится (в действительности еще несколько меньше).

:401 02100:

* вместо конечного *k* поставить *ch*, окончание: *

:401 02200:

* вместо конечного g поставить zh, окончание: *

:401 02300:

* вместо конечного x поставить sh, окончание: *

После этого только и начинается собственно программа, изображенная на рисунке 2. Она начинается как раз с адреса 17200 (а не, например, с адреса 02400 или с круглого 10000) — по сугубо техническим соображениям, связанным с особенностями конструкции нашей машины: в принципе неважно, где начать³.

:401 17200:

17200 :070 01200 + 00

Каждая команда-слово в связной программе состоит из четырех групп цифр в нашей машине. Первая тройка цифр — код операции. Операция «070» означает: 'поставь в аккумулятор [A] адрес, который пишется рядом' (аккумулятор=та часть машины, где большинство операций — сложение, умножение и т. п. — фактически производится). Рядом идет пятерка цифр: это есть «первый адрес», с которым что-то (что именно: указано в операции) и надо будет сделать. В нашем случае это — 01200, начальный адрес T_0 (см. выше). После этого следует еще одна пятерка: «второй адрес», на который надо перейти после выполнения этой команды. Если этот адрес как раз следующий по счету — его можно просто заменить знаком «+» (стало быть, здесь $+ = 17201$, можно были бы писать и в такой форме). Наконец, идет двойка цифр — она в ходе нашей программы ни разу не используется — ей можно модифицировать первый или второй адрес. Итого, все слово «:070 01200 + 00» означает: 'поставь в аккумулятор адрес 01200 и перейди к выполнению следующей команды'⁴. Что мы и сделаем:

17201 :746 01014 + 00

³ После первых трех—четырёх команд читатель, не привыкший к программам на примитивном языке машины, обязательно запутается в адресах: неизвестно, куда идти дальше; неизвестно, с какой команды и почему мы пришли к данной новой команде и т. д. Поэтому автор убедительно просит читателя взять в руки рисунок 2 и читать программу по плану, изложенному на этом рисунке. По рисунку общий план ясен, но каждая команда изложена там слишком сжато; в тексте программы, в объяснениях к командам изложено все чрезвычайно подробно, но как раз поэтому в этом тексте обязательно теряется нить.

⁴ Стало быть, общая форма любой полной команды программы такова:

123	12345	12345	11
код операции	первый адрес	второй адрес	модификации

— где на месте групп цифр 123, 12345 и т. д. могут быть числа, состоящие из трех знаков (код операции), из пяти (адреса), из двух (модификации). Лингвист скорее сказал бы, что это — не одно слово, а целое предложение, состоящее из четырех слов. Действительно, это по функции, по своему содержанию и есть целое предложение, порою даже довольно сложное. И еще

ниться что-то, поэтому мы и эту ячейку очистим сначала. (Адрес выбран совершенно произвольно, главное, чтобы он не мешал в размещении дальнейшей части основной программы, подпрограмм и т. п.)

17204 :026 + + 00

'читай один знак и перейди к следующей команде!'

17205 :710 + 17207 00

'сравни содержимое в аккумуляторе с образцом, помещенным по первому адресу [здесь это «+», т. е. непосредственно следующий за этим адрес] и потом перейди на команду, помещенную под вторым адресом [здесь это: 17207]!' Содержимое в аккумуляторе — это не что иное, как только что (под адресом 17204) зачитанный знак.

17206 27

«27» есть цифровой код от fs (знака цифр), т. е. фактически происходит сравнение такого содержания: 'является ли зачитанный знак знаком цифр (fs)?'

17207 :046 + 17204 00

'Если результат сравнения — нуль [сравниваемые величины тождественны], перейди на первый адрес [здесь «+», т. е. к следующему адресу], если нет — вернись к адресу 17204!' «046» — важнейшая для нас операция: всевозможные сравнения осуществляются с ее помощью; операция «710» (сравнение) всегда сопровождается этой последней операцией. Можно сравнить, естественно, не только отдельные буквы, как в нашем случае, но и группы букв. Так, положим, если в таблицах даны всевозможные окончания, выделенную двойку, тройку и т. д. букв можно сразу сравнить с окончаниями (как: -ам, -ами и т. п.). Только тогда после команды «710» в качестве первого адреса должен стоять адрес соответствующего окончания (т. е. адрес ячейки, в которой помещено окончание-образец). В данном конкретном случае это сравнение (17205—17207) имеет такой смысл: 'читай один знак и проверь, не является ли он знаком цифр; если нет [на блок-схеме, рис. 2: «нет»], то читай еще и еще раз — пока, наконец, не нашел fs, тогда и можешь идти дальше'. Под влиянием этой группы команд машина с молниеносной быстротой «всасывает» в себя самое начало ленты, где еще ничего нет, или, по ошибке даже напечатаны какие-то знаки: она читает вплоть до первого знака fs. А последний знак необходим, так как мы условились начать каждый глагол (в том числе и самый первый) со знака «+», перед этим знаком где-то должна быть нажата соответствующая клавиша fs.

17210 :026 + + 00

'читай и иди дальше!' (в дальнейшем эту простейшую команду не буду комментировать, надо только помнить, что вновь считанный знак помещается всегда в А).

17211 :046 + 17213 00

сравни содержимое A с нулем: если оно равно нулю, перейди на первый адрес [=«+»], если нет — на адрес 17213'. Зачитанный знак будет нулем в том и только в том случае, если это — уже конец ленты. Сразу после самого первого fs это вряд ли бывает. (Там всегда кое-что напечатано, даже если и ошибочно: чтобы получить на ленте «нуль», т. е. «блэнк», нужно преостановить печатание на машинке, включить специальную ленту, на которой есть «блэнки», включить машину на переписывание и т. д. и т. п. — стало быть произвести «блэнк», т. е. нуль на ленте, это довольно сложная операция, ее случайно никак не сделаешь. Но, с другой стороны, в самом конце ленты, когда ты хочешь оторвать ее, ты должен сделать несколько «блэнков»: это и есть поэтому наиболее простой и естественный знак конца ленты.)

17212	:726 00000	17202 00
-------	------------	----------

остановись: временный конец; перейди при этом по адресу 17202'. Помимо одной нашей цели — остановки, мы послали машину по адресу 17202 потому, что в этом случае после нажатия на клавишу «СТАРТ» она опять начинает работать — только больше уже не выписывает T₀!

17213	:710 +	17215 00
17214	31	
17215	:046 17204	+ 00

«31» — это цифровой код знака букв (ls), стало быть, произошло сравнение с ls: если почему-то после уже найденного знака fs встретился знак ls (результат сравнения — «да») — мы должны вернуться к 17204 и искать и искать новый fs (ведь без него не может быть начала глагола, знака «+!»); если же, что более нормально предположить, результат сравнения «нет» — мы идем дальше:

17216	:710 17506	+ 00
17217	:046 +	17210 00

Опять сравнение: с содержанием ячейки под адресом 17506 — а там помещен как раз образец от знака «+». (Вернее: там перечислены знаки согласных, которые надо изменить, под адресом 17506 кроется как раз буква T — однако перфорационный код этой буквы совпадает с кодом «+». Предшествующие контрольные операции обеспечивали нам наличие знака fs — стало быть, это точно, что не буква T, а именно искомый знак «+».) Если «да», т. е. это на самом деле и есть «+», то идем дальше (первый адрес: +), если нет — то вернемся к 17210.

17220	:026 +	+ 00
17221	:710 17206	+ 00
17222	:046 17224	+ 00

Считанный знак сравниваем со знаком fs (он и кроется под адресом 17206!) — если это «да», т. е. на самом деле fs, то мы перейдем к команде, помещенной

Считанный знак сравнивается с «У», кроющимся под адресом 17226: если этот знак — «У», то переходим к следующей команде, если нет — к команде 17244.

17235 :746 17400 + 00

Начиная с адреса 17400 — наша подпрограмма: перечень (таблица) всех гласных (i,e,a,o,u,w,). В этой таблице ищется знак, совпадающий с последним знаком УО; последний помещен под адресом 17334.

17236 :010 17333 + 00

17237 :046 17242 + 00

Эта подпрограмма работает так, что если считанный элемент (=последний знак основы) совпадал с одним из гласных, то в ячейку под адресом 17333 (опять — совершенно произвольно выбранная ячейка) ставится цифра, не равная нулю, если же этот элемент не гласный — то в ячейке 17333 нуль. С помощью привлечения в аккумулятор содержимое ячейки 17333 и решается вопрос о том: был ли в данном месте гласный или нет. Если это был негласный, переходим к следующей команде, если это был гласный — к команде 17242.

17240 :070 01400 + 00

17241 :746 01014 17210 00

Печатается T₂ (исключение типа *сес/ть*), потом снова считать (17210).

17242 :050 17430 + 00

17243 :746 17320 17210 00

Считывается содержимое ячейки 17430 (там содержится окончание *й*) и печатается с помощью подпрограммы, начинающейся с команды под адресом 17320. Затем переходим к следующему глаголу. (17210 — по блок-схеме на рис. 2 хорошо видно, насколько «насыщен» входящими стрелками этот прямоугольник READ-2. Должно быть ясным, почему это так: READ-2= 'читать' и потом проверить, не конец ли ленты, если нет — то работать дальше. После каждого законченного такта работы — т. е. после образования эффективной формы повелительного наклонения или после указания на тип исключения — машина всегда возвращается именно в эту точку и тут она принимается за обработку нового глагола — или останавливается в конце ленты.)

17244 :026 + + 00

Сюда переходим от команды под адресом 17234: «не У».

17245 710 + 17247 00

17246 4

17247 :026 + 17252 00

«4» — цифровой код пробела между словами: осуществляется сравнение именно с пробелом (см. еще раз список глаголов в табл. 1: если в этом месте пробел — то это обязательно глагол типа *выйти!*).

17250	:070 01500	+ 00
17251	:746 01014	17210 00

Печатается T₃.

17252	:710 17417	+ 00
17253	:046 17240	+ 00

Под адресом 17417 кроется один из знаков «гласных», а именно — *W*. Если в этом месте *W*, то это исключение типа *идти'* Поэтому и ссылка в этом случае к адресу 17240: *идти* — такого же типа исключение как и *сесть* (T₂).

17254	:710 17226	+ 00
17255	:046 +	17270 00

Опять сравнение с «Y» (=ь) (образец которого и помещен под адресом 17226).

17256	:746 17400	+ 00
17257	:010 17333	+ 00
17260	:046 17242	+ 00

Если в этом месте действительно был знак «Y» (=ь) и последний элемент основы — гласный (что определяется подпрограммой, начинающейся с 17400 — см. и выше), то добавляется *й* (тип *беспокоить—беспокой*).

17261	:746 17350	+ 00
-------	------------	------

Если же не было там гласного, то надо считать еще три знака и перейти к 17262.

17262	:710 +	17264 00
17263	23	
17264	:046 +	17266 00

надо посмотреть, «1» ли там стоит? Если да, то перейти непосредственно к следующей команде, если нет — то пропустив ее, сразу к 17266. (23 — цифровой код единицы).

17265	:746 17500	+ 00
-------	------------	------

Самодельная подпрограмма (начинающаяся с адреса 17500) изменяет последний согласный основы, потом работают команды 17266, 17267:

17266	:050 17433	+ 00
17267	:746 17320	17210 00

вносится в А содержимое ячейки под адресом 17433 (это — *ь*, т. е. в латинской транскрипции «Y», как окончание) и с помощью подпрограммы печатается —

потом переход к 17210, на поиски нового глагола. Итак, команда под адресом 17265 была необходима только для глаголов первого спряжения (они претерпевают изменения основы в этой форме), глаголы второго спряжения миновали шаг 17265.

17270	:026 +	+ 00
17271	:710 17226	+ 00
17272	:046 +	17304 00

Считанный знак сравнивается с «У» (-ь) (он под адресом 17226) и в зависимости от результата сравнения два пути: если да, то непосредственно следующий адрес, если нет — то 17304.

17273	:746 17400	+ 00
17274	:010 17333	+ 00
17275	:046 17242	+ 00

Если УО оканчивается на гласный, то добавляется й (17242—17243), если нет, то:

17276	:746 17350	+ 00
-------	------------	------

Читать три знака дальше и проверить:

17277	:710 17263	+ 00
17300	:046 +	17302 00

т. е. проверка того, относится ли данный глагол к глаголам 1-го спряжения (в ячейке 17263 помещен образец единицы!), и соответствующее изменение его основы:

17301	:746 17500	+ 00
-------	------------	------

или пойти дальше без изменения, добавив к основе окончание и':

17302	:050 17434	+ 00
17303	:746 17320	17210 00

(в ячейке под адресом 17434 и содержится данное окончание).

17304	:026 +	+ 00
-------	--------	------

(От команды с адресом 17272, переход к 17305:)

17305	:710 17226	+ 00
17306	:046 +	17311 00

Сравнение с «У» (=ь) (в ячейке 17226).

17307	:050 17432	+ 00
17310	:746 17320	17210 00

В ячейке под адресом 17432 хранится окончание *уй*, что и добавляется здесь к основе.

17311	:710 17536	+ 00
17312	:046 +	17315 00

Под адресом 17536 хранится образец буквы «Т» если здесь найден «Т» то работают команды

17313	:050 17431	+ 00
17314	:746 17320	17210 00

добавляется к основе окончание *у'й*, хранящееся под адресом 17431, если же там не было «Т» то остается единственная возможность:

17315	:070 01600	+ 00
17316	:746 01014	17210 00

— т. е. печатается T_4 : «особое исключение...».

Тем самым основная программа закончена. Мы не можем здесь с такой же детальностью изложить подпрограммы, специально сделанные нами к этой программе; они будут просто перечислены в порядке возрастания их адресов:

17320—17325: обеспечивает печать содержимого определенных ячеек; с помощью этой подпрограммы печатаются (добавляются к уже напечатанной основе) окончания, помещенные в ячейках 17430 и сл.

17326—17332: обеспечивает печать только что считанного знака с тем, чтобы этот же знак (до поступления очередного выписываемого знака) сохранялся в ячейке 17334 — в целях возможного изменения, если это — согласный; а также для возможности установления: гласный ли это или согласный.

17340—17347: эта подпрограмма изменяет последний согласный основы *и*, вызвав подпрограмму 17320—17325, печатает нужную букву (добавляет к основе *h* или *l* из ячеек 17436 и 17437 соотв.).

17350—17354: считать три знака подряд, остановившись на третьем.

17400—17425: здесь помещены образцы гласных, одновременно проверяется является ли содержимое ячейки 17334 гласным, результат проверки сохраняется в ячейке 17333.

17430—17437: здесь помещены разные окончания, а также *h* и *l*, добавляемые в нужных случаях к основе. Надо сказать, что после каждого из окончаний (*-й*, *-ь* и т. д.) поставлены еще знаки *сг lf сг*: вследствие этого каждая новая форма начинается с новой строки, так как после того, как выписано окончание, под воздействием этих знаков машина отодвигает каретку пишущей машинки и поднимает одну строку.

17500—17566: здесь помещены согласные: если установлено, что в ячейке 17334

находится не гласный, то содержимое ячейки 17334 отождествляется с одним из согласных и соответственно этому изменяется (или же пишется один из текстов в случае *т*, *д* и т. д. — см. в самом начале программы).

На этом программа заканчивается, т. е. на языке нашей машины:

:726 00000:

— этой формулой заканчивается любая перфолента, содержащая основную программу, подпрограммы или текст. Под влиянием операции «726» машина останавливает ввод программы (т. е. она принимает к сведению, что подача программы или текста с ленты закончена) и ждет исходных данных. Исходные данные в нашем случае — глаголы, напечатанные описанным выше способом. Получив ленту с глаголами в инфинитиве, машина сначала выписывает заглавие (T_0), а потом молниеносно (для человеческих темпов) начинает считывать с ленты букву за буквой основу первого глагола, одновременно с этим печатая на присоединенной машинке эту же основу; ровно в таком же темпе добавляет окончание (указывает на тип исключения и т. д.), переходит к новой строке и берет следующий глагол — и т. д., пока не наталкивается на первый «блэнк». Тут она останавливается, но готова принять новую ленту с глаголами, стоит только подать ей эту ленту и нажать на клавишу «старт» — мы знаем, что тут она уже не будет выписывать еще раз заглавия. Если же мы оставили машину, следующий раз опять придется подать ей перфоленту с программой — однако она считывает ее примерно за 23 секунды: это и есть время, необходимое ей для усвоения правил образования повелительного наклонения с указанными ограничениями (т. е. с указанными пробелами — не все глаголы охвачены этой программой).

5. Усовершенствование программы. Другие возможные подходы

Укажем на важнейшие группы исключений, не охваченных программой в ее настоящей форме: а) стандартные (по нашему Курсу) глаголы с УО на гласный и изменяющие этот гласный (нашей программой будут образованы формы *крыть—крый*, *петь—пей*, *пить—пий*, *брить—брий*); б) стандартные (по нашему Курсу) глаголы с УО на группу согласных (будут образованы формы *помнить—помнь*, потому что ударение падает на основу, как в случае *резать—режь*, *бросить—брось*); в) нестандартные глаголы не на *-ти* или согласный + *ть* (будут образованы формы *начать—начай* или *начи'*, *взять—взай* или *взи'*, *быть—бый* или *би'* и т. п.). Усовершенствование программы может заключаться в искоренении этих недостатков. Так, нам кажется, что недостаток б) очень легко исправить: надо только сохранить где-то в памяти не только самую последнюю напечатанную букву, но и предпоследнюю; в случае УО на согласный надо посмотреть содержимое этой ячейки и если и предпоследний элемент согласный — печатать окончание *и* безударное. (Тогда надо дополнить таблицу окончаний — см. 1743 и сл. — этим новым окончанием, так как там хранится

только окончание *и'*.) Исправление недостатков *а)* и *в)* потребовало бы уже значительного изменения программы, ее значительного расширения; по всей вероятности замедлился бы и темп работы машины (до печатания окончательного результата она работала бы некоторое время, ощущаемое и человеком — она и сейчас тратит на работу некоторое время, но это время для нас неизмеримо, неощутимо).

Значительное (и, кажется, вполне целесообразное) видоизменение программы заключалось бы в том, чтобы машина не сразу перепечатывала глагол до границы УО, а сохраняла буквенный состав УО где-то в памяти, полностью выдавая уже готовый результат. При таком подходе неудобство, сопряженное с УО на *т*, *д* и т. д. было бы уничтожено: она у себя в памяти переделала бы *т* в *ч*, *д* в *ж* и т. д. и выдала бы полностью готовый результат и в случае этих глаголов. Более того, искоренение недостатков *а)* и *в)*, как нам кажется, было бы возможно только с таким подходом.

Возможны, конечно, еще и иные алгоритмы, иные пути решения и реализации, даже если учитывать только нашу маленькую машину.

Придаточные предложения с союзными словами *кто, что* или *который***Ш. ЯНОШКА**

1. Автор теоретического введения в «Синтаксис» Грамматики русского языка (в дальнейшем — ГРЯ)¹ пишет, что «принципы описания и разграничения типов сложного предложения не могут считаться установленными» и «изучение грамматической сущности разных видов сложных предложений у нас еще только начинается»². Указывая на один из недостатков классификации придаточных предложений, академик В. В. Виноградов обращает внимание на то, что „придаточные предложения механически приравниваются к развернутым членам простого предложения, анализ и группировка их при наличии указательных местоимений в главном предложении бывают основаны на смешении функции самих придаточных предложений с синтаксическими функциями тех местоименных форм, к которым они присоединяются и которые они поясняют”³. В качестве иллюстрирующих примеров среди прочих приведены типы так называемых придаточных сказуемых (а) и подлежащих (б) предложений: (а) *Мы те... , которые, здесь роясь в темноте, Питаем вас* (Крылов, Листы Корни); *Я для нее то же, что вот для этой пальмы паутина...* (Чехов, Рассказ неизвестного человека, XVI); (б) *Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит* (Пушкин, Станционный смотритель); *...Те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы* (Лермонтов, Бэла).

В настоящей работе делается попытка ответить на вопрос о структурной разнице придаточных предложений с союзными словами *кто, что* и придаточных предложений с союзным словом *который*, поясняющих член главного предложения, выраженный указательным местоимением; случаи подчинения придаточного предложения главному посредством союза, например: ...Из-

¹ Грамматика русского языка. Изд. Ан СССР. Москва, 1953; автор теоретического введения в «Синтаксис» — В. В. Виноградов.

² Ук. м., стр. 99—100.

³ Ук. м., стр. 103.

вестно, что Слоны в диковинку у нас... (Крылов, Слон и Моська); *Наташа несомненно знала, что он восхищается ею* (Толстой, Война и мир, т. II, ч. 5, гл. 8, XXXVII), в анализ не вовлекаются.

Во всех придаточных предложениях с союзными словами *кто* и *что*, с одной стороны, и с союзным словом *который*, с другой, отнесенных ГРЯ (Т. II, ч. 2, §§ 1411—52 и 1549—59) к разным категориям придаточных предложений, обнаруживается общая структурная основа. В университетском учебнике⁴ без указания на вид придаточных предложений (что с точки зрения правильного порождения предложений этого типа и не существенно) дается блок-схема правильного употребления этих союзных слов. Здесь же указывается, что союзное слово *который* может присоединять к главному предложению придаточное предложение не только в том случае, когда поясняемый член главного предложения выражен именем существительным (что является основным правилом употребления данного союзного слова), но и при наличии в главном предложении субстантивированного местоимения как поясняемого члена (например, *Я тот, которому внимала Ты в полуночной тишине, ...* (Лермонтов, Демон, ч. II, X). Таким образом неясно, когда при наличии субстантивированного местоимения в главном предложении как поясняемого члена обязательно употребление союзных слов *кто*, *что* и когда возможно (или, быть может, обязательно) употребление союзного слова *который*.

Относительное местоимение *который*, с одной стороны, и относительные местоимения *кто*, *что*, с другой, выступая в роли союзного слова придаточного предложения (безразлично, какого вида), находятся в оппозиции: местоимение-прилагательное *который*, как правило, поясняет член главного предложения, представляющий собой название лица или предмета (конкретного или отвлеченного), то есть имя существительное или любое слово, употребленное как имя существительное; местоимения-существительные *кто* и *что* поясняют член главного предложения, представляющий собой обобщающее указание либо на лицо, выраженное формами местоимений *тот*, *те*, *все*, *каждый*, *всякий* и *любой* (кто), либо на предмет, выраженный местоимениями *то*, *всё* (что).

Ниже приводятся примеры на основные случаи употребления местоимения-прилагательного *который* в роли союзного слова (2.), на случаи употребления союзных слов *кто* и *что* (3.), на случаи применения союзного слова *который*, поясняющего член главного предложения, представляющий собой обобщающее указание на лицо женского рода (*та*) или предмет (*тот*, *та*, *те*) (4.), а также и на случаи употребления неизменяемого местоимения *что* в роли союзного слова (5.). В качестве иллюстрирующего материала будут использованы примеры, приведенные в соответствующих параграфах ГРЯ, а также и те примеры, которые были взяты автором из некоторых произведений трех писа-

⁴ К. Болла—Э. Палл—Ф. Пап: Курс современного русского языка. Tankönyvkiadó. Бр., 1968, стр. 540—2.

телей — Л. Н. Толстого, М. А. Горького и А. В. Каверина, а также из некоторых других источников, в том числе и из пояснительного текста ГРЯ⁵.

2. Придаточные предложения с союзным словом *который*, как правило, подчиняются поясняемому члену главного предложения, выраженному именем существительным (2. 1.), субстантивированным словом (2. 2.) или личным местоимением (2. 3.). Имя существительное в роли поясняемого члена главного предложения может подчинять себе и не рассмотренные в данной работе придаточные предложения с другими союзными словами (*какой, чей, где, куда, откуда, когда*), но оно, как правило, не может быть пояснено придаточными предложениями с союзными словами *кто* и *что*. Типичной ошибкой некоторых иностранцев, в том числе и венгров, говорящих по-русски, является употребление неправильных конструкций типа **В. И. Ленин, кто родился в Симбирске, ...* или **Книга, в чем я читала о чем-то, ...* (Правда, последняя конструкция с неизменяемым союзным словом *что* не чужда и самому русскому языку (см. пункт 5.).

2.1. Придаточные предложения с союзным словом *который* поясняет член главного предложения, выраженный именем существительным. С точки зрения данного структурного типа безразлично, является ли поясняемое имя существительное нарицательным или собственным, обозначает ли оно предмет одушевленный или неодушевленный. Примеры: — *Прощайте миленькие малыютки! — сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклоса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа* (Гоголь, Мёртвые души, I); *Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев...* (Гоголь, Мёртвые души, I).

Поясняемое имя существительное может иметь при себе постпозитивное согласованное определение: *Я вытащил его [мальчика] из воды вместе с сеткой и прочел небольшую лекцию о ловле раков, в частности голубых, которые идут исключительно на гнилое мясо* (Каверин, Два капитана, ч. 8, гл. 1); *Войска первой армии, той, при которой находился государь, были расположены в укрепленном лагере у Дриссы...* (Толстой, Война и мир, т. 3, ч. 1, IX). См. также примеры при пункте 4. 3.

2. 2. Субстантивированное слово в роли поясняемого придаточным предложением члена главного предложения присоединяет к себе придаточные предложения с союзным словом *который* по тому же правилу, что и имя существи-

⁵ Из иллюстрирующего материала ГРЯ использованы примеры, взятые из произведений Крылова И. А., Лермонтова М. Ю., Бориса Полевого, Пушкина А. С. Фета А. А., Чехова А. П., а также взяты некоторые примеры из «Мертвых душ» Гоголя Н. В. При ссылке на источник указана только фамилия автора: Гоголь, Горький, Каверин, Крылов, Лермонтов, Полевой, Пушкин, Толстой, Фет, Чехов.

тельное. Примеры: *Я полагаю приобрести мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии, как живые — сказал Чичиков* (Гоголь, Мёртвые души, II); *... он познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему, после трех-четырёх слов, начал говорить «ть»* (Гоголь, Мёртвые души, II). *Передние ноги его [мерина] были дугой согнуты в коленях, на обоих копытах были наплывы, и на одной, на которой пегина доходила до половины ноги, около колена была в кулак большая шишка* (Толстой, Холстомер, II). См. также и при постпозитивном согласованном определении: *... Кира уже успела съездить на Сивцев-Вражек покормить младшего и вернулась со старшей — той самой*, которая в будущем подавала надежды стать знаменитой артисткой* (Каверин, Два капитана, ч. 10, гл. 6.).

2.3. Поясняемый член главного предложения выражен личным местоимением, а придаточное предложение присоединяется к нему посредством союзного слова *который*. В ГРЯ помещен только один пример, но и тот не с рассматриваемым союзным словом: *О ты, чьей памятью кровавой Мир долго будет полн, Приосенен твоею славой, Почий среди пустынных волн!* (Пушкин, Наполеон).

Вот найденные нами примеры: *В самом деле, как мог я забыть о них? Я, который был так поражен ими в детстве?* (Каверин, Два капитана, ч. 3, гл. 24); *И я, который думал, что все знаю, который учил других, как жить, — я ничего не знаю, и я тебя прошу научить* (Толстой, Отец Сергей, VIII); *Адель! Ты, которая всегда так дурно перетолковываешь все, что я тебе ни скажу!* (Горький, Изложение фактов...); *... это же он — он, который любит меня и, должно быть, только и мечтает, как бы вернее погубить Саню!* (Каверин, Два капитана, ч. 6, гл. 4). Личное местоимение имеет при себе постпозитивное согласованное определение: *Многие из людей, которые меня, например, называли своей лошадкой, не ездили на мне... Делали мне добро опять-таки не они — те, которые называли меня своей лошадкой, а кучера, коновалы и вообще сторонние люди* (Толстой, Холстомер, VI); *Проведя бессонную ночь, которую всю Иван Ильич проходил по террасе, он решил ехать в Петербург хлопотать и, чтобы наказать их, тех, которые не умели оценить его, перейти в другое министерство* (Толстой, Смерть Ивана Ильича, III).

*Указательные местоимения *тот, та, то, те* могут усиливаться местоимением *все* а также частицей *же*, местоимением *самый* или тем и другим одновременно, в результате чего поясняемым членом главного предложения могут оказаться сочетания слов *тот же, тот самый, тот же самый, всё тот же (самый)* и т. д., но стержневым словом во всех этих сочетаниях слов являются указательные местоимения. Упомянутые варианты данных указательных местоимений в настоящей работе будут рассмотрены по стержневому слову.

3. Для того, чтобы установить правила употребления придаточных предложений с союзным словом *который*, относящихся к поясняемому члену главного предложения, выраженному субстантивированным местоимением, необходимо рассмотреть правила употребления придаточных предложений с союзными словами *кто* и *что*, поясняющих также член главного предложения, выраженный субстантивированным местоимением. В таблице I перечислены те местоименные слова, которые по ГРЯ (т. II, ч. 2, §§ 1439—1452) могут выступать в роли поясняемого члена главного предложения. В указанных параграфах ГРЯ найдено 46 примеров на придаточные предложения с союзными словами *кто* и *что*, в которых, однако, как поясняемый член главного предложе-

Таблица I.

§§	тот	та	то	те	весь	вся	всё	все	каждый	всякий	любой
1440	+	(+)	(+)		+	(+)	(+)		+	+	
1443—1444	+	(+)	+				+	+	+	+	+
1449	+	(+)	(+)				+				

ния встречаются только формы от субстантивированных местоимений *тот, те, все, всякий, любой, каждый*, требующих союзного слова *кто*, а также и формы субстантивированных местоимений *то, всё*, требующих союзного слова *что*. Примеры: **Кто не работает, тот не ест** (Поговорка). *Потом выпили за победу, потом за удачу предстоящего боя, за тех, кто прислал посылку...* (Б. Полевой, Сбылось!); *Эту местность знают все (знает всякий, каждый, любой), кто бывал в наших краях* (ГРЯ); *И всё, что только видит око, Земного путника манит* (Фет, Нельзя); *Чего боялись, то и случилось* (ГРЯ).

Иначе говоря, в иллюстрирующем материале ГРЯ, а также среди примеров, собранных для проверки выводимого из этого иллюстрирующего материала правила (в указанных работах трех авторов были выписаны все встречаемые сложные предложения с придаточными предложениями с союзными словами *кто* и *что*) не найдено ни одного примера, где бы формы местоимений *весь, вся* были субстантивированы и выступали в роли поясняемого члена главного предложения (см. таблицу II).

Далее нами установлено, что формы субстантивированных местоимений *тот, те, все* только в том случае поясняются придаточным предложением с союзным словом *кто*, если эти местоимения заменяют имя существительное мужского рода со значением лица или одушевленности; формы же от субстантивированных местоимений *то, всё* заменяют только имена существительные неодушевленные, принадлежащие среднему роду. Формы субстантивированных мес-

Таблица II.

союз- ные слова	Поясняемые слова											
	Источники	тот	та	то	те	весь	вся	всё	все	каж- дый	вся- кий	лю- бой
кто	ГРЯ	15	—	—	3	—	—	—	6	2	2	1
	Контр. материал	44	—	—	9	—	—	—	9	2	2	—
что	ГРЯ	—	—	13	—	—	—	4	—	—	—	—
	Контр. материал	—	—	75*	—	—	—	8*	—	—	—	—

тоимений *та*, *те*, заменяющие одушевленное имя существительное, не могут быть пояснены придаточным предложением с союзным словом *кто*, так как данное относительное местоимение принадлежит мужскому роду; формы же от субстантивированных местоимений *тот*, *та*, *те*, заменяющих имя существительное неодушевленное, не могут быть пояснены придаточным предложением с союзным словом *кто*, потому что это союзное слово имеет значение одушевленности, а придаточным предложением с союзным словом *что* потому, что последнее относительное местоимение не может сочетаться с указанными поясняемыми словами по роду. Субстантивированное местоимение *все*, заменяющее имена существительные неодушевленные во множественном числе, не было обнаружено. Во всех перечисленных случаях, когда формы субстантивированных местоимений не могут быть пояснены придаточными предложениями с союзными словами *кто* или *что*, придаточное предложение свободно может вводиться союзным словом *который*.

4. Вследствие указанных в пункте 3 причин формы от субстантивированных местоимений *тот*, *та*, *те* в роли поясняемого члена главного предложения присоединяют к себе придаточные предложения при помощи союзного слова *который*.

4. 1. Субстантивированные местоимения *тот*, *та*, *те*, заменяющие имя существительное неодушевленное, а также местоимения *та*, *те*, заменяющие одушевленное имя существительное женского рода, выступающие в роли поясняемого члена главного предложения, поясняются придаточным предложением с союзным словом *который*.

а) Поясняемое слово *тот*: ...он [Полозов] чувствовал, что не только не в состоянии будет спорить с ним, если взгляд графа на Лизу не тот, кото-

* Примеров в текстах, откуда выписывались предложения данного типа для контроля, было значительно больше; выписаны и учтены примеры, найденные только примерно в одной трети текстов.

рый он предполагал, но что даже не в силах будет не согласиться с ним... (Толстой, Два гусара, XVI); **Вскоре пришел ответ из сектора кадров и, к сожалению, совсем не тот, которого я ожидала...** (Каверин, Два капитана, ч. 6, гл. 7); **Зачем же мне направлять человека по дурному пути? Уж лучше я его по тому пошлю, которым сам иду** (Горький, Мой спутник, V).

б) Поясняемое слово *та*: 1. Субстантивированное местоимение *та* заменяет имя существительное одушевленное: *Пассажир думал о том, что он молод и любим, что он едет на свидание с той, которая его любит...* (Горький, Месье, II) [Не представляется возможной форма: *с той, кто...]; *Да, я хотел убить его... — Но не убил, потому что люблю ту, которая не в силах перенести эту смерть* (Каверин, Два капитана, ч. 8, гл. 11); *Встреть в вас, милостливая государыня, все добродетели той, которую я так долго оплакивал, почитаю своим долгом сделатья вашим супругом...* (Каверин, Два капитана, ч. 3, гл. 13); *В столовой, между прочим, сидела одна из тетюшек Бубенчиковых, но теперь я уже не мог различить, была ли она той самой, которая хотела побить меня щеткой, или той, которая утешала козу* (Каверин, Два капитана, ч. 5, гл. 7); ... *Иван Ильич танцевал с княгиней Труфоновой, сестрой той, которая известна учреждением общества „Унеси ты мое горе”* (Толстой, Смерть Ивана Ильича, III). 2. Субстантивированное местоимение *та* заменяет имя существительное неодушевленное: ... *она очень обстоятельно расспросила о разных ценах земли и определила ту, которую следует взять* (Толстой, Смерть Ивана Ильича, I); *„Вот кто сумасшедший! Он — не я!” — вспыхнула новой мыслью Ярославцев, и эта новая мысль уничтожила ту, которая угнетала его* (Горький, Ошибка); *Он провел меня в другую комнату, которая ничем, кажется, не отличалась от той, в которой мы только что были...* (Каверин, Два капитана, ч. 4, гл. 9); ... *улицы были пустоваты. Пустовата была и та, по которой, сойдя с трамвая, я тащила с моим чемоданом* (Каверин, Два капитана, ч. 6, гл. 8). Сюда же примыкает субстантивированное местоимение *эта* в роли поясняемого члена главного предложения: ... *лес не слышал такой красивой и звучной песни как вот эта, которую она только что спела* (Горький, О маленькой фее...).

в) Субстантивированное местоимение *те*: 1. Заменено местоимением одушевленное имя существительное женского рода: *Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы* (Лермонтов, Бэла); *Лошади жалеют только самих себя... Но ведь не виноват же был мерин в том, что он был стар... Но по-лошадиному он был виноват, и правы были всегда только те, которые были сильны, молоды и счастливы, те, у которых от ненужного напряжения дрожал каждый мускул...* (Толстой, Холстомер, IV); *Табун проходил вечером горой, и тем [т. е. лошадьми], которые шли с левого края, видно было что-то красное внизу...* (Толстой, Холстомер, XII); 2. Заменено местоимением имя существительное неодушевленное: *«Мы те», Им снизу отвечали: «Которые, здесь роясь в темноте, Питаем*

вас. Ужель не знаете? Мы корни дерева...» (Крылов, Листы и Корни); В следующих главах рассматриваются как самостоятельные односоставные предложения, так и те, которые входят в состав сложного предложения... (ГРЯ, т. II, 2. § 988); ...душа как бы отказалась принять все впечатления и согласилась лишь на те, которые были связаны с моей судьбой (Каверин, Два капитана ч. 9, гл. 2); Карты эти... были почище тех, в которые гадала Анна Федоровна (Толстой, Два гусара, XIII).

4. 2. Придаточные предложения с союзным словом *который*, являющиеся в оппозиции *кто, что* — *который* единственным вариантом к поясняемым субстантивированным местоимениям, перечисленным в пункте 4. 1., встречаются иногда и при поясняемых членах главного предложения, выраженных формами субстантивированных местоимений *тот, те*, заменяющих имя существительное одушевленное; встречаются они и при поясняемом члене главного предложения, выраженном формами субстантивированного местоимения *то*, заменяющего имя существительное среднего рода (неодушевленное). Видимо, здесь действует механизм аналогии, то есть такие параллельные конструкции создаются по аналогии с конструкциями, описанными в пункте 4. 1. В языке наблюдается тенденция использовать эти параллельные конструкции для выражения разных значений (например: **Те, кто строил ГЭС...** или **Те, которые строили ГЭС...**, где первый вариант кажется более отвлеченной характеристикой, а второй — более конкретной), но данный вопрос требует особого исследования. Видимо, в некоторых случаях выбор того или иного союзного слова диктуется ритмико-мелодическими требованиями речи [ср.: **Я тот, которому внимала Ты в полуночной тишине...** и там же: **Я тот, кого никто не любит** (Лермонтов Демон, ч. II, X). В других же случаях выбор союзного слова *который* может быть вызван желанием придать речи разговорный, народный характер *Мы любим петь. Только красавцы могут хорошо петь — красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже — поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот — поют* (Горький Старуха Изергиль).

а) Поясняемое слово *тот*: *Снова городовые подходили к отцу. — Ты, дурак, селедкой-то не махай, — тихо, сквозь зубы сказал отец тому, который вынул шашку* (Каверин, Два капитана, ч. 1, гл. 2). См. также пример: **Я тот, которому внимала...**

б) Поясняемое слово *то*: *А то письмо от кого? — спросил корнет, передавая то, которое он читал* (Толстой, Два гусара, X).

в) Поясняемое слово *те*: *Ее адепты всюду терпели горестные поражения; те же, которые умели и успели избежать таковых, благородно ретировались с поля битвы...* (Горький, Разговор по душе); ...*это ни на кого не могло подействовать, кроме как человек на десять, которые были около самого его* [Раевского], *думал Ростов: — остальные не могли видеть, как и с кем шел*

Раевский по плотине. Но и те, которые видели это, не могли очень воодушевиться... (Толстой, Война и мир, т. 3, ч. 1, XII); *Люди этой партии были те, которые с Вильны требовали наступления в Польшу...* (Толстой, Война и мир, т. 3, ч. I, IX); см. также примеры: *...те, которые поют там; ...те, которые не умеют жить; те, которым жизнь мила.*

После тщательного анализа приведенных примеров возникает сомнение, субстантивировано ли во многих из приведенных в данном пункте предложений местоимение, так как в пределах данного главного предложения или, по крайней мере, данного сложного предложения, а иногда за пределами последнего в ближайшем контексте имеется имя существительное, не повторяемое лишний раз, как бы представляемое согласованным с ним (или только частично согласованным в роде и числе, но не в падеже) местоимением. Учитывая это положение, предложения с неповторяемым именем существительным, которое представлено в роли поясняемого члена главного предложения полностью или только частично согласованным с ним местоимением, можно было бы включить в тип так называемых неполных сложных предложений с неполным определительным словосочетанием (см. пункт 4. 3.).

4.3. Есть случаи, когда формы местоимений *тот, та, то, те*, поясняемые придаточным предложением с союзным словом *который*, вовсе не субстантивированы, так как они выполняют функцию согласованного постпозитивного определения при имени существительном или субстантивированном слове, поясняемом придаточным предложением (см. пункт 2.), например: *Он виделся с профессором В., тем самым, который открыл остров на основании дрейфа «Св. Марии»* (Каверин, Два капитана, ч. 6, гл. 10.). Ср. с примером, где имеется не согласованное определение, а постпозитивное приложение, выраженное субстантивированным местоимением *то*, которое и поясняется придаточным предложением с союзным словом *что*: *Нашлась квартира прелестная, то самое, о чем мечтали муж с женой* (Толстой, Смерть Ивана Ильича, III).

а) Мнимое поясняемое слово *тот*: *... после кадрили к вдовушке подошел ее давнишний восемнадцатилетний обожатель, неслужащий сын самого богатого помещика, золотушный молодой человек, тот самый, у которого вырвал стул Турбин...* (Толстой, Два гусара, VI); *Молодой ненец, тот самый, который нарисовал на снегу оленя... уже прощался с заплаканной женой...* (Каверин, Два капитана, ч. 4, гл. 14); *Доктор видел штурмана своими глазами! Того самого, который подписал: «с совершенным уважением штурман дальнего плавания И. Климов!» Того самого, который на всю жизнь поразил меня необыкновенными словами: «широта», «шхуна», «фрам»...* *Того самого штурмана, из письма которого я узнал, что экспедиция — это не только грязное подвальное помещение под почтой...* (Каверин, Два капитана, ч. 4, гл. 4).

б) Мнимое поясняемое слово *та*: *И ожидание, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую он знал в себе в суде...* *все было точно так же, как в суде* (Толстой, Смерть Ивана Ильича, IV); *...се-*

мейство — на дрезине, без сомнения той самой, до которой не добрались девушки из Станислава — доставило меня в Заозерье... (Каверин, Два капитана, ч. 8, гл. 11); *Я собирался остановиться у Кораблева, но потом передумал и заехал в гостиницу, ту самую, в которой останавливался два года тому назад...* (Каверин, Два капитана, ч. 5, гл. 1).

в) Мнимое поясняемое слово *то*: *И тогда монашеское честолюбие, то самое, которое так противно было в монахах, поднялось в нем* (Толстой, Отец Сергей, III); *... место на кладбище, то, которое назначила Прасковья Федоровна, будет стоить двести рублей* (Толстой, Смерть Ивана Ильича, I).

г) Мнимое поясняемое слово *те*: *Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем)* (Толстой, Война и мир, т. 3, ч. 1, I); *А он — ничего, и книги читал; конечно, те, которые менее скучно были написаны...* (Горький, Разговор по душе); *Он нанял мальчиков — тех самых, которых Розалия Наумовна учила красить* (Каверин, Два капитана, ч. 7, гл. 14).

Во всех перечисленных в пунктах а — г примерах поясняемым словом является имя существительное, не повторяемое после согласованного с ним указательного местоимения.

Таким образом, придаточные предложения с союзным словом *который*, встречаемые при формах указательных местоимений *тот, та, то, те* в роли поясняемого члена главного предложения, как правило, появляются в следующих случаях: 1. При формах местоимений *тот, те*, если они заменяют имя существительное неодушевленное мужского рода, и при — *та, те*, если они заменяют одушевленное или неодушевленное имя существительное женского рода (объяснение см. в пункте 3.). 2. Придаточное предложение с союзным словом *который* по аналогии с случаями, указанными в пункте 4.1, может пояснять и формы субстантивированных местоимений *тот, те*, заменяющих одушевленное имя существительное мужского рода, или формы субстантивированного местоимения *то*, заменяющего имя существительное среднего рода (см. пункт 4.2), однако возможность параллельных конструкций придаточных предложений либо с союзными словами *кто, что*, либо с союзным словом *который* позволяет использовать эти придаточные предложения в разных стилистических и, видимо, семантических целях. 3. При формах указательных местоимений *тот, та, то, те* (или при их вариантах с усилительным местоимением *всё*, а также с частицей *же* или местоимением *самый*, иногда и тем и другим) употребляются придаточные предложения с союзным словом *который* (а не с союзным словом *кто* или *что*), если эти местоимения или их варианты являются постпозитивным согласованным определением при имени существительном или субстантивированном слове. В этих случаях поясняемым членом главного предложения является не местоимение, а имя существительное (см. пункт 2.). Особым проявлением несубстантивированности местоимений *тот, та, то, те* нужно рассматривать случаи, когда формы данных местоимений представляют

неполное определительное сочетание слов, в котором не повторяется имя существительное, раз уже упомянутое в пределах данного предложения или ближайшего контекста (см. пункт 4.2); в редких случаях неповторяемое имя существительное может следовать за неполным определительным словосочетанием.

5. Неизменяемое относительное местоимение *что*⁶ в роли союзного слова придаточного предложения выступает в той же функции, что и относительное местоимение *который*, то есть придаточные предложения с этим союзным словом могут пояснять член главного предложения, выраженный как именем существительным, так и субстантивированным местоимением (см. пункт 4.). При этом зависимое от этого союзного слова сказуемое придаточного предложения (учитывая, что данное союзное слово является подлежащим придаточного предложения, а не прямым дополнением) в роде и числе согласуется не с ним, а с поясняемым членом главного предложения.

5.1. Придаточное предложение с неизменяемым союзным словом *что* поясняет имя существительное непосредственно или посредством постпозитивного определения, выраженного формами местоимений *тот, та, то, те* (или их вариантов): а) Придаточное предложение поясняет имя существительное неодушевленное: ...он [бук] стоял близко к тому краю леса, **что** выходил в степь (Горький, О маленькой фее...); **Это был прекрасный вечер — лучший из тех, что я провела без Сани** (Каверин, Два капитана ч. 6, гл. 4); ...Судьба, и она, наверно, тоже у кого-нибудь в неволе, может быть, у **Смерти, что** хочет взять меня... (Горький, О маленькой фее...); **Когда по ночам засыпали ручьи, что** текли по лесу, она частенько-таки любовалась в них своей рожницей и всем остальным (Горький, О маленькой фее...). б) Придаточное предложение поясняет имя существительное одушевленное: ...**есть песня О старом казаке, что** плыл куда-то ночью На лодке по реке (Горький, О маленькой фее...); **Третий** [то есть, лодочник], **тот, что** сидел на корме, закурил папиросу (Горький, Месь, II); **Он забыл о Майе, что** лежала на земле... (Горький, О маленькой фее...); **Мы подослали к ней сиделку, ту самую, что** звонила... (Каверин, Два капитана, ч. 6, гл. 9); **Кто знает, где теперь эти люди, что** писали их [письма] (Каверин, Два капитана, ч. 3, гл. 13); ...они [облака] плыли и хмуро смотрели на степь и на **Майю с чабаном, что** сидели там... (Горький, О маленькой фее...); **Передние тачечники уехали: те, что** были сзади меня, стояли... (Горький, на соли, I).

5.2. Придаточные предложения с неизменяемым союзным словом *что* могут пояснять и формы субстантивированных указательных местоимений: ...**Я много бы огненных стрел У грома старался отнять И той, что** вчера цело-

⁶ Словарь русского языка. Государственное издательство иностранных и национальных словарей. Москва, 1957/61. Т. IV, стр. 937/б.

вал, Из них бы корону сковал... (Горький, О маленькой фее...); ...под стеклянным колпаком, буду вечно вращаться я сам и смотреть за порядком среди тех [то есть, людей], что вручены мне судьбой (Горький, Ошибка).

5.3. В ГРЯ имеется указание на то, что неизменяемое местоимение *что* в роли союзного слова, выступающее в той же функции, что и местоимение *который*, чаще употребляется при поясняемых именах существительных неодушевленных и реже — при именах существительных одушевленных. В таблице III указано распределение найденных в ГРЯ и собранных автором примеров

Таблица III.

Источник	одушевленные	неодушевленные
ГРЯ	2	9
Контрольный материал	16	4

по принадлежности поясняемого слова категории одушевленности или неодушевленности, позволяющее утверждать противоположное положение с той оговоркой, что большинство найденных автором примеров извлечено из произведений сильно народно-разговорного стиля.

6. На основе изложенных в настоящей работе данных нами выявлены случаи обязательного и факультативного употребления придаточных предложений с союзным словом *который*, относящихся к поясняемому члену главного предложения, выраженному указательными местоимениями *тот, та, то, те* (см. п. 4.). Как показывают данные, многие из так называемых придаточных предложений дополнительных, подлежащих и сказуемых — просто-напросто — оказываются так называемыми определительными придаточными предложениями, относящимися к неполному определительному сочетанию слов с пропущенным или не повторенным определяемым именем существительным, раз уж употребленным в пределах данного сложного предложения или ближайшего контекста.

Нами оставлен без ответа вопрос, правильно ли считать придаточные предложения с одной и той же структурной основой разными по виду придаточными предложениями — подлежащими, дополнительными или сказуемыми — только на основе того, что поясняемое ими субстантивированное указательное местоимение выполняет в главном предложении роль подлежащего, дополнения или сказуемого. Однако освещенный в настоящей работе частный вопрос о грамматической сущности некоторых сложных предложений может способствовать более успешному преподаванию русского синтаксиса для иностранцев, привести к более правильному употреблению ими данных конструкций.

О понятии и терминах способов глагольного действия

(Aktionsarten)

Й. ДРАХОШ

1. Как известно, разграничение категорий вида и способа глагольного действия постепенно входит в употребление в работах славистов, хотя оно пока еще не получило всеобщего признания. Это объясняется тем, что значения способов действия часто смешиваются с видовыми значениями или оттенками видовых значений и это смешение затрудняет полное разграничение этих двух категорий.

Проблема глагольного вида в славянских языках была объектом внимания многих лингвистов. Если обратиться к истории учения о виде глагола, то можно заметить, что в классификации видов важную роль играли такие значения глаголов, которые теперь соответствуют значениям способов действия (А. В. Болдырев,¹ Н. И. Греч,² А. Х. Востоков,³ Г. П. Павский,⁴ Н. П. Некрасов,⁵ Ф. Миклошич,⁶ Б. Дельбрюк,⁷ К. Бругман⁸ и т. д.). В трудах этих ученых современная категория способов действия рассматривается в неразрывной связи с категорией вида. Термином «вид» долгое время называли два глагольных свойства: совершенность/несовершенность (Aspekt) и различные способы протекания действия (Aktionsarten). В нашей статье мы делаем попытку вкратце показать те проблемы, которые связаны с понятиями и терминами способов действия.

¹ А. В. Болдырев: Рассуждения о глаголах. *Труды Общества любителей российской словесности*. М., 1912, II, стр. 70—1.

² Н. И. Греч, *Практическая русская грамматика*. СПб., 1834, стр. 116.

³ А. Х. Востоков, *Русская грамматика*. СПб., 1831, стр. 100—3.

⁴ Г. П. Павский, *Филологические наблюдения* (Рассуждение третье «О глаголе»). СПб., 1842, стр. 205—6.

⁵ Н. П. Некрасов, *О значении форм русского глагола*. СПб., 1865, стр. 151—5.

⁶ F. MIKLOSICH, *Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen*. Wien, 1883, стр. 274—80.

⁷ В. DELBRÜCK, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*. „Vergleichende Syntax”. Strassburg, 1897, стр. 9—15.

⁸ K. BRUGMANN, *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprache*. Berlin—Leipzig, 1903, стр. 493—4.

Впервые в русской лингвистической литературе мысль о необходимости различения вида и тех лексических оттенков протекания глагольного действия, которые теперь называют «способами действия», выказал А. А. Потебня: «Говоря о делении глаголов по видам, мы предполагаем, что это деление имеет одно основание, именно вид. Но под видом до сих пор понимают две совершенно различные категории: несовершенство и совершенство — с одной, и степени длительности — с другой. Таким образом, деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости было бы желательным оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо само слово «вид» может быть приложено по этимологическому значению и по прежнему употреблению и к тому, и к другому и к множеству других понятий. . . Мы утверждаем, что совершенство, с одной стороны, и степени длительности с другой, не составляют одного ряда (*continuum*), но относятся друг к другу, как два различные порядка наслоений в языке.»⁹

Таким образом, А. А. Потебня настаивал на необходимости отграничения совершенного и несовершенного видов от степени длительности, т. е. от «способов действия» — по современной терминологии — уже в 80-х годах прошлого века (1884 г.). Следует, однако, прибавить, что Потебня не развивал дальше этой мысли, т. е. его высказывание является лишь своего рода замечанием вскользь; кроме того, оно стало широко известно только после напечатания четвертого тома «Из записок по русской грамматике», т. е. в 1941 г.

В своей работе «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» (Варшава, 1895 г.) Г. К. Ульянов занимается и выделением разных значений русских глаголов. Он различает следующие глагольные значения: *детерминативное* (погулять), *суммарное* (избегать), *дистрибутивно-суммарное* (повылловить), *результативное* (выучить), *ингрессивное* (побежать).

И Ф. Ф. Фортунатов¹⁰ выделяет несколько глагольных значений: *детерминативное* (поговорить), *инхоативное* (забегать 'начать бегать'), но в ингрессивном значении), *ингрессивное* (побежать) и *результативное* (написать). Оба лингвиста не называли этих глагольных значений способами действия, а считали разными вариантами значений в пределах совершенного вида.

Шведский лингвист С. Агрелль провел впервые последовательное разграничение между видом и способами действия в польском глаголе. Его монография „*Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte*“ представляет собой важный этап в разграничении вида (*Aspekt*) и способов действия (*Aktionsarten*). Он дал следующее определение вида и способа действия: „*Unter Aktionsart verstehe ich . . . nicht die beiden Hauptkategorien des*

⁹А. А. Потебня: Из записок по русской грамматике. Т. IV, М.-Л., 1941, стр. 62.

¹⁰См. Ф. Ф. Фортунатов, Разбор сочинений Г. К. Ульянова. Отчет о присуждении Ломоносовской премии 1895. СПб., 1897, стр. 24-5.

slavischen Zeitwortes, die unvollendete u. die vollendete Handlungsform (das Imperfektivum u. das Perfektivum) — diese nenne ich Aspekte. Mit dem Ausdrucke Aktionsart bezeichne ich bisher fast gar nicht beachtete-geschweige denn klassifizierte—Bedeutungsfunktionen der Verbalkomposita (sowie einiger Simplicia u. Suffixbildungen), die genau ausdrücken wie die Handlung vollbracht wird, die Art u. Weise ihrer Ausführung markieren”.¹¹

Ю. С. Маслов пишет об этом определении способа действия Агрелля следующее: «Тем самым речь идет о чем-то, что не подчинено видам, не входит в тот или иной вид как часть в целое, о чем-то, что принадлежит несколько другой сфере, располагается в несколько другой плоскости. Вместе со многим я считаю, что в принципе прав Агрелль...»¹²

С. Агрелль разграничил вид и способы действия на основании противопоставления понятию вида в собственном или узком смысле, т. е. совершенности и несовершенности (Аспект) — понятие способа действия (Aktionsart). Это было большим сдвигом в развитии новой терминологии. «Вводя свое терминологическое разграничение, С. Агрелль понимал под способами действия определенные (не чисто пространственные) смысловые оттенки, которые вносятся в значение глагола приставками, обозначающими как именно совершается действие, а также известными суффиксами (практически он имел в виду только суффикс *-н-* в таких образованиях, как польск. *błysnąć*, русск. *блеснуть*).¹³ Итак, мы можем установить, что С. Агрелль при разграничении разных способов действия опирался прежде всего на функции префиксов, а суффиксальные формы оттесняются на задний план и играют у него незначительную роль. Выделяя оттенки значений польских глаголов, он различает 20,¹⁴ а позже 22 способа¹⁵ действия.

Но термин, предложенный С. Агреллем (Aktionsart) не мог еще на практике выполнить своей функции в значении способа действия, потому что вид (Аспект) продолжает употребляться для выражения разных значений способов действия.

Позже, после С. Агрелля в число способов действия стали включать и некоторые другие разряды глаголов, напр., подвиды в рамках несовершенного и совершенного видов. Под влиянием Г. К. Ульянова А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» (Ленинград, 1925—1927 гг.) пытался четко выделить внутри двух видов некоторые значения, но он не пользовался термином

¹¹ См. S. AGRELL, ук. соч., стр. 87

¹² Ю. С. Маслов: Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. — В кн.: «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 199.

¹³ Ю. С. Маслов: Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. (Значение и употребление). — В кн.: «Вопросы грамматики болгарского языка». М., 1959, стр. 159.

¹⁴ См. S. AGRELL, Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitwort. Lund, 1908, 87-8.

¹⁵ См. S. AGRELL, Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków, 1918. Materiały i prace Komisji językowej AK. umiejętności w Krakowie.

«способ действия». Внутри глаголов несовершенного вида Шахматов выделяет следующие подвиды: 1. кратный и некратный, 2. моторно-кратный и моторно-некратный, 3. многократный, 4. определительный подвид несовершенного вида. Внутри глаголов совершенного вида он различает: 1. однократный или многократный, 2. определительный подвид совершенного вида.

Подвиды А. А. Шахматова соответствуют некоторым способам действия, но в его концепции нет отграничения вида от способа действия, поэтому прав Ю. С. Маслов, который пишет следующее: «Конечно, объективную базу и шахматовской классификации подвидов, и ряда других аналогичных классификаций составляли некоторые способы действия. Но рассматривались эти способы действия в качестве частных подразделений или вариантов значения одного и другого вида. Между тем, во-первых, кроме «внутривидовых» способов действия, есть, как сказать, и «межвидовые», выступающие в обоих видах, т. е. нейтрально по отношению к видовому противопоставлению; называть их «подвидами» конечно невозможно. Во-вторых, даже и одни «внутривидовые» способы действия не стоило бы назвать «подвидами», так как термин «подвид» наталкивает на мысль о чем-то, лежащем принципиально в той же плоскости, что и вид, но мысль о чем-то, отличающемся от вида лишь по объему («вроде вида, но меньше»), тогда как даже «внутривидовые» способы действия, хотя они и взаимодействуют с видом, лежат в иной плоскости, представляют собой явление иного порядка.»¹⁶

И В. В. Виноградов заметил, что У. А. Шахматова при учении о «виде» и «подвидах» видовые значения смешиваются с лексическими значениями и оттенками, вносимыми приставками, т. е. со значениями способа действия.¹⁷

Некоторые лингвисты пытались показать разницу между способом действия и видом с помощью философских категорий, т. е. опирались на категории «субъективного» и «объективного». Например, Герман Якобзон так пишет о понятии вида (Aspekt) и способа действия (Aktionsart): «Когда речь идет о различии между «перфективными» и «имперфективными» глаголами, имеются в виду субъективные формы восприятия действия, выражающие то, как представляет себе говорящий его протекание. Напротив, в основе таких понятий, как итеративные, интенсивные... глаголы, лежат объективные различия между самими действиями... со способами действия в собственном смысле слова (Aktionsarten) например, итеративным, интенсивным и т. д. виды не имеют ничего общего...»¹⁸

¹⁶ Ю. С. Маслов, Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: «Вопросы общего языкознания». Изд-во ЛГУ, 1965, стр. 72—3.

¹⁷ В. В. Виноградов, Русский язык. М.-Л., 1947, стр. 523.

¹⁸ Вопросы глагольного вида. Под ред. Ю. С. Маслова. М., ИЛ, 1962, стр. 39; Jacob WACKERNAGEL, Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch. Gnomon 2. Band, Heft 7. Berlin, 1926, S. 379.

Другой представитель этой философской теории Эдуард Герман, который различает комплексивный и курсивный вид. Глаголы комплексивного вида выражают законченность действия, а глаголы курсивного вида процесс действия в его протекании. Различие между двумя видами выражается лишь восприятием говорящего без действительных фактов. Эта мысль передается Э. Германом так: „Der Unterschied zwischen der komplexiven und der kursiven Aktionsart ist demnach nur durch die Auffassung gegeben, nicht durch zwei verschiedene ausserhalb des Sprechenden liegende Tatsachen, er ist somit subjektiv“.¹⁹

Э. Герман показывает различие и между глаголами дуративного (длительного) и недуративного (недлительного) вида. По Э. Герману здесь различие основывается на объективных фактах. Он выражает это так: „Der Unterschied zwischen beiden besteht auch ausserhalb des Sprechenden, er beruht auf den Tatsachen, ist also objektiv“.²⁰

И Эллен Гермелин²¹ придерживается мнения Г. Якобсона и Э. Германа и стремится доказать независимость категории вида от лексического значения отдельных глаголов и подчеркивает, что различие между совершенным и несовершенным видами состоит только в восприятии говорящего.

Трактовка рассматриваемых категорий в философском аспекте, предлагаемая Г. Якобсоном, Э. Германом и Э. Гермелин, не способствует решению сложной проблемы разграничения вида и способа действия. У них «субъективность» категории вида и «объективность» категории способа действия не подтверждаются конкретными фактами языка. Эти свойства выступают у обеих категорий, поэтому такие критерии, как субъективность и объективность не могут служить основанием при разграничении вида и способа действия.²²

Вопросами способов глагольного действия много занимался Эрвин Кошмидер. О понятии способа действия он дает такое определение: „Die Iterativa also gehören nicht zu den Aspekten, sondern einer der verschiedenen Bedeutungskategorien, die man unter dem Namen „Aktionsarten“ zusammengefasst hat. Diese sind nach verschiedenen Einteilungsprinzipien gebildete lexikalische Gruppen.“²³

¹⁹ EDUARD HERMANN, Objektive und subjektive Aktionsart. IF, Bd. XLV, 1927, Heft 3 стр. 207.

²⁰ Там же, стр. 209.

²¹ См. ELLEN HERMELIN, Über den Gebrauch des Präsenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen. Uppsala, 1935, стр. 2.

²² См. DOMBROVSKY JÓZSEF, A szláv igei aspektusok eredetének kérdéséhez. Debrecen, 1959, стр. 20; Вопросы глагольного вида. Сборник. Составление сборника, редакция. Вступительная статья и примечания проф. Ю. С. Маслова. М., ИЛ., 1962, стр. 10—1.

²³ ERWIN KOSCHMIEDER: Studien zum slavischen Verbalaspekt. Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1928. Bd. 56, 1—4. Heft, стр. 78—9.

Это определение он расширяет следующим объяснением: „...All das sind Gruppen von Verben, die nach gemeinsamen Komponenten ihres lexikalischen Bedeutungsinhaltes zusammengestellt sind und die sich je nach der Feinheit der Unterscheidungsmerkmale in einer mehr oder weniger grossen Anzahl aufstellen lassen. Man hat sie Aktionsarten genannt, da die betreffenden Verben die Art der Ausführung der durch die Wurzel bezeichneten Tätigkeit charakterisieren. Von diesen Aktionsarten, die nach bestimmten Gesichtspunkten verbale Gruppen nach ihrem lexikalischen Bedeutungsinhalt zusammenstellen, sind die Aspekte zu unterscheiden”.²⁴

Э. Кошмидер в работе „Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy” (Wilno, 1934) устанавливает, что глаголы польского языка, как и глаголы всех славянских языков можно разделить на разные группы на основании известных общих черт в их значении, относящихся к способу протекания данного действия. Он различает следующие способы действия внутри польских глаголов: мгновенный: *krzyknąć* ‘крикнуть’; начинательный или ингрессивный: *zaśpiewać* ‘запеть’; результативный: *zabić* ‘убить’; инхоативный: *kamienieć* ‘каменеть’; однократный (семельфактивный): *wyciągnąć* ‘вытянуть’; многократный (итеративный): *mawiać* ‘говорить’; детерминативный: *przynieść* ‘принести’; индетерминативный *nieść* ‘нести’. Он замечает дальше, что таких семантических групп очень много и только некоторые из них имеют формальные показатели, но и те обычно не являются общими для всех глаголов данной группы. Для каждой группы характерно общее значение.

Далее Э. Кошмидер подчеркивает, что очень часто один и тот же глагол может относиться одновременно к нескольким группам: „Dalej bardzo częsty jeden czasownik należy jednocześnie do kilku takich grup. Np. *blednąć* pod względem trwania czynności jest czasowikiem duratywnym, pozatem należy do inchoatywnych i jednorazowych”.²⁵

Значит, он воспринимает глагол *blednąć* ‘бледнеть’ с точки зрения длительности дуративным. Этот глагол, по мнению Э. Кошмидера, можно отнести к инхоативным и однократным. Его исследование в области разработки категории способа действия кажется нам очень плодотворным.

А. Мазон подвергает очень глубокому и тонкому анализу аспектуальные функции русского глагола, но в своей известной работе „Emplois des aspects du verbe russe” (Paris, 1914) он еще считает итеративность одним из значений несовершенного вида, т. е. не отграничивает значения способа действия от вида. В дальнейшем он изменяет свой взгляд и на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958) в лекции „L’aspect des verbes slaves: principes et problèmes” присоединяется к точке зрения С. Агрелля: „Une questions préalable est

²⁴ ERWIN KOSCHMIEDER, *Zeitbezug und die Sprache*. Leipzig—Berlin, 1929, стр. 27.

²⁵ ERWIN KOSCHMIEDER, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy*. Wilno, 1934, стр. 4.

désormais résolue: l'aspect ne devra plus être confondu avec les modalités de l'action verbale, les Aktionsarten. Toutes ces modalités, dont le regretté Sigurd Agrell a si bien fait ressortir en polonais les multiples nuances, sont et doivent rester du domaine de la sémantique et du vocabulaire: duratif, itératif, fréquentatif, distributif, inchoatif, ingressif, momentané, semelfactif, résultatif, finitif, terminatif, etc.»²⁶

2. В работах Ю. С. Маслова раскрытие связи и взаимодействия вида и способа действия на материале болгарского и русского языка составляет новый период в разграничении вида и способа действия. В своей диссертации «Глагольный вид в современном болгарском языке» (Ленинграда, 1957) он дал определение способа действия: «Под способом действия следует понимать некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящихся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях из функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности вида и синтаксического употребления».²⁷

Ю. С. Маслов не только дал новое определение способа действия, но разделил их на три группы: 1. на морфемно выраженные способы действия (характеризованные или обозначенные способы действия), которые имеют словообразовательную (морфемную) характеристику; 2. на морфемно невыраженные способы действия (нехарактеризованные или необозначенные способы действия), которые не имеют словообразовательной характеристики; 3. на непосредственно характеризованные способы действия, которые в одних глаголах имеют, а в других не имеют словообразовательной характеристики.²⁸

Кроме этого подразделения способов действия, Ю. С. Маслов разработал и другую классификацию: 1. способы действия, связанные с видовой дефективностью, 2. способы действия, не связанные с видовой дефективностью.

Он причисляет к способам действия, связанным с видовой дефективностью глаголы абсолютные imperfectiva и perfectiva tantum, например: *стоять, спать, существовать; рухнуть, закричать, отуметь, полежать* и др., которые не составляют вообще видовой соотносительности. Кроме глаголов абсолютных imperfectiva и perfectiva tantum он различает внутри дефективных глаголов относительные imperfectiva и perfectiva tantum например: *писать, читать, махать, колоть; написать, махнуть, кольнуть* и др. Эти дефективные глаголы представляют переход от глаголов абсолютных imperfectiva и perfectiva

²⁶ См. А. Мазон, Вид в славянских языках (принципы и проблемы). М., 1958, стр. 33.

²⁷ Ю. С. Маслов, Глагольный вид в современном болгарском языке. Автореферат. Л., 1957, стр. 8.

²⁸ См. Ю. С. Маслов, Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: «Вопросы общего языкознания». Изд-во ЛГУ. 1965, стр. 71—2.

к глаголам с полной видовой парадигмой и могут входить в приблизительные видовые пары. Способы действия, связанные с видовой дефективностью, называются Ю. С. Масловым внутривидовыми способами действия. К способам действия, не связанным с видовой дефективностью, Ю. С. Маслов относит глаголы с полной видовой парадигмой: *дать/давать, вписать/вписывать, взмахнуть/взмахивать* и др. и называет их межвидовыми способами действия.

Ю. С. Маслов, кроме двух классификаций, представил таблицу терминов для обозначения отдельных способов действия, которая содержит в себе лишь важнейшие способы действия, выделенные в ряде славянских языков. Он различает 25 способов действия.²⁹

А. В. Исаченко тоже занимается проблемой способов глагольного действия. Он различает внутри способов действия (Aktionsarten) «совершаемость» и «характер глагольного действия.» А. В. Исаченко дает следующее определение «совершаемости»: «Под совершаемостью следует понимать те общие значения глаголов, которые, будучи выражены формальными средствами (приставками, суффиксами), модифицируют значение исходного бесприставочного или приставочного глагола в отношении фазисности, кратности или количества действия и семантически с ним соотнесены. Глаголы, выражающие ту или иную совершаемость, представляются всегда лишь одной видовой формой».³⁰

Он различает 12 «совершаемостей».³¹ Его «совершаемости» охватывают: а) общие значения префиксальных несоотносительных глаголов совершенного вида без частицы *-ся* и с частицей *-ся* (см.: 1. начинательная совершаемость, 2. зволютивная совершаемость, 3. ограничительная совершаемость, 4. смягчительная совершаемость, 5. результативная совершаемость, 6. разделительная совершаемость), б) значения беспрефиксальных глаголов совершенного вида с суффиксом *-ну-* (см.: однократная совершаемость), в) значения беспрефиксальных несоотносительных глаголов несовершенного вида с суффиксами *-ыва-/ива-, -ва-, -а-* (см.: многократная совершаемость), г) значения префиксально-суффиксальных несоотносительных глаголов несовершенного вида (см.: 1) прерывисто-смягчительная совершаемость, 2. осложненно-интенсивная совершаемость, 3. сопроводительная совершаемость). Как видно из вышеизложенного перечисления, глаголы «совершаемостей» выражаются словообразовательными морфемами (приставками, суффиксами), т. е. они относятся к производным глаголам. Кроме производности, в этих глаголах выступает и дефективность, так как «совершаемостные» глаголы являются глаголами или *perfectiva* или *imperfectiva tantum*.

²⁹ Там же, стр. 75—8.

³⁰ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология II. Братислава. 1960, стр. 218.

³¹ Там же, стр. 224—94.

Под другим термином «характер глагольного действия» А. В. Исаченко понимает «самые общие семантические свойства простых (бесприставочно-бессуффиксных) глаголов».³² После этого он замечает: «Характер действия» может быть определен на основании логического анализа значений большого числа индивидуальных глаголов. Глаголы, образующие соотносительные видовые формы, обладают общим значением курсивности. Действие, выражаемое такими глаголами, как *переписывать*, может быть представлено в виде движения по координате времени. Такое общее значение «протекание процесса во временной оси» можно назвать курсивным характером действия».³³ Здесь сразу обнаруживается противоречие. Термин «курсивный характер действия» противоречит определению «характер глагольного действия» и разрушает эту формулу, так как в курсивном характере действия имеются значения соотносительных префиксально-суффиксальных глаголов, хотя по определению «характер глагольного действия» выражает общие семантические свойства простых (бесприставочно-бессуффиксальных) глаголов».³⁴

В определение «характера глагольного действия» А. В. Исаченко включает только некурсивные глаголы, которые он разделяет на 8 групп.³⁵ После рассмотрения этих глагольных групп, бросается в глаза, что все они относятся к несоотносительным глаголам несовершенного вида. В то время как глаголы «совершаемостей» выступают как глаголы *perfectiva* и *imperfectiva tantum* глаголы «характера действия» являются только глаголами *imperfectiva tantum*

Что касается групп некурсивных глаголов, то нам кажется, что 5-я группа, т. е. «Глаголы со значением проявлять какой-либо признак» типа *нервничать*, *нежничать*, *оригинальничать* и т. д. имеют очень широкий семантический объем и не отграничиваются от 7-й группы, включающей глаголы со значением душевного состояния типа *сердиться*, *грустить*, *печатиться*, *ликовать*, *злиться* и т. п. Эту рубрику (5) нужно было бы сузить. 8-я группа включает в себя «модальные глаголы» типа *хотеть*, *немереваться*, *надлежать*, *норовить*, *стремиться* и т. п. Возникает в вопрос, в какой мере эти глаголы относятся к категории способа действия.

Как видно из классификаций «совершаемостей» и «характера глагольного действия», А. В. Исаченко очень глубоко и детально анализирует протекание разных глагольных действий, но неудачно, что он разделяет способы действия *Aktionsarten* на две части: «совершаемость» и «характер глагольного действия», потому что эти два термина не охватывают значения всех глаголов. Значения соотносительных (парных) глаголов остаются за пределами этих терминов. Хотя у А. В. Исаченко речь идет о соотносительных глаголах в связи с кур-

³² Там же, стр. 301.

³³ Там же, стр. 301.

³⁴ Там же, стр. 301.

³⁵ Там же, стр. 301—3.

сивными глаголами, но что касается проблемы соотносительности глаголов, то она остается неясной, поэтому прав А. В. Бондарко, который пишет об этом следующее: «Положение соотносительных глаголов, совпадающих по типу их лексического значения с «совершаемостями» остается в концепции А. В. Исаченко неясным. С одной стороны, такие глаголы как будто относятся к области «характера действия» (см. стр. 301). Однако автор подчеркивает, что под термином «характер действия» он понимает «самые общие семантические свойства простых (бесприставочно-бессуффиксных) глаголов» (там же). Эта формулировка сразу же выводит глаголы типа *просидеть/просиживать* из сферы «характера действия». За пределами совершаемости и характера действия оказываются вообще все «курсивные» соотносительные глаголы (*переписать/переписывать* и т. п.), составляющие основное ядро грамматической категории вида».³⁶

Таким образом для нас не остается другой возможности, как только воспринять термины «совершаемость» и «характер глагольного действия» А. В. Исаченко, как такие термины, которые охватывают значения только дефективных глаголов *perfectiva* и *imperfectiva tantum*, а недефективные (парные) глаголы, составляющие значительную часть категории вида, не входят в эти термины. Если сравним «совершаемость» с группой характеризованных способов действия, то можем установить, что «совершаемость» не соответствует группе характеризованных способов действия, несмотря на то, что у обоих терминов выступают словообразовательные морфемы, потому что «совершаемость» опирается на видовую дефективность. Надо устранить видовую дефективность «совершаемости», и это можно сделать при помощи классификации способов действия, которую предлагает Ю. С. Маслов. Эта классификация учитывает способы действия, связанные с видовой дефективностью и не связанные с ней.

А. В. Бондарко в книге «Русский глагол» (Ленинград, 1967) разделяет предложенные Ю. С. Масловым три группы способов действия на разные подгруппы и дает детальную характеристику значений этих подгрупп. При классификации способов действия, в отличие от А. В. Исаченко, он принимает во внимание значения не только несоотносительных глаголов, но и соотносительных.

Среди характеризованных способов действия А. В. Бондарко различает 12 подгрупп.³⁷ Нетрудно установить, что среди характеризованных способов действия первое место занимают префиксы, как словообразовательные показатели т. е. из 12 подгрупп: в начинательном, усилительном, ограничительном, длительно-ограничительном, специальнорезультативном способах действия, как правило, выступают префиксы. Затем следуют префиксально-суффиксальные образования с прерывистыми-смягчительным, длительно-смягчительным, со-

³⁶ А. В. Бондарко: Рецензия на книгу А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. II. Братислава, 1960. В Я., 1962, № 5.

³⁷ А. В. Бондарко, Русский глагол Изд-во «Просвещение». Л., 1967, стр. 14—22.

проводительным, взаимным и частично смягчительным значениями. На третьем месте стоят суффиксальные образования, выражающие инхоативный, многократный способы действия.

Анализируя подгруппы характеризованных способов действия А. В. Бондарко, мы можем установить следующее: а) характеризованные способы действия могут выражаться только одним префиксом, иногда в сочетании с частицей *-ся*: усилительный (*развоеваться*), ограничительный (*поболтать*), длительно-ограничительный (*поболеть*), финитивный (*отужинать*), накопительный (*набраковать*); б) только суффиксами: инхоативный (*блекнуть*), многократный (*жевал*); в) префиксами и суффиксами, может быть, с частицей *-ся*: прерывисто-смягчительный (*побаливать*), длительно-смягчительный (*наигрывать*), сопроводительный (*переговариваться*); г) разными префиксами и частицей: *-ся*: начинательный (*заважничать, побрести, взвыть, возлюбить*), интенсивный (*затащить, набаловаться, убежаться, добудиться, изголодаться*), распределительный (*перепеть, побросать*); д) разными (но в большинстве случаев двойными) префиксами и, кроме того, префиксами и суффиксами: смягчительный (*поизноситься, припорошить, подзакусить, прилгнуть, вздремнуть*).

Таким образом, мы приходим к следующему заключению. Одни способы действия выражаются одним морфемным признаком (или префиксом или суффиксом), другие — разными префиксами, третьи — префиксами и суффиксами, а четвертые — двойными префиксами и кроме того префиксами и суффиксами. Мы согласны с мнением А. В. Бондарко, который пишет следующее: «Характеризованные способы действия могут быть разделены на простые и сложные. Первые отличаются единым морфологическим признаком. Например: *поговорить, погулять, полежать*. Такие способы действия не поддаются дальнейшему членению ни в семантическом, ни в формальном отношении. Сложные способы действия характеризуются несколькими морфологическими признаками, обычно связанными с различными (хотя и близкими) значениями или оттенками. Например, начинательный способ действия в русском языке может быть выражен глаголами с приставками *за-, вз- (вс-), воз-, по-*: *зашуметь, засиять; взбунтоваться; возненавидеть; побежать, попылеть*. Сложные способы действия представляют собой группировку нескольких простых».³⁸

Далее, рассматривая роль морфологических признаков у разных характеризованных способов действия, можно сделать вывод, что значение одного определенного способа действия не всегда связывается только с одним морфологическим признаком (см.: начинательный, интенсивный и распределительные способы действия) и наоборот, один морфемный признак может выражать значение не только одного способа действия, но и других (см. префикс *по-* у начинательного, ограничительного, смягчительного и распределительного, а пристав-

³⁸ Там же, стр. 14.

ку *-за-* у начинательного, интенсивного способов действия). Многозначность, омонимия, синонимия этих морфемных показателей затрудняет разграничение значений отдельных способов действия.

Среди непоследовательно характеризованных способов действия А. В. Бондарко различает 4 подгруппы: 1. общерезультативный, 2. многоактный, 3. одноактный способы действия, 4. однонаправленные (определенно-моторные) и ненаправленные (неопределенно-моторные) глаголы движения. Непоследовательность этих способов действия выражается в том, что они в одних глаголах имеют, а в других глаголах не имеют морфемного показателя. Например, общерезультативный способ действия является характеризованным тогда, когда результат выражается в префиксе, не имеющем какого-либо иного значения (ср. *лепить—вылепить*). Общерезультативный способ действия является нехарактеризованным тогда, когда глагол имеет результативное значение, но это значение не выражается в каком-либо формальном показателе, в префиксе или суффиксе, например: *вдуть—вдувать, кончить—кончать* и т. д.

А. В. Бондарко относит следующие подгруппы к нехарактеризованным способам действия: 1. стательный (глаголы состояния), 2. реляционный (глаголы отношения), 3. зволютивный (глаголы развития).

Глаголы этих способов действия не имеют словообразовательного признака. Возникает вопрос, почему разные способы действия не характеризуются каким-либо общим морфемным признаком. Ю. С. Маслов дает такое объяснение: «Надо, однако, подчеркнуть, что и в болгарском и в других славянских языках значения некоторых способов действия оказываются присущими и непроизводным глаголам, т. е. глаголам, не имеющим ни приставок, ни словообразовательных суффиксов, ни каких-либо других признаков словообразования.

Так, в качестве особого способа действия должны быть выделены глаголы состояния (стательный способ действия), например: русск. *стоять, лежать, спать, дремать, плакать*; болг. *стоя, лежа, спя, дремя, плача* и т. д., хотя в словообразовательном отношении (или хотя бы с точки зрения морфологической классификации глагольных основ) глаголы эти не составляют какой-либо отдельной единой группы. Общий элемент в значении всех этих глаголов однотипен значениям других... Объективное существование данного способа действия доказывается не наличием (и узнается не по наличию) в составе основы тех или иных словообразовательных морфем, а иначе: решающим является функционирование этих глаголов в языке и конкретно такие показатели, как тип взаимоотношения данного способа действия с видом, характер участия данных основ в образовании основ других способов действия, синтаксические особенности употребления данных глаголов».³⁹

³⁹ Ю. С. Маслов: Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. (Значение и употребление). — В кн.: «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 186—7.

А. В. Бондарко так указывает на роль суффиксов основы инфинитива: «Характеризованными (правда, весьма относительно), являются ненаправленные глаголы. С одной стороны, здесь выделяется ряд глаголов IV. продуктивного класса с суффиксами *-и-*: *водить, возить, ездить, лазить, носить, ходить*, а с другой — группа глаголов I. продуктивного класса с суффиксом основы инфинитива *-а-*: *бегать, гонять, гоняться, катать, кататься, лежать, плавать, ползать, таскать*. Разумеется, принадлежность к тому или иному продуктивному классу является очень слабым формальным признаком».⁴⁰

Из этих высказываний нам не совсем ясно: играют ли продуктивные и непродуктивные суффиксы основы инфинитива какую-нибудь роль во всех трех названных выше группах способов действия или только в одном из них, т. е. в группе характеризованных способов действия. Однако суффиксы основы инфинитива выступают и в непоследовательно характеризованных и в нехарактеризованных способах действия.

Другой вопрос состоит в следующем. Нам кажется, что глаголы нехарактеризованных способов действия почти все — несовершенного вида, поэтому не ясно, в какой мере можно отождествлять глаголы нехарактеризованных способов действия с глаголами «характера действия» А. В. Исаченко.

Книга А. В. Бондарко «Русский глагол» дает возможность лучше понять сущность категории вида и категории способа действия. В этой книге автор затрагивает такие важные темы как глагольный вид и аспектуальность, частные значения обоих видов, понимание которых необходимо не только для тех, кто исследует проблемы вида и способа действия, но и в практике преподавания русского глагола.

3. Суммируя успехи в области разработки определения и терминов категории способа действия, указывая на задачи, стоящие перед нами, мы можем установить следующие: 1. А. А. Потебня, можно сказать, только почувствовал разницу между категориями вида и способа действия и поэтому только возник вопрос об отграничении совершенного и несовершенного вида от степеней длительности, т. е. «способов действия». 2. Г. К. Ульянови и Ф. Ф. Фортунатов не сознательно выделили такие значения внутри совершенного вида, которые уже не являлись «чистовидовыми значениями». 3. С. Агрелль впервые провел острую грань между категориями вида и способа действия, он изложил, что понимает под видом (*Aspekt*) и под способом действия (*Aktionsart*), но его классификация способа действия опиралась почти на префиксы. 4. После Агрелля А. А. Шахматов различил среди двух видов «подвиды», значения некоторых из них, соответствуют значениям способа действия. Однако эти значения — частные значения или варианты несовершенного и совершенного вида. 5. Боль-

⁴⁰ А. В. Бондарко, Русской глагол. Изд-во «Просвещение». Л., 1967, стр. 26.

шое значение получила разработка учения о способе действия в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко и А. В. Исаченко, которые дали определение способа действия и детально анализировали группы и подгруппы способов действия по их общим значениям. Так категория способа действия могла превратиться в самостоятельную категорию. б) В интересе полного понимания категории способа действия надо разработать новые пути и методы исследования.

7. Надо унифицировать терминологию, связанную со способами действия, устранить противоречия и разработать новые подгруппы способов действия, поэтому важно еще глубже рассмотреть значения разных морфемных показателей.

Морфология закарпатских урбарильных записей XVIII в.

Л. ДЭЖЕ

Ценными источниками исторической диалектологии Закарпатья являются урбарильные записи 1700-х годов, составленные в 200 селах Восточного и Среднего Закарпатья (в бывших комитатах Мараморош, Угоча и Берег), они содержат ответы крестьян на вопросы об экономическом положении села, о крепостных повинностях и др. Урбарильные записи хранятся в Государственном Архиве в Будапеште, часть их была издана автором [Памятники деловой письменности Закарпатья. (Урбарильные записи.) Будапешт, 1965] и некоторые А. Петровым (Материалы для истории Угорской Руси. т. V. Спб., 1908). Правописание и фонетика урбарильных записей рассмотрены в нашей статье «О языке урбарильных записей 1771—1774 гг.» (*Studia Slavica* XI, 71—94), а морфология мараморошских и угочанских записей в статьях «Урбарильные записи с Мараморошской Верховины» (*Studia Slavica* III, 235—60), «К истории закарпатских украинских говоров» („Zur Geschichte der subkarpatischen ukrainischen Mundarten". *Die Welt der Slaven* X, 21—35).

В наших более ранних работах уже охарактеризована морфологическая система восточнозакарпатских говоров XVI в. и его развитие в XVII в.¹ В настоящей работе освещается состояние морфологической системы XVIII в., при этом особое внимание уделяется диалектным явлениям.*

¹ Ср.: Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1967, 128—59; Dezső L., Oroszvégesi Mihály műveinek nyelvéről. *Filológiai Közöny* V; Dezső L., A kárpátaljai „népi irodalom". *Filológiai Közöny* XII.

* В связи с техникой подачи материала отметим: 1) примеры приведены в орфографии источника; 2) окончания, отдельные звуки и т. д. в нашем авторском тексте даются в фонетической транскрипции; 3) названия сел приведены по источнику (так, в случае урбарильных записей, обработанных нами здесь — латиницей, венгерское название села; в случае Пань., Укр. гов. — кириллицей, украинское название).

Имена

1. Окончания с элементом -а- существительных

В дательном падеже множественного числа окончание *-ам* встречается только в следующих случаях: *ku zahorodam* (Iglénc 4), *Panam* (Ruszkóc 7), *telekam* (Selesztó 3), *varossam* (Medence 4), *szelam* (Új Rosztoka 4), *pulyam* (Trosztyanica 4); у трех существительных твердого варианта, у одного мягкого варианта склонения мужского рода и у двух существительных среднего рода обеих разновидностей склонения. Обычно наблюдаются окончания бывшей основы на *-о*, как в твердом варианте склонения: *szelyanüm* (Új Dávidháza 4), *Panüm* (Klacsanó 3), *Panum* (Kis Lohó 2, 7), *panum* (Iszka; Вопросы), *pipum* (Iszka 4), *Gázdum* (Hribóc 4) и др., так и в мягком: *Bíressum* (Nagy Lányfalva 7), *kmetyüm* (Kálnik 4), *oczüm* (Klacsanó 3), *kmétyüm* (Kajdanó; Вопросы). Кроме того, мы находим окончание *-ом*, притом не только у существительных бывшей основы на *-и*: *volom* (Egreske 3), хотя *volüm* (Sztánfalva 7); но и у других: *piresom* (Sztánfalva 7). В мараморошских верховинских записях последнее окончание выступает относительно часто: *panom* (Iszka 2), *pipom* (Iszka 2), *kumom* (Iszka 5), *keritovom* (Kelecsény 4), однако это можно приписать к словацким чертам языка конскриптора.

В творительном падеже множественного числа твердой разновидности склонения существительных мужского рода господствует окончание *-ами*, примеры из бережских записей: *Panami* (Nagy Almás 2, Bród 2) и др. (очень часто), *mese Tisztámé* (Szkotárszka 2), *volami* (Kis Abránka — Pappgyörgyfalva 4), *kaszalovami* (Nyéresfalva 8), *Telekami* (Új Dávidháza 4, Kendereske 4), *Rokami* (Új Dávidháza 4), *rokami* (Benedike 7, Ignéc 6) и др. (часто), *kerdami* (Ignéc 4), *persima csaszami* (Kustánfalva 2), *forspontami* (Kendereske 4), *volami* (Kajdanó 6, Kis Bresztó 4) и др.; *csaszami* (Cserlenyo 7, Sztánfalva 2), *Hajovami* (Egreske 4), *hajovami* (Dubina 4), *Birovami* (Holubina 3), *Lyiszami* (Fedelesfalva 4), но сохраняются и окончания бывших основ на *-о* и на *-и*, последние, главным образом, в слове *vul*; примеры *-ы*: *csaszi* (Kis Falud 7), *volő* (Szkotárszka 4), *rokő* (Drahusóc 8), *roki* (Kis Belebele 4, Dunkófalva 2) и др., *voli* (Beregóc 3), *woly* (Veléte 6), *liszi* (Bukovinka 7); *-му*: *vülmi* (Nagy Almás 2, Csértész 4, Kanóra 4) и др. (часто), *rokmi* (Bukovinka 3), *hodmi* (Veléte 8). Окончание *-ами* наблюдается и у существительных среднего рода, напр.: *iz druhéma sicmma szélami* (Szvavolyka 7), *mesé szeláme* (Szkotárszka 2), *szelami* (Beregóc 2, 4, Almamező 4), *mistami* (Kirva 4); примеры из мараморошских записей: *panami* (Iszka 2), *pusztosagami* (Hidegpatak 5), *lanami* (Rikita 5), *solobami* (Bukovec 4), *misztami* (Tyuska 3). В угочанских тоже доминирует окончание *-ами*: *potokamy* (Csarnató 4), *volami* (Kirva 4). У существительных среднего рода наблюдаются и окончания основы на *-о*: *szelő* (Szkotárszka 2), и даже окончание *-му* основы на *-и*: *szilme* (Almamező 7), *szilymi* (Sztánfalva 4), *szilmi* (Romanóc 7).

В мягком варианте склонения существительных мужского рода окончание *-аму* встречается реже: *irtassami* (Nyéresfalva; Присяга), *hrosami* (Kajdanó 7), *hrossami* (Nagy Lohó 7), *Vuszma zolotimi Vonasami* (Szolocsina 3), *vonasami* (Izvor 3), *kmetyami* (Kis Abránka 9, Verchovina 9, Tissova 9), *kaminyami* (Kotilnica 9), *iz Tovarisami* (Serbóc 7), *knyazámi* (Hukliva 7). По частоте употребления ему не уступает место окончание *-му*: *hrósmi* (Kusztánfalva 7), *hrúsmi* (Kuzmina 4), *pinyazmi* (Kis Lohó 4, Kis Bresztó 3), *pinazmi* (Csapócka 4), *dvoma grajczarmi* (Dunkófalva 3), *kmitymi* (Medvedsa 9), *yz Tovarismi* (Nagy Rosztoka 7), *Knyazmi* (Pereszirova 7). В записях мараморошской Верховины засвидетельствовано тоже *-му*: *z kmitmi* (Iszka 3), *z kunymi* (Ricska 6). У конскриптора Мезё мы встретили примеры с *-у*: *troma zolotima vonasi* (Holubina 3, Kis Melniczna 3), *dvoma zolotima vonasi* (Holubina 3) и др. Слово *den: csotirma Dni* (Romanóc 6), принадлежало уже к твердому склонению.

В местном падеже множественного числа твердого варианта склонения окончание *-му* наблюдается часто в бережских записях, в мужском роде: *u Gyiláh* (Nagy Abránka 4), *u telekah* (Kis Abránka 4), *u Telekach* (Klacsanó 4) и др., *u csaszah* (Drágabrátfalva 4, Kendereske 3), *u podarunkách* (Nyéresfalva 7), *na szinokoszach* (Új Dávidháza 8, Borszucsina 4) и др., *u lyszách* (Ignéc 4), *u punctach* (Bukovinka 4), *u Punctach* (Kis Melniczna 4, Nagy Tibava 4), *na Telekach* (Kusztánfalva 4), *u mlinach* (Klucsárka 4), *u Mlenach* (Hribóc 4) и др., *na darabkach* (Klastromalja 2), *na kaszalovach* (Klastromalja 5), *o mlinach* (Cserlenyó 4), *o kaszalovah* (Nagy Lohó 4), *na Verchach* (Holubina 4, Nagy Bisztra 4), *u chotarach* (Balázsfalva 6), оно встречается и в записях комитата Угоча: *na dilach* (Csarnató 4). Окончание *-ach* известно и в среднем роде: *u szelach* (Kendereske 4), *u szelach* (Medence 3), *u misztach* (Dubina 5, Csabina 4, Dunkófalva 4) и др., *u pansztváh* (Nagy Lucska 7), *u mocsilach* (Drágabrátfalva 4). В мараморошских записях среди малочисленных примеров нет ни одного с окончанием *-ach*. Первоначальное окончание *-ich* обычно в мужском роде, примеры из бережских записей: *na dvoch boczih* (Medvedsa 4), *u . . . Punctich* (Kis Almás 4), *u Punctyich* (Posnyákfalva 4), *u chotarih* (Nagy Abránka 4), *u lazich* (Ignéc 4), *na kászalovich* (Hribóc 4), *po teleczich* (Ilykóc 4), *u csaszich* (Ilykóc 4, Nagy Lohó 3), *na Hájovich* (Ilykóc 4), *u . . . chotarich* (Lauka 4), *o Lázich* (Trosztyanica 4), *na Verzich* (Kis Tibava 4), *na versich* (Jobbovica 4), *na Hajovich* (Nelipina 4), *u kertich* (Nagy Lányfalva 4), там же сохраняется и окончание *-och* основы на *-u*: *u lyszoch* (Kis Almás 4), *u jarmarkoch* (Kis Almás 4), *pogyiloch* (Bród 4), *u chotároch* (Lauka 4), *na Verchoch* (Kis Breszto 4), *Uverchoch* (Holubina 4), *na telekoch* (Kis Melniczna 4), *na Telekoch* (Nagy Bisztra 4); то же окончание можно найти в мараморошских верховинских записях: *u kertoch* (Tyuska 4), *na telekoch* (Tyuska 4), *u horboch* (Bukovec 4), оно засвидетельствовано и в угочанских записях: *U molonoch* (Csarnató 4).

В среднем роде тоже встречаются оба окончания: *-ich*: *u szelyich* (Ignéc 4,

Клacsanó 7), *o Derevich* (Пыкóс 4), *u... misztyih* (Posnyákfalva 4), *u szjanich* (Serbóс 4); *-och: u misztoch* (Ricska 4).

Мало существительных с основой на мягкий согласный. Они обладают, главным образом, окончанием с *-a-*, среди них есть и существительные мужского рода: *u hrossach* (Nyéresfalva; Присяга), *u Hrosach* (Iványi; Вопросы), *u chotarjach* (Klastromalja 5), *u chutárách* (Пыкóс 4) (последнее может относиться и к твердому склонению), *o Pjaczach* (Trosztyanica 4), хотя: *u Városoch* (Hribóс 4). Новое окончание *-ach* имеется и у существительных среднего рода: *na plecsach* (Пыкóс 4), *pre... pulyach* (Пыкóс 4), но встречается и первоначальное окончание *-ich: u szjanyich* (Alsó Verecke 4).

В бережских записях существительные женского рода с основой на мягкий согласный представлены слабо, но в творительном падеже уже встречается окончание *-amy: Ricsami* (Holubina 3, Szolocsina 3), *ricsami* (Csabina 3); в угочанских: *ričamy* (Veléte 4) рядом с *-my: ricsmi* (Egreske 3), *ričmy* (Csarnatő 4). Зарегистрировано даже окончание *-i* в бережских записях: *usitkimi ricsi* (Selesztó 3). В мараморошских верховинских записях встречается лишь *-amy: nadlezitosztyamy* (Iszka; Вопросы, Hidegpatak; Вопросы, Rikita; Вопросы), *nadlezitosztami* (Tyuska; Вопросы). В местном падеже тоже можно найти окончание *-ach: u ricsách* (Kis Abránka 7), *u... ricsach* (Nagy Lucska 7).

В урбарияльных записях все еще считается редкостью окончание *-am* дательного падежа, и оно наблюдается, главным образом у существительных мужского рода. Окончание *-amy* творительного падежа выступает чаще всего у существительных мужского рода в твердом варианте склонения, в мягком мы его встретили реже. У существительных среднего рода окончание *-amy* тоже обычно в мягкой разновидности. В местном падеже *-ach* встречается часто в обоих вариантах склонения существительных мужского и среднего родов, хотя число окончаний склонения бывших основ на *-o* и на *-u* тоже значительно.

2. Влияние твердой разновидности склонения на мягкую

Влияние твердого варианта склонения на мягкий проявляется в склонении существительных, прилагательных и местоимений.

У существительных оно охватывает все падежи мягкой разновидности склонения существительных мужского и среднего родов, имевшие окончания с элементом *-e-*, но в отдельных падежах засвидетельствованы и старые окончания. Разумеется, количество примеров распределяется не одинаково, в некоторых падежах оно очень ограничено. Примеры дательного падежа ед. числа бережских записей: *kmetyovi* (Lécfalva 3, Beregóc 3, Kis Tibava 3, Bukovina 3 и др.), *Béressovi* (Szent Miklós 3), *Béresovi* (Beregóc 7, Colánfalva 3), *zsellyarov* (Colánfalva 3, Dubina 3), хотя: *zsilyarevi* (Kis Tibava 3), *Kmetevi* (Szaszuka 3), *po Mariassevi* (Nagy Lányfalva 7), *Manasztirevi* (Klastromalja 7), *biressevi* (Szerecsfalva 7). Только окончание *-ovu* наблюдается в мараморошских записях:

po szorokuczovi (Hidegpatak 3), po kozubczcovi (Ricska 3). Новое окончание *-om* обычно в творительном падеже: *dozvolinyom* (Tisova 3), *imnyom* (Szolyva 4, Selesztó 3, Csernik 2, Nagy Bisztra 2, Colánfalva 3), *obicsajom* (Selesztó 3), *jahnyatom* (Kis Tibava 3), *iz szijatyom* (Colánfalva 3, Kis Tibava 4), *obicsajom* (Szent Miklós 2, 3, Kis Belebele 2). В записях мараморошской Верховины встречается лишь *-om* в мужском роде: *z kmityom* (Iszka 3), *tizsnyom* (Bukovec 3), а в среднем роде рядом с *jahnyatom* (Kelecsény 7) и др. [5 раз]), зарегистрировано и *zjahnyatjem* (Iszka 7).

В угочанских записях мы находим лишь *-om*: *hnoyom* (Kirva 4), *rinyom* (Kirva 4), *zerdyarubanyom* (Veléte 3), *lomanyom* (Veléte 3). В им. п. мн. числа мы нашли только один пример с *-o-*: *oczove* (Tyuska 3), хотя уже в 1645 г. засвидетельствовано: *мужове раковецкии* (В. Раковец: П. I., 159). В дательном падеже, как правило, из закрытого *o* развилось *u, ű*, все же имеются примеры с *-om*: *biresom* (Sztánfalva 7, Kendereske 7), *Lyugyom* (Felső Verecke 7), *luyom* (Hidegpatak 5). Местный падеж тоже обладал окончанием с *-o-*: *u Városoch* (Hribóc 4). Кроме того, следует отметить окончание местн. падежа *-och* в качестве родительного: *vüd kmetyoch* (Jobbovica 7).

Влияние твердого склонения заметно в твор. п. ед. числа женского рода: *Dominiov* (Lázárpataka 3, Kotilnica 1), *iz Sarkadijou* (Nyéresfalva 4), *chastsóv* (Cserlenyo 4), *peret tapsov* (Ivaskófalva 3, Kis Bisztra 6) и др., *povinyov* (Kis Bisztra 3).

У прилагательных, числительных и местоимений влияние твердого варианта склонения на мягкий наблюдается в склонении мужского и среднего родов; примеры им. п. ед. числа среднего рода: *szelo* . . . *nalesascsoje* (Nagy Bresztó 7, Brusztópatak 7), *u pisoje* (Felső Hrabonica 3), *insoje* (*naszinya*) (Ilonca 4), *poszlydnyoje* (Váralja 4), *u pisoje* (Timsor 3), но: *poszlyidnee* (Klastromalja 4); род. п. ед. числа обоих родов: *Lytusnyoho* (Csernik 3), *litusnyoho* (Szolyva 3), *litosnoho* (Nagy Tibava 6), *lyitnoho* (Lécfalva 6, Szaszuka 4), *litnoho* (Colánfalva 4), *insoho* (Szaszuka 4), *trityoho* (Szaszuka 3, Csernik 3, Tőkés-Deskovica 3, Beregóc 3), *trityoho* (Lázárpataka 6), *teperisnyoho* (Bród 4, Nagy Lucska 3), *na maj bohatsoho* (Nagy Lucska 3), *iz maj tverzsoho* (*Pana*) (Lukova 3), *tekucsoho roku* (Iványi 6), *minuszcsoho* (Kockaszállás 3), *nasoho* (Rikita 4, Bukovec 7), *wisnyoho* (Csarnató 4), но: *treteho* (Almamező 3), *trityeho* (Nagy Tibava 3), *inseho* (Veléte 4), *pracsujuscheho vola* (род.—вин. п. ед. числа) (Veléte 4, Nagy Rosztoka 7), *naseho* (Iszka 4, Csarnató 4); дат.—местн. п. ед. числа: *u szijanyu nasomu* (Pudpálóc 4); но: *nasemu* (Tyuska 5, Csarnató 4, Veléte 4). Окончание с *-o-* мы находим и в склонении женского рода, род. п. ед. числа: *terasznyssoi* (Nyéresfalva; Вопросы), *ot* . . . *teraznejsoj* (Ruszkóc; Вопросы), *Iz* . . . *teperüsnyoi* (Klucsarka 5), *insoi* (Klucsarka; Вопросы), *persoye* (Kis Tarna 3), *nasoje* (Kis Tarna 8), но: *od perseji* (Hátmeg 8), *iz tekucseji* (*potocsini*) (Sztánfalva 4), *mensei* (Kis Melnicsna 4), *bulsey* (Csarnató 8), *nasey* (Csarnató 7).

Особо надо рассмотреть местоимения *ses'*, *uces*, *vün*, *svii* (*vun*, *svüi*). По-

видимому, они противостояли влиянию твердого склонения успешнее всех, но влияние твердого варианта склонения и тут значительно. Рассмотрим примеры местоимений бережских записей. Род. и дат. падежи ед. числа муж. и ср. родов: *szoho* (Szolyva 2, 3, Mászárfalva 4, Lóza 4, Szaszuka 3, 4, Lázárpataka 3) и др. (очень часто), но: *seho* (Lóza 4), *szeho* (Szaszuka 3, 7, Nagy Lohó 3, 4, Miskarovica 7); и др.; род. п. жен. рода: *Do szeji* (Iványi 5). В угочанских записях мы находим только формы с *-e-*: *seho* (Csarnató 3, Veléte 7, Kirva 9), *wseho* (Csarnató 3, Veléte 4). В мараморошских записях в мужском роде господствуют формы с *-e-*: *szeho* (Iszka; Присяга) и др., но довольно часто встречаются и формы с *-o-*: *szoho* (Iszka; Вопросы), *szomu* (Iszka 3, Hidegpatak 3) и др.; в женском роде имеются только формы с *-e-*: *szej* (Iszka 7, Tyuska и др. Окончания с *-o-* наблюдаются и у личного местоимения третьего лица *vün* (*vun*), *ona*, *ono*. Род. и дат. падежи муж. рода: *joho* (Szolyva 3, Mászárfalva 3, Szaszuka 3, Kis Tibava 3) и др. (очень часто), *za nyoho* (Iglénc 3, Csernik 3), *do nyoho* (Tőkés-Deskovica 4), *gu nyomu* (Hátmeg 4, Kis Abránka 4) и др., *jomu* (Szolyva 3, Szaszuka 3, Kis Tibava 3) и др., но: *jeho* (Hankovica 2, Bukovinka 3, Mászárfalva 7, Szent Miklós 3), *do neho* (Fogaras 4), *jemu* (Bukovinka 3); род. п. жен. рода: *jeji* (Mászárfalva 8, Trosztyanica 9, Talamás 8), *ud neji* (Új Dávidháza 4).

В мараморошских верховинских записях засвидетельствованы лишь формы с *-e-*: *jeho* (Iszka 8), *na neho* (Tyuska 8), *jej* (Tyuska 7, Ricska 7) (род.-вин. п.), то же самое можно установить об угочанских записях: *yeho* (Veléte 8), *od neho* (Veléte 8) и др. Притяжательное местоимение *svüj* (*svuĵ*) тоже обладало формами с *-o-*, примеры: род. п. ед. числа муж. и ср. родов бережских записей: *szvojomu* (Hribóc 6, 7, Balázsfalva 4, Klastromalja; Вопросы, Kendereske; Вопросы) и др.; в мараморошских записях находим только окончания с *-o-*: *szsvojoho* (Rikita 6), *szvojoho* (Rikita 6), и не имеются формы с *-e-*, которые, однако, зарегистрированы в комитате Берег: *szvojeho* (Falucska 4, Kis Tibava 4), *ud szvojeho* (Miskarovica 4), *iz szvojeho* (Bukovinka 3). Во всех записях в женском роде господствуют формы с *-e-* в род. п. ед. числа: *szvoej* (Hátmeg 4, Feketepatak 4), *szvojej* (Lonka 4, Tőkés-Deskovica 4), *szvojeji* (Drahusóc 4), *dlya szvojej* (Nagy Abránka 4), *Szvojei* (Balázsfalva 4), *swogey* (Veléte 3), но встречается и окончание с *-e-* в твор. п. ед. числа: *szvojev* (Kendereske 4).

Окончания с *-o-* не получили полного распространения ни в одной части речи. У существительных они встречаются в твор. п. ед. числа муж. и ср. родов, но мы их находим реже в дат. падеже ед. числа. Примеры остальных падежей столь малочисленны, что трудно сделать выводы. У прилагательных, порядковых числительных и местоимений окончания с *-o-* очень распространены в род., дат. падежах ед. числа муж. и сред. родов, хотя формы с *-e-* еще сохраняются, особенно у местоимений *naš*, *vaš* и у порядкового числительного *tretyjĵ*. Окончания с *-o-* выступают реже в род. падеже ед. числа жен. рода. У местоимений *ućeš*, *vün*, *svüjĵ*, формы с *-e-* сохранились лучше всего, однако в береж-

ских записях и у них значительное распространение получили формы с *-o-* в род., дат. падежах ед. числа муж. и ср. родов, но в женском роде они встречаются редко. В угочанских записях формы с *-e-* не засвидетельствованы. В марамо-рошских в среднем роде они изредка выступают у местоимения *ses' sviŕi*, но нет примеров с *-o-* местоимения *vŕin*.

3. Окончания бывшего двойственного числа

Окончания дуала выступают сравнительно часто у существительных в творительном падеже множественного числа: *iz panoma* (Lukova 2), *grajczarma* (Kockaszállás 3), *ricsima* (Kis Belebele 3), *derevjanimi lisztoma* (Szidorfalva 4), *derevjanimi lisztma* (Lécfalva 4), *dvanaczaty grajczarma* (Selesztó 3), *dvoma grajczarma* (Selesztó 3), *csotirma grajczarmi* (Selesztó 3), *sz panoma* (Rikita; Вопросы). Они более обычны у прилагательных: *hotovima pinyazmi* (Szuszkó 3), *hotovima hrossami* (Ardányháza 3), *hotovima hrosmi* (Nagy Lucska 3), *Rogyus-tyima Rokami* (Ilonca 4, Fogaras 4), *Dvoma zolotima vonasi* (Szolocsina 3), *csotirma dobrima* (Kis Belebele 4), *inima potrebnima* (Kis Belebele 3), *csotirma dobrima vŕulmi* (Selesztó 4, Szidorfalva 4), и у местоимений: *dvoma szvoima vŕulmi* (Csertész 4), *mézi nyima* (Kövesd 4), *iz druhéma sicmma szélamé* (Szvavolyka 7), *iz usitkima* (Drahusóc 6), *szvoima hrusmi* (Nagy Lucska 3), *iz tima orudijosztyami* (Nagy Lucska 3), *mesi nima* (Benedike 9), *mesi nyima* (Kucsova 3), *iz insima troma* (Bisztra 7), *iz druhima pjatyma szelami* (Lázárpatak 4), *ez druhéma trójméma* (Talamás 2), *iz druhóma tovarési* (Vereticsó 7). Окончание дуала засвидетельствовано и у неопределенного числительного: *tulkima* (Bisztra 6).

Как видно из примеров, окончания бывшего двойственного числа значительно реже наблюдаются у существительных, чем у прилагательных и местоимений.

4. Стяженные окончания

В бережских записях прилагательные и местоимения часто сохраняют нестяженные окончания им.-вин. падежа сред. рода ед. числа, как и в современных говорах, напр: *za kazdoje szvinya sztaroje* (Nagy Tibava 3), *szitnikovatoje* (Nagy Lányfalva 4), *csassovatoje* (Nagy Lányfalva 4), *nijákoje* (Medence 4), *hosnovatoje* (Misztrice 4), *treteje* (Kis Almás 6, Nagy Almás 3), *inseje* (Ilonca 4, Kis Abránka 4, Mászárfalva 4), *piseje* (Felső Hrabonica 3), хотя встречается и: *czile szelo* (Balázsfalva 7, Medence 4), *kotre* (Kis Rosztoka 4).

С точки зрения процесса стяжения контракция *-oŕe* была самой трудной, потому что следовало стяжать разные звуки, поэтому тут данный процесс проходил медленнее всего. Там, где *ŕ* разделяло одинаковые согласные, этот процесс проходил быстрее, напр., им.-вин. п. ед. числа сред. рода мягкого варианта

склонения: *-e* (<*-eje*): *na visnye pole, . . . na nizensye* (Nagy Lucska 5), *Na tretye zvidovanye* (Nagy Lucska 6), *inse* (Kis Melnicsna 4), *majLipse* (Nagy Lohó 4) и др.

Хотя стяженные формы господствуют в им. и вин. падежах ед. числа жен. рода, все же можно найти и нестяженные формы: *Kotoraja* (Dubróka 3, Mászárfalva 3, Kis Almás 6); *za kasdu dobru kopiczu szina vam izroblenuju* (Alsó Hrabonica 7), *rozlucsnuju* (Kis Abránka 3). Но в обоих падежах стяженные формы наблюдаются чаще, примеры им. п.: *kotora szluzsba* (Kövesd 3), *kotora* (Nagy Lucska 1), (*puty*) *dobra* (Klockófalva 4), *rücsna* (Szolyva 3), *rucsna* (Lécfalva 3), *vozova puty dobra* (Runófalva 4), вин. п.: *tretyu (tisnyu)* (Szuszkó 3, Duszina 3, Mászárfalva 8), *Rücsnyu (Robotu)* (Mászárfalva 3), *Hascsu zolodnu* (Misztice 4), *za kasdu dobru kopiczu szina* (Alsó Hrabonica 7), *insaku (dövjatimu)* (Nagy Almás 7), *veliku sztugyjny* (Medvedsa 4), *na szulnyu Komoru* (Kis Brestó 4).

В мараморошских верховинских записях в Ответах уже нет нестяженных окончаний, но в *ü*-кающих Вопросах встречаются *-ože* в им.-вин. падеже ед. числа сред. рода: *druhoje* (Iszka; Вопросы). В угочанских записях, как и в бережских, нестяженные окончания наблюдаются во всех формах, но рядом с ними встречаются и стяженные, им. п. ед. числа жен. рода: *dobraga* (Kirva 4), *piscannoja* (Kirva 4), *panskoya* (Csarnatő 3), *dobra* (Csarnatő 4), *yaka* (Csarnatő 3), *useliaku* (Veléte 3), *panskuyu* (Kirva 7), *panskoju* (Csarnatő 2), *ritkoyu* (Csarnatő 5), *dobru* (Csarnatő 4), *pansku* (Csarnatő 6); им.-вин. п. ед. числа сред. рода: *dobroge* (Csarnatő 4), *slobodnoye* (Kirva 6), *persoye* (Kis Tarna 3), *visnyo* (Veléte 3), *melayne* (Veléte 3).

Хотя восточная часть комитата Угоча была заселена, главным образом, мараморошскими переселенцами, все же под влиянием более консервативного в этом отношении бережско-угочанского говора она сохраняла нестяженные окончания. Сегодня окончание *-ože* им.-вин. падежа ед. числа сред. рода употребляется от Уга до Реки, а от Реки до Теребла господствует *-e*, а *-ože* встречается лишь спорадично (Пань., Укр. гов. 250). В записи Нижней Апши, составленной Поганем из Русского Поля, рядом с стяженными формами встречается 1 раз окончание *-ože*: *melajnaje* (Alsó Apsa 3).

Относительно появления и распространения стяженных окончаний записи в церковных книгах и урбары тоже содержат данные. Правда, в записях можно предположить и возможность употребления номинальных окончаний им. и вин. падежей женского рода, свойственных книжному языку, но более вероятно, что окончания *-a*, *-u* прилагательных в функции определения отражают стяженные окончания и не номинальные формы. Это подтверждается и тем, что в записях в церковных книгах стяженные формы появляются в конце XVII в. и в начале XVIII в. Несколько примеров форм женского рода XVII в.: *Книгу глаголему Евангелія* (Вшн. Радвань; П. I, 184); 1709: *велика туча . . . другу челяд . . . другу хижу . . . третю . . . четверту* (Хуньковец; П. I, 173); 1733: *котра*

книга (Стащин; П. Ш., 27); 1744: *громада ручанська* (П. I., 29); 1727: *громада комаруска* (Комаровцы; П. Ш., 26); 1746: *чїна громада колчинска* (Кольчино; П. Ш., 23); 1762: *на цїрквє пудполоску* (Подполозье; Сах. 90); 1740: *чїтна громада* (В. Бычков; П., I. 147), 1752: *мала донька* (В. Бычков; П. I., 146). В урбарах комитата Унг начала XVIII в. наблюдается окончание *-a* ед. числа жен. рода, 1711: *Krolywszka* (Lipóc; U et C 63–28), *Bencsakovszka* (Rahonca; там же) и др.; 1729: *Boltunyovszka*, *Tamasurovszka* (Petróc), *Krajnikovszka* (Huszák), *Sztacsurszka*... (Új Sztúzsica), *Kondrovszka* (Sztávna; U et C 63–36) и др., но в среднем роде сохраняется окончание *-oe* (*oіe*) там, где по карте И. Панькевича (Пань. Укр. гов. карта) сегодня *-oі*; 1711: *Lyuczuvszkoe*, *Markuvszkoe*, *Kelemenszkoe*, *Bundzaszkoe*, *Pricsakovszkoe* (Lyuta), *Honcsovszkoe*, *Chomiskoje* (Voloszanka), *Sztecsuvszkoe* (Új Sztúzsica; U et C 63–28).

В бережских и угочанских записях именительно-винительный падеж множественного числа мог удерживать полное окончание, которое передается, как правило, буквами *-iji*, примеры из бережских записей: *mnyakkoji* (Kusztánfalva 2), *dobriji* (Új Dávidháza 4), *potelecsnji* (Váralja 4), *sovalnji* (Medvedsa 3), *noviji* (Nagy Lucska 3), *jakiji* (Nagy Lucska; Вопросы), *dekotriji* (Kálnik 6), *pisiji* (Medvedsa 3), *insiji* (Nagy Lucska; Вопросы; Kajdanó 3), *rogyascsiji* (Nagy Lucska 4), *kupleniji* (Új Dávidháza 4). Согласный, предшествующий окончанию, обычно не смягчался даже в тех случаях, когда венгерское правописание могло его обозначать (т. е. при *-n* на исходе слова), хотя наблюдается и смягчение: *prichüdnyiji* (Klucsarka 9), у прилагательного, которое относилось к твердому варианту склонения. Конскриптор угочанских записей путал иногда звуки *u*, *o*, у него окончание им. -вин. падежа мн. числа обычно обозначается как *-oge* ($g = i$): *panskoge* (Csarnatő 4), *takoge* (Kırva 4), *sovanyisztoge* (Kırva 4), *insoge* (Kırva 4); хотя встречается и окончание *-ige*: *zelenige* (Kırva 4). Изредка засвидетельствовано окончание *-oje* и в бережских записях: *pusztoje* (Kis Rosztoka 8).

Нет у нас верных данных относительно того, какие звуки обозначались окончаниями *-iji*, *-igi*, *-oge*. Так как согласный, предшествующий окончанию, почти всегда был твердым, можно предположить, что они соответствовали окончанию *-ыи*, хорошо известному из памятников, написанных кириллицей, и произносились как *-ыїи* (в твердой разновидности склонения). Разумеется, после *g*, *k*, *ch* вместо *-ыїи* выступало *-уїи* в тех говорах, где за *k*, *h*, *ch* стояло *у*. В Няговской Постилле² окончанием прилагательных мягкого варианта склонения является *-ии*: *сѣгосвѣтнии*, *чужши*, где буквы *-ии* указывают тоже окончание: *уїи*. За согласными *ž*, *š*, *č*, *šč* гласный *у* мог отвердеть, и окончание совпадало с окончанием твердой разновидности склонения (*-ыїи*).

Кроме окончания *-iji* встречается и *-ij* в записях комитата Берег и в При-

² Ср.: Очерки по истории закарпатских говоров. Будапешт, 1966, 145—6.

сые, Вопросах мараморошских верховинских записей: *usitkij potrebnij* (Nagy Lucska; Вопросы), *navszi boszkij Szvjatij* (Hidegpatak; Присяга), *tutesnij* (Hidegpatak; Вопросы), *oricsnij* (Hidegpatak; Вопросы), а в бережских записях мы находим *-ii*: *prodaznii* (Klacsanó 4), *leksii* (Kusztánfalva 2), *volovii* (Klastromalja 6). Установление возможного произношения данного окончания затрудняется неточным правописанием. Буквы *ij-*, *-ii*, могли обозначать *-yi*, *-yi*, но возможно, что запись неточна, пропущена последняя буква *i*, и мы имеем дело с окончанием *-yii*, *-yii*.

Рядом с такими окончаниями, однако, наблюдается и *-i*: *volovi*, *pissi* (Tőkés-Deskovica 3), *maj lipsi* (Kis Bresztó 3), *dobri* (Alsó Apsa 4), *taki* (Alsó Apsa 5), *jednaki* (Alsó Apsa 5), *druhi* (Alsó Apsa 5), *vármegyczki* (Alsó Apsa 5), *kotory* (Csarnatő 4), *yablnonowy* (Csarnatő 4), *kotri* (Hidegpatak 5), в бережских, мараморошских и угочанских записях. В приведенных примерах мягкость согласного, предшествующего окончанию, не могла обозначаться венгерским правописанием. В случае *t'*, *d'*, *n'*, *l'* мягкость согласного можно было выражать средствами венгерского правописания, и в ряде случаев мы находим *-nyi*, *-tyi*, *-lyi*, например, в бережских записях: *tiperisnyi* (Klastromalja 2), *prodažnyi* (Sztánfalva 1), *vinnicsnyi* (Lauka 4), *szerednyi* (Nagy Tibava 3, Selesztó 3), *blésnyi* (Beregóc 4, Szaszuka 3), *orűcsnyi* (Beregóc 9), *orecsnyi* (Fedelesfalva 9), *tutosnyi* (Ruszkóc 7), в записи села Нижней Апши: *urnyi* (Alsó Apsa 4, 5), *mályi* (Alsó Apsa 5), *jednyi* (Alsó Apsa 4); в угочанских записях: *zelenyi* (Kis Tarna 4), *Litnyi* (Veléte 3), и редко в записях с мараморошской Верховины: *zlotyi* (Iszka 3). В упомянутых примерах мы, вероятно, имеем дело с окончанием *-i*, которое смягчает согласный, предшествующий ему. При прилагательных мягкого варианта склонения можно предположить и окончание *-u*, потому что буква, обозначающая мягкий согласный, может обозначать мягкость согласного на исходе основы, которая независима от окончания (ср. Пань., Укр. гов. 237). Если мягкость *-n*, *-t*, *-d*, *-l* на исходе слова не обозначается, то, при точной записи, следует предположить окончания *-ы*, *-у* или *-i* без смягчения предшествующего согласного. Примеры из Берега: *orecsni* (Kis Melnicsna; Вопросы), *vogyani* (Nagy Lucska 4), *lyitni*, *tepli* (Selesztó 4).

Так как буква *-e* обычно не обозначает *i*, в следующих примерах окончание *-e* произносилось как *-ы* или *-у*: *nove* (Timsor 7), *szlabe* (Alsó Apsa 5). В записи села Нижней Апши буква *e* обозначает *-ы* в окончании притяжательного прилагательного: *Illyaseve* (Alsó Apsa 3). В угочанских записях окончание *-e*: *yablopowe* (Kírva 4), может обозначать и *-i*, ибо мы находим: *wsse* (Kírva 4), где *-e* произносилось как *-i*.

Для дополнения данных урбарияльных записей мы приводим несколько примеров из записей в церковных книгах: 1706: *за мировѣ Пѣнязѣ што ствяцювъ мирил за своего сна* (Турия Пасика; П. I., 171), 1708: *за чотыри золотѣ вонашѣ* (грамота Вольховская) (П. III. 39) и более поздние данные с гуцульской территории: 1769: *о чудах которѣ ся чинили* (Требушаны-Белый Поток; П. III., 12).

Несмотря на все недостатки правописания, перечисленные примеры показывают, что старые полные окончания (-*yii*) уже вытесняются новым «кратким» окончанием. Факторы, вызывающие этот процесс, уже были установлены И. Панькевичем, он определил и время данного изменения (Пань. Укр. гов. 254—56). Мы отметим только, что стяженные окончания в единственном числе прилагательных и местоимений образовались приблизительно одновременно с «кратким» или стяженным окончанием им. падежа мн. числа. По нашему мнению, не исключена возможность взаимного стимулирующего влияния двух процессов. Во множественном числе, как и в единственном, исчезло различие между номинальным и полным склонениями, так как единое окончание служит для выполнения обеих функций. Первые шаги к смешиванию двух систем обнаружили еще в Няговских Поучениях, где окончание -*yi* могло стоять и в функции сказуемого.³ И. Панькевич объясняет образование окончания -*i* влиянием форм *всѣ*, *усѣ*, *нашѣ*, *вашѣ* (надо прибавить еще *сесѣ*). Нам кажется, что западнозакарпатское окончание -*yi* возникло под влиянием *toty*. Нельзя вникать во всю сложность данного процесса. Мы не можем знать, имелось ли номинальное окончание -*yi* им. падежа мн. числа во время возникновения нового окончания, отмечалось ли влияние окончания типа *toty* даже там, где сегодня распространено -*i*. Возможно, что в XVI—XVII вв. окончание -*yi* выступало у прилагательных и местоимений рядом с -*i*, но -*yi* постепенно вытеснялось, и окончание -*i* стало доминирующим, а потом единственным окончанием. Наши фонетически неточно записанные данные лишают нас возможности дать убедительный ответ на эти вопросы.

5. Особенности форм прилагательных, местоимений и числительных

В мягкой разновидности склонения прилагательных и местоимений в местном падеже единственного числа мужского, среднего и женского родов рядом с окончаниями -*im*, -*iĭ* (где -*i* из вторичного *ĭ*) получают распространение, по аналогии, и окончания -*ĭm* (-*um*), -*ĭi* (-*ui*). В урбариальных записях наблюдаются оба окончания, примеры окончаний -*im*, -*ij*: *na visnyim* (Suszko 4), *u buvsim* (Tyuska 4; *u szvoim* (Kuzmina 4, Nyéresfalva 4), *na szvojim* (Szuszkó 4), *u nasim* (Kelecseny 9, Kis Tarna 8), *na nim* (Kuzmina 4, Nyéresfalva 4), *u szim* (Szuszkó 3, Szuszkó 4, Tyuska; Вопросы), *u sim* (Kirva 8), *po nim* (Veléte 8), *u nij* (Tyuska 4), *na nyij* (Falucska 8); окончания -*um*, -*ui*: *u visnyum* (Dubrówka 4), *visnyum* (Csarnatő 4), *na nisnyum* (Kis Brestzó 4), *u niznum* (Nelipina 4), *u visnum* (Nelipina 4), *uszum* (Csernik 3), *u szum* (Bubuliska 4), *na visnyui* (Nagy Brestzó 4), *u nisnui* (Nagy Brestzó 4), *uszui* (Csernik 7, Kis Brestzó 7, Holubina 7); окончание -*üm*: *u csusüm* (Mászárfalva 4), *u persüm* (Nagy Мо-

³ Л. Дэ же, Очерки... 132.

gyorós 4), *u Tretyüm* (Klacsanó 6), *u nasüm* (Sztánfalva 2), *u szüm* (Talamás 8, Szvavolyka 8, Iszka; Вопросы), *u szvojüm* (Szkotárszka 4), *na nyüm* (Kis Abránka-Pappgyörgyfalva 4).

В бережских *ü*-кающих записях в дат. и местн. падежах ед. числа прилагательных, местоимений вместо *-i* стоит *-u*: *u Panszküv szlusbi* (Trosztyanica 7), *robütnüv Marzi* (Nelipina 4), *u szüv Domîniî* (Vorotnica 2), *u nyüv* (Пыкóс 4). и др. Данное явление характеризует эти говоры и сегодня (Пань., Укр. гов. 347). В дат. п. личного местоимения *ony* мы находим: *jum* (Dubróka 6), *jüm* (Kusztánfalva 6).

Притяжательное местоимение *svüi*, (*svüi*) наблюдается в стяженной форме в род. и дат. падежах ед. числа муж., сред. родов: *szvoho* (Kis Falud 7, Nagy Abránka 4), *iz szvoho* (Diskovica 4), *szvomu* (Klucsarka 2, Kendereske; Вопросы).

Образование степеней сравнения при помощи частицы *maj* румынского происхождения распространено сегодня лишь в Марамороше (Пань., Укр. гов. 261). В записях такой способ можно найти не только на мараморошской Верховине: *maj malo* (Hidegpatak 5), *maj veliki* (Rikita 5), *maj dobri* (Bukovec 4), и в восточной Угоче: *maj diwnoy* (Kirva 4), *maj lipsy* (Kirva 4), которая принадлежала к мараморошскому говору, но он засвидетельствован и в тех бережских записях: *maj Lyipsij* (Diskovica 3), *maj Lyipsi* (Csabina 5), *maj lyipsöj* (Kanóra 5), *maj bulse* (Kis Bresztó 6), *maj bursa* (Roszos 6), *maj bolse* (Roszos 6), *maj szlaby* (Diskovica 3), *maj blize* (Misztice 4) и др., которые составлены в восточной части комитата. Примеры с частицей *maj* отражают живой народный язык и свидетельствуют о влиянии румынского языка.⁴

Числительные от 9-и до 20-и и десятки сохраняют *-a-* и мягкость *-t'* во втором компоненте числительного в бережских записях: *deviaty* (Hankovica 3), *deszaty* (Colánfalva 3), *dvanaczaty* (Szolyva 3), *sisnaczaty* (Szolyva 3), *dvaczaty* (Colánfalva 3), *triczaty i tri grajczari pül* (Iglénc 3), хотя встречается и твердое *-t*: *csoterinaczat* (Posva 3). В угочанских *-t* тоже может быть и твердым и мягким: *desiat* (Csarnató 7), *desiaty* (Kis Tarna 3), так же в записи Нижней Апши: *diszáty* (Alsó Apsa 3), *dvánáczat* (Alsó Apsa 3). В мараморошских верховинских записях *-t* является твердым: *deszat* (Iszka 3). В перечисленных примерах на исходе слова *-t* вместо *-tu* может быть результатом неточной записи, однако формы с *-e-* вместо *-a-* следует считать западнокарпатской чертой в бережских записях: *dvanaczet* (Colánfalva 3), *süsnaczet* (Klockófalva 3, Kis Belebele 3) и др., *szimnaczet* (Klockófalva 3), *deset* (Csarnató 7), *dwanatzet* (Kis Tarna 3), *coternaczet* (Veléte 8). Данные формы, особенно в записях в коми-

⁴ Образование степеней сравнения при помощи частицы *maj* подробно охарактеризовано в статье В. В. Немчу́та «Ступеновання в говорках району верхньої течії р. Боржава». *Доповіди та повідомлення Ужгородського Державного Университету* 1 : 90–2.

тате Берег, могут отражать народный язык, и их надо приписать к еще неассимилированным особенностям языка западных переселенцев, хотя возможно, что они были характерны лишь для языка конскриптора. Последнее предположение относится особенно к мараморошским верховинским записям: *deszet* (Iszka 3), *dvanaczet* (Iszka 1), *dvaczet i csotiri* (Bukovec 5), *triczet* (Tyuska 1), хотя здесь следует считаться и с наличием гуцульских черт в языке конскриптора (ср. Пань., Укр. гов. 292—3).

Глаголы

1. Формы настоящего времени

В части современных закарпатских говоров в 1-м лице ед. числа и в 3-м лице мн. числа тех глаголов, в основе которых имеется соединительный звук *ǐ* (*maǐu*) вместо *ǐ* наблюдается *v*, *u*, (*mavi*, хотя *mau*) часто едва заметно. Так от Лаборца до Реки *ǐ* заменяется *v*, *u* за исключением бережской Верховины, где *i* сохраняется (ср. Пань., Укр. гов. 302).

В бережских урбариальных записях встречаются и формы типа *maǐuty*⁷ и типа *mavuty*, *mauty* (в последнем *u* не обозначается). Конскрипторы употребляют их смешанно, часто рядом в одной и той же записи, например: *poviniujuty* (Repede 3); но: *majuty* (Repede 3). Для иллюстрации данного явления приводим примеры: формы с *-aǐu* у конскриптора Иеронима: *majut* (Árdányháza 4), *dajut* (Balázsfalva 7); у Андраши: *bivajuty* (Nagy Tibaba 7); у Мико: *poviniujuty* (Duszina 3, Kockaszállás 3, Kis Belebele 3); у Мезе: *nedajutty* (Kis Melnicsna 7), *poviniujuty* (Repede 3), у Михая Йо: *majuty* (Klastromalja 2); у Папа: *birujuty* (Kis Abránka 5); у Комлоши: *majut* (Lauka 4); у Борнемиссы: *majuty* (Timsor 2); у Алвинци: *majut* (Lukova 2); у Сентлелеки: *majuty* (Kis Mogyorós 4); у Ференца Йо: *majuth* (Kuzmina 4); у Сухаи: *dajuty* (Nagy Lucska 3). Примеры употребления *-au* у конскриптора Иеронима: *zsiut* (Árdányháza 4), *daut* (Árdányháza 4); у Андраши: *mauty* (Szuszkó 3); у Мико: *povinuuty* (Nagy Bisztra 3), *mauty* (Nagy Bisztra 3), *bivauty* (Alsó Hrabnica 7); у Мезе: *povinuuty* (Colánfalva 3), *biruuty* (Colánfalva 3), *mauty* (Colánfalva 3); у Михая Йо: *vjavlyauty* (Ruszkóc 3), *vertautysza* (Klastromalja 6); у Папа: *mavuty* (Bilaszovica 4), *davuty* (Borszucsina 3); у Комлоши: *davauty* (Iványi 4); у Борнемиссы: *hadauty* (Timsor 1); у Сентлелеки: *maut* (Tőkés-Deskovica 1, 4); у Ференца Йо: *mavuty* (Klacsanó 4).

Из того, что формы с *-au*- и с *-aǐu*- выступают рядом у большинства конскрипторов не только в верховинских, но и в южных записях, следует, что формы с *-aǐu*- были еще живыми в то время во всем комитате Берег, хотя сегодня их уже нет на юге комитата.

В восточнобережских записях формы с *-au*- отражают язык конскриптора.

В мараморошских верховинских записях в Ответах встречаются лишь формы с *-aĭu-*, например: *dajut* (Iszka 3), *korajut* (Тууска 3), *majut* (Ricska 9) и др.; то же самое наблюдается и в записи села Нижней Апши: *emajut* (Alsó Apsa 3); и в угочанских записях: *dayuty* (Kis Tarna 4), *dopuscagut* (Kirva 4). Но в мараморошских верховинских записях в Присяге и в Вопросах, которые написаны *ĭ*-кающим писцом, формы с *-aĭu-* и с *-aĭi-* стоят рядом, как и в бережских записях: *priszihavusza* (Iszka; Присяга), *znavu* (Iszka; Присяга), *zdohanyavut* (Iszka; Вопросы), но: *znaju* (Hidegpatak; Присяга).

В 3-м лице ед. и мн. чисел настоящего времени глаголов 1-го спряжения *-t* на исходе слова может отпадать: *vibude* (Dunkófalva 3), *vubude* (Szolyva 3), *sza...bere* (Kis Melnicsna 3), *povinuje sza* (Dunkófalva 3), *sza vüdkupue* (Hankovica 3), *vudminyaje* (Serbóc 7). Если *-t* сохраняется, он может быть мягким: *-ty* или твердым *-t*. Формы с *-ty* обычны в бережских записях и отражают произношение живого языка: *berety* (Dunkófalva 3), *bivajuty* (Nagy Tibava 7), *povinujury* (DuszinaSerb) и др., *vijavlyauty* (Ruszkóc 3), *birujuty sza* (Kis Abránka 5), *vuvolity* (рóc 3), *roblyaty* (Kis Rosztocka 6, Hribóc 4) и др. Сегодня формы с *-t'* распространены от Лаборца на восток до Марамороша, за исключением ужской и бережской частей Верховины (ср. Пань., Укр. гов. 310—1). Вероятно, формы с *-t'* являются особенностью только языка конскриптора в бережских верховинских записях. В Ответах мараморошских верховинских записей *-t* является твердым: *dajut* (Iszka 3), *pradet* (Hidegpatak 3), *rodit sza* (Kelecseny 4) и др., то же самое наблюдается и в записи села Нижней Апши: *vurublyat* (Alsó Apsa 3). В угочанских записях встречаются и формы с *-t*, и формы с *-ty*. По карте И. Панькевича, Велятин лежит на области *-t*, а в остальных трех селах, в которых записи были составлены, распространено *-t'* (ср. Пань., Укр. гов. карта V); однако такое распространение не наблюдается в угочанских записях, напр.: *csinyat* (Kirva 4), *dupuščagut* (Kirva 4), *davaget sza* (Csarnatő 3), *honyat* (Csarnatő 3). Формы с *-t* могут объясняться и неточностью записания. Однако следует учесть, что эта территория была заселена с двух сторон: из Марамороша и из Берега или Северной Угочи. Поэтому возможно, что оба варианта употреблялись и только позже установились современные изоглоссы, по которым в селах, близких к Северной Угочи и Берегу сохранилось *-t'*, а на территории, прилегающей к Мараморошу, оно было заменено через *-t*.

В южнобережских записях довольно часто наблюдаются формы с *-t* рядом с *-t'*: *zsiut* (Árdányháza 4), *dajut* (Balázsfalva 7); *maut* (Nagy Lányfalva 3), *zsiut* (Klastromalja 4), *jiszt* (Kis Abránka 5), *majet* (Iványi 4), *maut* (Tökés-Deskovica 1), *szut* (Skuratóc 4). Пытаясь объяснить данное явление, можно было бы предположить, что мы имеем дело с неточностью записания. Однако более вероятно, что перед нами явления живого народного языка. Формы с *-t* встречаются в записях, составленных на *ĭ*-кающей территории, или записанных *ĭ*-кающими конскрипторами. В колонизации *ĭ*-кающей территории принимали

участие переселенцы с Верховины, к языковым особенностям которых относились формы с *-t*, так что эти формы еще могли сохраниться во 70-х годах XVIII в.

В основе настоящего времени на месте *-aje* может наблюдаться *-a-* в результате стяжения. В записях 2-е лицо ед. числа никогда не встречается, поэтому нет данных относительно 2-го лица, но мы располагаем рядом данных о 3-м лице, например: *sza szbiraty* (Kölcsén 3), *ulivaty* (Kis Bisztra 3), *naszivaty* (Kis Bisztra 8), *sza primety* (Csernik 6), *bivaty* (Borszucsina 3), *buvaty* (Hlubokapatak 7), *udbiraty* (Kotilince 7), *udavaty* (Zavodka 7); засвидетельствована контракция в 1-м лице мн. числа: *davame* (Zsdenyova 7). По работе И. Панькевича в восточных говорах стяжение ограничивается лишь 2-м и 3-м лицами ед. числа (Пань., Укр. гов. 308), поэтому контракция в 1-м лице мн. числа указывает на влияние западных говоров.

В 3-м лице мн. числа глагола *моѹу* сохраняется согласный в конце основы, хотя наблюдается и его замена звуком *ž* по аналогии, например: *mohuty* (Kotilnica 4, Duszina 4, Sztánfalva 4, Szent Miklós 5, Váralja 4) и др., но: *mozsut* (Árdányháza 4), *mozsuty* (Nagy Abránka 4, Jalova 4) и др. Судя по значительному количеству примеров и по тому, что они встречаются у разных конскрипторов, можно предположить, что в XVIII в. данное явление сохранялось на более широкой территории, чем сегодня (ср. Пань., Укр. гов. 301).

2. Формы прошедшего времени условного наклонения

Нельзя точно установить формы прошедшего времени и условного наклонения, так как глаголы употребляются, главным образом, в 3-м лице ед. и мн. чисел. Формы 1-го лица ед. и мн. чисел встречаются редко, а 2-е лицо не засвидетельствовано. В 3-ем лице ед. и мн. чисел вспомогательный глагол опускается: *Pansztvo... Puski je vudobralo* (Nagy Abránka 4), но: *Pansztvo orecsne uszi Puski vudobralo* (Jalova 4), *medvigy ubil do szmertyi* (Jalova 4) и др. В 1-м лице ед. и мн. чисел вспомогательный глагол выступает в полной форме (с элементом *je-*): *slusiw yem* (Kis Tarna 3), *kazali geszme* (Nagy Rosztoka 5), *eszme rabele* (Alsó Apsa 3), *yesme zalisily* (Veléte 3), *eszme csuvali* (Iszka 1), *davali eszme* (Iszka 3); хотя он наблюдается и без элемента *je-*: *sme čuli* (Veléte 7), *musziliszme* (Lóza 3). В формах настоящего времени условного наклонения вспомогательный глагол сливается с частицей *бы*: *koli biszme usztihli mohli bi pinyazi zaroboti* ((Szerencsfalva 4), *beszme sziale* (Alsó Apsa 4) (в последнем примере буква *e* может обозначать и гласный *ы*), *besme sziali, mohli bysme kereskedovaty sia* (Kirva 4), *bisme maly* (Veléte 4), *abysme dokoncowaly* (Csarpató 2), хотя вспомогательный глагол *jeszme* употребляется и отдельно: *mohlibi eszme prijati* (Tyuska 4). Прошедшее время условного наклонения тоже наблюдается: *stobi bol jishti ne daval jij* (Tyuska 7), *a nebo stobi bol ubil* (Tyuska 7).

3. О причастиях и деепричастиях

Причастие встречается в функции определения, притом не раз засвидетельствованы и формы, образованные с суффиксом *-čš-*, напр.: *i zomnov bivajuscsih* (Lukova; Присяга), *do nich nalezsaszcsimi dohodkami* (Nyéresfalva 8), *inse szijánya rogyajuscсии zemli* (Nagy Lucska 4), *rogyajuscсии luki* (Nagy Lucska 4), но там же стоит и форма с суффиксом *-č-*: *insiji zelensztva rogyacsiji zahorodi* (Nagy Lucska 4). Формы, образованные с суффиксом *-šč-*, свидетельствуют о влиянии церковнославянского языка. Данный суффикс наблюдается в некоторых словах и сегодня (Ср. Пань., Укр. гов. 325).

Сокращения: U et C=Урбары и переписи в будапештском Государственном Архиве. За сокращением дается инвентарный номер. — **Вопросы**=Вопросы, которые заданы крестьянам села (часть урбаральных записей). — **П. I.** =I. Панькевич, Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах. *Науковий Збірник товариства «Просвіта» VI.* — **П. III.** =I. Панькевич, Покрайні записи на закарпатсько-українських церковних книгах з додатком 4 монастирських грамот. Прага, 1947. — **Пань.**, Укр. гов. — I. Панькевич, Українські говори Підкарпатської Русі і суміжних областей. Ч. I. Прага, 1938. — **Присяга**=Присяга крестьян села (часть урбаральных записей). — **Сах.** =Все. Саханев, Новый карпаторусский эпиграфический материал. *Науковий Збірник товариства «Просвіта» IX.*

М. Горький и русский язык советской эпохи
(К вопросу об отражении в горьковской речи актуальных
процессов развития общелитературного языка)

М. А. КАРПЕНКО

Развитие русского литературного языка советской эпохи, и в частности — его лексико-стилистической и словоупотребительной системы, неразрывно связано с именем М. Горького, в произведениях которого, по словам Б. А. Ларина, мы видим «первое яркое проявление русского литературного языка новой формации».¹

В речевой практике великого пролетарского писателя, одного из крупнейших и авторитетнейших носителей литературного языка конца XIX — начала XX в. и советского периода, нашли широкое реалистическое отражение типические черты «стиля эпохи»; более того, в его произведениях задолго до Октябрьской революции создавались предпосылки для преобразований в области русской лексики, фразеологии, словоупотребления, осуществившихся в послеоктябрьские годы. Уже в «Фоме Гордееве», «Матери», «Врагах» М. Горький последовательно использует новые слова (и значения слов) социально-политического наполнения, пропагандируя их, делая достоянием широкого круга читателей. В авторской речи или диалоге персонажей он раскрывает подлинное содержание таких слов, демонстрируя несостоятельность обывательских, намеренно-примитивных или прямо враждебных толкований (ср. в романе «Мать» объяснение в тексте слов *социалист*, *революция*; в сказке «Товарищ!» — слова *товарищ* в его новом значении и т. п.).

Активное содействие утверждению новых лексико-стилистических элементов в системе литературного языка, творческое преобразование традиционных словесных средств, выработка новых качеств стиля и словоупотребления — эти характерные черты речевой деятельности писателя получили широкий отклик в общелитературном языке нашего времени.

Значительная часть произведений, созданных М. Горьким в послеоктябрьские годы («Мои университеты», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клима Сам-

¹ Б. А. Ларин, Основные принципы составления словаря автобиографической трилогии М. Горького. (Сб. «Словоупотребление и стиль М. Горького» под ред. Б. А. Ларина. Л., изд-во ЛГУ, 1962, стр. 6.

гина», «Васса Железнова», «Егор Булычев и другие»), рассказывает о событиях прошлого. В то же время важное место в творчестве писателя занимают произведения о советской действительности, языковой материал которых может служить источником для изучения истории русской лексики, живой русской речи 20-х — половины 30-х годов XX в.

То, что стало неотъемлемой частью русской лексики советской эпохи (слова социально-политического наполнения, социальной оценки; названия новых реалий; частично — новые слова обиходно-разговорной речи; новые словосочетания, фразеологические единицы, обороты речи), мы находим в горьковских текстах как органически присущее им, как материал, позволяющий решить ту или иную творческую задачу с максимальной остротой, полемичностью, «публицистичностью», столь характерной для стиля писателя.

Изображению советской действительности М. Горький посвятил циклы очерков-рассказов «По Союзу Советов» (1928—1929) и «Рассказы о героях» (1930—1931), ряд зарисовок такого же типа: «На краю земли» (1930), «Советская эскадра в Неаполе» (1930), «Об избытке и недостатках» (1934), а также пьесу «Сомов и другие» (1931), пьесу-юмореску «Работяга Словотеков» (1920) и (частично) сценарий «Преступники» (1931—1932).

Полный впечатлений от поездок и встреч, восхищенный размахом социалистического преобразования жизни, писатель в течение 1929 года опубликовал в журнале «Наши достижения» пять очерков, многоплановых тематически, но единых по основной идее, под общим названием «По Союзу Советов». Привлекает внимание не только их содержание, но и словесный материал, во многом новый, необычный. Используя все богатства русской речи, писатель фиксирует в очерках и то, что уже устоялось в ней, стало привычным, и то, что возникло сравнительно недавно, после Октября, или видоизменяло свое значение, получая новую социально-оценочную окраску.

В очерках, как и в других произведениях этого времени, многочисленны названия новых реалий: *Азнефть, Балтфлот, Днепрострой, Турксиб; красноармеец, рабкор, пионер, экскурсант, рабочий-отпускник; батрацкие курсы, нацмузей, лагерь пионеров* (ср. современное *пионерский лагерь*), *дом отдыха, дом грузинских литераторов, база экскурсантов* (ср. современное *экскурсионная база*), *изба-читальня, рабфак, детдом, школа-семилетка* и т. п. Интересен прием выделения в тексте новых слов и оборотов речи с помощью кавычек: «... капитан, который, проплавав по Волге тридцать шесть лет, сидит на своем пароходе в „красном уголке“²»; «сидели они (пионеры — М. К.), вероятно, часа полтора-два, рассказывали о своей учебе, экскурсиях, о „самодеятельности“» (17, 178); «В „стенгазете“ на кирпичном заводе редактора показали мне неплохую

² М. Горький, Полное собрание сочинений в 30-ти томах. М., ГИХЛ, т. 17, стр. 143. Далее ссылки даются в тексте по этому же изданию, с указанием тома и страницы.

шутку» (17, 215); «По улицам еще бегают дети, мелюзга возраста „октябрат” (17, 243); «Эта ложь нужна была газете („Попюлер” — М. К.) для того, чтоб сказать несколько пошлостей о „красных моряках”» (17, 261) и т. д.

В отмеченных случаях причиной употребления кавычек можно считать осмысление М. Горьким того или иного слова как нового (по звучанию, значению или оценке) для писателя: М. Горький после долгого отсутствия вернулся в СССР в 1928 году, и многое, ставшее обыденным для окружающих, казалось ему непривычным. Так, в четвертом очерке цикла «По Союзу Советов», рассказывая о встрече с пионерами, писатель сначала выделяет кавычками слова «*вожатая*», «*на слет*» (17, 191), а позже употребляет их без кавычек; «В Мурманск на слет пионеров Северного края я опоздал, но был у них гостем на концерте» (17, 196); «Люба, их *вожатая*, спрашивает. . .» (17, 197).

Не менее значительны функции кавычек при словах, воспринимаемых как устаревшие, переходящие в пассивный запас (ср.: «Был »царский день«, на всех домах главной улицы трепались флаги» — 17, 126; «. . . контрреволюционеры эмоционального типа, »монархисты,« те, кого до революции именовали »черной сотней» 17, 223; «Были мы на концерте в театре, он помещается в кремле, устроен, должно быть, в расширенном помещении бывшей »трапезной»» (17, 225). Иногда кавычки указывают на новое характеризующее значение устаревшего слова («Колонисты Куряжской трудовой колонии вызывают странное впечатление »благовоспитанных« - 17, 165; «. . . за автомобилем гонятся собаки, человек с физиономией »урядника« бросил в собак палкой и, размахивая руками, орет» - 17, 175, в других случаях — на отжившую, неприемлемую для языка советской эпохи отрицательно презрительную оценку («Просторнее, чище стало на Авлабаре, который в мое время именовался »азиатской« частью города» (17, 129); «Трудно узнать Баку, мало осталось в нем от хаотической массы унылых домов »татарской« части, которая была так похожа на кучу развалин после землетрясения» - 17, 126).

В рассказах и очерках М. Горького этого периода нашел отражение такой важный процесс обновления и обогащения литературного языка, как расширение круга сочетаемости отдельных слов и групп слов. Иногда употребление новых словосочетаний сопровождается авторским комментарием. Так, новизна словосочетаний *дворец культуры*, *дворец труда* подчеркнута сопоставлением их с фразеологизмом «Мир — хижинам, война — дворцам»: «Я видел, вероятно, не один десяток *дворцов культуры*, *дворцов труда*, огромных, отлично построенных зданий, которыми рабочий класс имеет законнейшее право гордиться как одним из своих культурных достижений. Превосходнейшие дворцы эти стоят, конечно, много миллионов. Мне кажется, что было бы социально разумнее затратить эти миллионы на расширение своих заводов и фабрик, на улучшение условий труда, на охрану своего здоровья. . . повторяю: *дворцы труда* и *культуры* — великолепны, и я не объявляю »войну дворцам« этого типа, это дворцы — крепости рабочих» (17, 147—8).

Активно расширяется в речи М. Горького, как и в общелитературном языке, круг словосочетаний со словом *труд* в его новом, высоком социальном значении. Исследователи считают эту тенденцию характерной для речи М. Горького разных периодов³; в советскую эпоху она стала особенно важной в связи с аналогичным процессом общелитературного языка, для которого горьковское употребление этого слова было в значительной мере основополагающим (ср. *герой труда, героиня труда, ветеран труда, люди труда, дезертир труда, дворец труда* и т. п.). Отметим также словосочетания с другими словами актуального звучания — такими, как *революция, революционный, советский, рабочий, классовый, красный* и др.: *служба революции* (17, 340, 342); *мастера революции* (17, 84); *художники революции* (17, 84); *революционная работа* (17, 340); *революционный романтизм* (17, 336), *революционное чувство* (17, 340), *революционный опыт* (18, 430), *революционная техника* (17, 336). Ср. отдельные окказиональные сочетания: *идеологическое питание* (18, 431); *массовый человек* (18, 432); *эпический солдат* (18, 431) и новые генитивные конструкции, из которых позднее вычленились, утратив определения, слова-неологизмы, зафиксированные «Толковым словарем» под ред. Д. Н. Ушакова и всеми последующими толковыми словарями в качестве активных новых элементов русской лексики («*выдвиженец*» *масс* — *выдвиженец*; *громкоговоритель радио* — *громкоговоритель*).

Особого внимания заслуживает употребление слов *культура, культурный* и словосочетаний с ними, передающие положительную оценку в изображении советской действительности (*дворцы культуры, мастера культуры, чернорабочие культуры*) и отрицательную в описании капиталистического мира. Слово *культура* в качестве характеризующего элемента было свойственно горьковской речи, начиная с ранних фельетонов, и не раз фигурировало в художественных и публицистических произведениях писателя, образуя ряд специфических конструкций и выполняя важную роль в речевой характеристике персонажей⁴. В произведениях советских лет ироническое звучание слова *культура* заостряется, становится еще более социально весомым. Так, в очерке «День в центре культуры», разоблачающем буржуазную культуру во всех ее проявлениях, словосочетания *центр культуры, культурный центр* в контексте горьковской речи получают сатирическую окраску: «В случаях катастроф они (сытые люди — М. К.) тоже оставляют женщин позади себя, а если женщины мешают им спастись пиджаки, брюки и кожу — мужья и любовники избивают женщин, как это бывало всегда и было еще недавно в одном из »центров национальной культуры«

³ См. например: А. И. Мамалыга, Лексика труда и профессий в языке М. Горького. Автореферат канд. диссерт. К., 1969.

⁴ Ср. например, монолог Якова Маякина в романе «Форма Гордеев» — «Есть в речах образованных и ученых людей одно иностранное слово, *культура* называемое. Так вот насчет этого слова я и побеседую по простоте души...» (4, 261 и далее).

(17, 269). Аналогично употребление слов *культура*, *культурный* в других традиционных формулах (*борец за национальную культуру*; *достижения культуры* — «День в центре культуры»; *культурная солидарность* — «Терремото» и т. п.), которые в горьковской речи получают остро-обличительные функции и служат одним из средств развенчания капиталистической действительности.

Горьковское стремление раскрыть классово обусловленное содержание слов *культура*, *культурный* является в какой-то мере типичным; ряд других «высоких» слов с такой же последовательностью и очевидностью проявляет в художественных и публицистических контекстах двуплановое социально-оценочное содержание и требует в связи с этим конкретизации, уточнения⁵. Таковы, например, слова *прогресс*, *свобода*, *гуманность*, *гуманизм*, *цивилизация*; *гуманист*, *пацифист*, *вождь*, *герой*, *рыцарь*, *патриот*; *отечество* в произведениях М. Горького разных жанров (очерки «В. И. Ленин», «Леонид Красин», «И. Ф. Анненский» «Иван Вольнов», «День в центре культуры»; циклы «По Союзу Советов», «Рассказы о героях»; пьесы «Сомов и другие», «Достигаев и другие»; роман «Жизнь Клима Самгина»). Слово *отечество* в очерке «День в центре культуры» употреблено три раза: в устойчивой формуле «защитник *отечества*» (об инвалиде войны, безуспешно просящем милостыню на улице богатого города) и в контексте: «Последние (полицейские — М. К.) монументально стоят всюду, где им указано стоять, бензиновый дым *отечества* окуривает их черные фигуры, шины авто брызгают на них жидкой грязью *отечества*» (17, 272). Определения-прилагательные *бензиновый* (*дым отечества*) и *жидкая* (*грязь отечества*) поддерживают здесь прямое, конкретное значение слов, но в контексте, благодаря намеку на крылатую грибоедовскую фразу в словосочетании *дым отечества* и отзвуку горьковского символического значения в слове *грязь*⁶, возникают предпосылки для обобщенного осмысления всего отрывка.

Иронически-оценочный оттенок, который привносится в слова *рыцарь*, *рыцарство* широким контекстом второго очерка из цикла «По Союзу Советов», звучит уже в первых фразах («Начну с Курска, гнездилища *рыцарей*, прозванных в начале XX века »зубрами«. Предок одного из этих зубров, черносотенца Государственной думы Маркова-Валая, Евгений Марков, усердно прославлял курское *рыцарство* в своих романах. . .»; 17, 150) и раскрывается последующим рассказом о том, как на одной из улиц Курска «солидный господин в поддевке

⁵ В качестве слов, уточняющих высокое значение указанных лексических единиц, употребляются обычно: *настоящий*, *подлинный*, *истинный*, *поистине*, *действительно*; *новый*, *советский*, *наш*.

⁶ См. об этом: Г. А. Лилич, Развитие обобщенно-символического значения у слов *грязь*, *грязный* в произведениях М. Горького. «Словоупотребление и стиль М. Горького». Л., изд-во ЛГУ, 1968, стр. 77—85.

из чесунчи и в белой фуражке хлестал по щекам толстую даму в зеленом платье», а «из окон, сквозь цветы, осторожно выглядывали обыватели» (там же).

В горьковской речи последовательно фиксируется негативная оценочность слов подобного рода и только намечается новое положительное осмысление, позже, к 40-м годам, возродившее торжественно-стилистическую приподнятость этих слов в новом оценочном аспекте. Новый ореол торжественности устраняет необходимость в комментарии, уточнении понятия и слова. Данные толковых словарей (в первую очередь — под ред. проф. Д. Н. Ушакова и «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах), отражающих норму словоупотребления соответственно 20-х—нач. 30-х гг. и 40-х—50-х гг. XX в., подтверждают именно такое протекание этого процесса в общелитературном языке (ср.: «Социалистическое *отечество* в опасности!» — у В. И. Ленина в 1918 г. и «*Отечество* в опасности!» — во время Великой Отечественной войны).

В произведениях советского периода М. Горький отмечает новые оценочные значения таких прилагательных, как *знатный, почетный, именитый, славный; маленький, мелкий, великий, большой, ценный; благородный, честный, добрый, святой; новый, старый; обыкновенный, необыкновенный* и т. п. Выработке этих значений в дореволюционное время во многом способствовали произведения писателя, наметившие в указанных словах ряд новых компонентов идеологического содержания, которые впоследствии закрепились в общеязыковой практике⁷. Горьковское употребление этих лексических единиц в публицистике советского периода сгущает, концентрирует оценочность, раскрывает новые ее критерии. Так, в статье «О *маленьких* людях и о *великой* их работе» (1928—1929) слова *мелкий, маленький* и противопоставленные им *великий, величайший, огромный* служат смысловым стержнем: в них сосредоточена основная идея статьи, вокруг них организуется весь ее словесный материал. Подчеркнутая антитеза, характерная для горьковской речи вообще, призвана здесь, во-первых, показать несостоятельность наименования *маленькие люди* по отношению к трудовым массам, которые взяли власть в свои руки и стали хозяевами страны, и, во-вторых, вместо традиционного противопоставления передать тесную связь, взаимообусловленность малого и большого в человеческом обществе (ср.: «*Маленьких*» людей пытались убедить, что они ничтожны, бездарны, глупы, и что все «хорошее», созданное на земле, создается не ими, а силой «*великих*»» (25, 12) и: ««*Великие*» люди родились не в одно время с «*маленькими*», — они выросли позже, на труде *маленьких*. «*Великие* люди» — это те, у которых лучше, глубже, острее развиты способности наблюдения, сравнения и домысла — догадки, «сметки».

⁷ М. Б. Борисова, Об идеологическом содержании слова в драматургии М. Горького, «Тезисы докладов Межвузовского симпозиума составителей „Словаря М. Горького“». Изд-во КГУ, 1966. стр. 9—11; М. А. Карпенко, В. А. Сиротина, Слово в художественной речи М. Горького. К., изд-во КГУ, 1968, стр. 12—5.

Это люди, которые умеют воплощать свои наблюдения над явлениями природы и социальной жизни «маленьких» в руководящие идеи, в формы научных теорий, законов науки и произведений искусства» -- 25,9)].

Слово *великий* употребляется в конструкциях: «великие» *грабители мира* (25, 10); «великие» *мещане* (25, 11); «великие» *моралисты-пророки, отцы церкви* (25, 11), где кавычки указывают на условность оценочного значения; когда автор передает действительно высокую оценку, он снимает кавычки и часто делает уточнение: «...двое поистине *великих* людей, которые прекрасно изучили трудную жизнь «маленьких» — это Карл Маркс и Владимир Ленин» (25, 9). Ср. также: «*великое* дело строения социалистического государства»; «честный *великий* труд», «право на титул *великих* людей нашего мира» (о работниках науки — М. К.); «человек простых и поэтому *великих* мыслей» (о В. И. Ленине — М. К.); ««*маленькие*» мастера *великого* и нового дела» (25, 9—17). Тема «маленького» человека — одна из сопутствующих М. Горькому всю жизнь; со всей присущей ему страстью, начиная с ранних рассказов, борелся писатель за «маленького» человека, отстаивая его как личность, как творческое начало в обобщенно-символическом образе Человека, трудом которого создано все лучшее на земле.

В созвучии с общими закономерностями развития русского языка в 20-х гг. воспринимается горьковское употребление слов *милосердие, кротость, терпение, страдание, утешение, добродетель; многомилостивый, христианский* и т. п., которые он использует как устаревшие, с заметной иронической окраской — главным образом, для стилизации речи или передачи «колорита эпохи» в описаниях событий прошлого и их отголосков в настоящем. Обновленное «высокое» звучание отмечает писатель в словах *титул, чин, династия, впоследствии*, к 40-м годам XX ст. (и особенно в наше время), возвратившихся в активное общелитературное употребление.

Новые слова и обороты речи широко привлекались М. Горьким в качестве характерных художественных элементов, что в значительной мере расширяло выразительные возможности русской речи. Так, в пьесе «Сомов и другие» активным лексическим материалом служат социально-политические (реже — философские и экономические) слова и обороты речи, ставшие приметой «стиля эпохи»: *партиец, партийка, большевик, комсомолец, рабкор, пионер; пятилетка, соцсоревнование, рабфак, советская власть, частная собственность, антисоветская пропаганда*. Некоторые из слов такого плана являются средством самохарактеристики героев — через утверждение или отрицание нового значения. Так, слово *товарищ*, закономерное, в качестве принятого в советском обществе обращения, для речи Терентьева, Дроздова, Арсеньевой, Миши, в устах Сомова, Богомолова, Яропегова получает специфическую эмоционально-оценочную окраску («презрительно-ироническое прозвище сторонников и деятелей советской власти»), разоблачая их как скрытых врагов: «Сомов... Кроме того, разлад в Кремле... Яропегов. Возбуждает надежды? Сомов. Говорит о том, что *товарищи* трезвеют» (18, 15); «Богомолов. Далее вы ска-

жете, что правительство (во Франции — М. К.) служит промышленникам и так далее, сообразно догматике *товарищей*. Но — забастовка адвокатов ничего не может изменить, а если забастовка инженеров?» (18, 47); «Яропегов. Вообще работу он (Богомолов — М. К.) ведет не очень грамотно и спустя рукава. Пристыдят его *товарищи*, когда разберутся. А они скоро начнут понимать, из их среды уже появляются весьма остроумные парни» (18, 71).

Стремление «спрятаться в слова», свойственное Сомову и его единомышленникам, заставляет уклоняться от ставших общепринятыми наименований, терминов, искать обтекаемых формулировок: «Сомов. Да. Так вот — неизбежны крупные события. . . Лидия. Война? Сомов. Может быть. . . Лидия. И — снова *революция*? Сомов. Почему — *революция*? *Переворот*, хочешь ты сказать? . . . Лидия. Ну да — *революция назад*. *Контрреволюция*? Сомов. Это пустое слово — *контрреволюция*. Я говорил тебе: жизнь — борьба за власть. . . За прогресс, культуру. . .» (18, 53); «Сомов. Власть — не по силам слесарям, малярам, ткачам, ее должны взять ученые, инженеры. Жизнь требует не маляров, а — героев. Понимаешь? Лидия. Это *фашизм*? Сомов. Кто тебе сказал? Это — *государственный социализм*» (18, 54). Попытки Сомова избежать общепринятых слов *революция*, *фашизм*, *контрреволюция*, заменяя одно из них неточным (*революция* — *переворот*), другое — псевдоточным термином (*фашизм* — *государственный социализм*) и отвергая третье (*контрреволюция*), достаточно типичны; словесное жонглирование, против которого вслед за В. И. Лениным (ст. «О вреде фразы», «О революционной фразе») не раз выступал М. Горький, всегда служило для буржуазии и ее приспешников одним из способов идейной борьбы.

В диалоге Анны Сомовой и Дуняши, открывающем первое действие пьесы («Дуняша. *Спекулянт* масло принес. Анна. Во-первых: надо говорить — *частник*, а не *спекулянт*. Дуняша. Мы так привыкли. Анна. *Спекулянт* — обидное слово. . .»: 18, 10), сопоставление слов *спекулянт* и *частник* раскрывает столкновение двух взглядов на жизнь (ср. определение этих слов в толковых словарях: *спекулянт* — «тот, кто занимается спекуляцией, т. е. незаконной скупкой товаров и перепродажей их по повышенным ценам с целью наживы»; *частник* — «частный предприниматель, торговец»), а комментарий Анны подчеркивает общепринятую отрицательную оценку, хоть по ее мнению и несправедливую. Слово *частник* (отмеченное в качестве неологизма «Толковым словарем русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова и вслед за ним — другими толковыми словарями), наряду с такими словами, как *утильсырье*, *ликбез*, *записаться* (с кем-нибудь), *приглашать в загс* и просторечными *загибать*, *бузотер*, *ухажер* (ср. комментарий к этому слову: «Лидия. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный *ухажер*, как теперь говорят»: 18, 17), служит, кроме того, средством передачи бытового колорита речи.

Важную функцию выполняют в пьесе слово *ликбез* и словосочетание *ликвидация безграмотности*, получая в речевых партиях характерные отклонения

от исходного терминологического значения и подготавливая базу для иноязычного употребления Яропеговым вариантной конструкции *ликвидация малограмотности* (по поводу обыска в доме Сомова): «Лидия (негромко). Николай. . . Это — серьезно? Сомов. Не беспокойся. Лидия. Нет. . . Виктор — что это значит? Яропегов. Я думаю — *ликвидация малограмотности. . .*» (18, 76).

Реалистические тенденции словоупотребления М. Горького нашли свое выражение не только в поддержке актуальных для общелитературного языка процессов, в правдивой передаче словесного «колорита эпохи», но и в борьбе писателя против разнообразных проявлений порчи, обесцвечивания, засорения, обесмысливания русской речи. Так же, как и для В. И. Ленина, для М. Горького язык всегда оставался оружием борьбы, острым и беспощадным, и ко всякой попытке притупить его, исказить его сущность, его законы писатель был непримирим. Он выступает против словесных сорняков — диалектных, жаргонных, узкопрофессиональных слов, против ненужных аббревиатур (ср. в рассказе «Факты» пародические образования подобного типа: *Трахтрест, совчеловеки*); он видит, наконец, и опасность другого рода: «обветшание» некоторых новых слов, которые необходимы в языке, но из-за обывательского злоупотребления ими (часто в целях «словесной мимикрии») могут утратить полноценное значение, превратиться в «словесную шелуху». Это была реальная опасность, и в борьбе с нею М. Горький не остановился перед самыми острыми приемами изображения, разоблачив в пьесе «Работяга Словотеков» (1920) болтуна и бездельника, в устах которого актуальная лексика превращается в пустую «революционную фразу», так метко охарактеризованную В. И. Лениным. Л. П. Жак, анализируя работу М. Горького над юмореской, справедливо отмечает обобщенность образа Словотекова⁸, самое имя которого построено на характерном горьковском словосочетании *слова текут* (ср. подпись «самокритик *Словотеков*» в очерке «Факты»; 17, 112). Повторение слов в репликах Словотекова (*коллегиально, коллегиальность, организованно, организоваться* и т. п.), словесные штампы и неуместно «возвышенные» обороты речи (*очередная задача дня, опыт рабочего движения на Западе указывает. . .*), столкновение в диалогах разностильных речевых элементов, разрыв между контекстом и ситуацией («— Вы прачка? — Ну, да, прачка. — Товарищ. На вас лежит трудная обязанность борьбы за чистоту, чистота — необходимейшее условие народного здоровья. Что для этого нужно прежде всего? — Мыло. -- Организация. — Организация у нас сделана, ты мыло давай. — Нужна прежде всего коллегиальность. — А я говорю — мыло. — Организация, товарищи. — Мыло. — Организация. — Тьфу, взбалмошный»⁹) — все эти приемы призваны раскрыть псевдореволю-

⁸ Л. П. Жак, От замысла к воплощению (в творческой мастерской М. Горького). М., 1963.

⁹ Архив М. Горького. Т. II. М., 1941, стр. 156.

ционность, пустозвонство некоторых бездарных «деятелей», высмеять бюрократизм, поддержать беспощадную борьбу, начатую против него партией и В. И. Лениным. Как справедливо отмечено, «Работяга Словотеков» «предвосхитил ту линию советской сатирической драматургии, которая получила развитие в бичующих бюрократизм пьесах Маяковского, Безыменского и др.»¹⁰

Таким образом, горьковские произведения послеоктябрьского периода свидетельствуют о том, что коренные преобразования лексико-стилистической и словоупотребительной системы русской речи были не только приняты великим писателем, но в значительной мере «предчувствованы» им, предвосхищены его многолетней титанической работой над живым русским словом.

Индивидуальный стиль М. Горького может быть отнесен к числу тех, в которых «находят концентрированное, яркое выражение общие тенденции развития литературного языка».¹¹ Вот почему для изучения процессов и закономерностей развития русского литературного языка в советскую эпоху¹² конкретно-историческое описание горьковской речи (и в частности — лексики, фразеологии, словоупотребления) предоставляет убедительный и достаточно объективный материал, незаменимый по своей авторитетности и достоверности.

¹⁰ Б. Бялик, Творчество М. Горького в советскую эпоху. М., 1956, стр. 14.

¹¹ В. В. Виноградов, Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы. «Вопросы языкознания» 1955, № 4, стр. 22.

¹² См.: С. И. Ожегов, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. «Известия АН СССР. Отделение языка и литературы.» Т. X, 1951, вып. I; С. И. Ожегов, К вопросу об изменении словарного состава русского языка в советскую эпоху. «Вопросы языкознания», 1953, № 2; «Развитие грамматики и лексики современного русского языка.» М., 1964; «Развитие лексики современного русского языка.» М., 1965; «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962; «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968.

Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

На первый взгляд заглавие нашей статьи может показаться довольно странным. Какой интерес представляет «морская лексика» народа, который в историческую эпоху своего существования находился и теперь находится так далеко от моря? Прежде, чем прямо ответить на этот естественный вопрос, постараемся дать некоторые существенные для названной темы разъяснения.

Мы не будем останавливаться на уже неоднократно бывшем предметом обсуждения вопросе о том, как следует понимать «систему лексики» или «лексическую систему языка»¹. Очевидно, не надо разъяснять того, что в пределах лексики любого натурального языка существуют элементы, тесно связанные друг с другом, и элементы, взаимосвязь которых представляется довольно слабой. Тесно связанные друг с другом элементы обнаруживают свою связь как в своей форме, так и в своем содержании. Напротив, слабо связанные элементы сближаются друг с другом либо по форме, не будучи близкими по содержанию, либо по содержанию, не имея ничего общего в отношении формы.

Нередко бывает так, что первоначальная тесная связь элементов (семантем-морфем и лексем) со временем ослабляется в результате их семантического расхождения и обособления. Такие элементы изолируются в синхроническом плане. Происходит то, что акад. Л. А. Булаховский назвал «деэтимологизацией»².

Однако в большинстве случаев даже при поверхностном переходе от синхронии к диахронии первоначальная тесная связь (фономорфологическая и семантическая) легко восстанавливается.

В любой лексической сфере натурального языка (если угодно — в любом «семантическом поле» или в любой «лексической теме») мы можем найти группу взаимосвязанных элементов, взаимное расположение которых характерно

¹ А. И. Кузнецова, Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. Изд-во МГУ. Москва, 1963.

² Л. А. Булаховский, Дезимологизация в русском языке. «Труды Института русского языка.» Том I, Москва—Ленинград, 1949, стр. 147—209.

для данного языка и может быть сопоставлено или противопоставлено семантически параллельной группе других языков.

Такие лексические группы мы будем называть лексическими фигурами (или схемами) и среди них противопоставим: 1. гомогенные лексические фигуры и 2. гетерогенные лексические фигуры. Так, напр.: в украинском литературном языке элементы «коло» (круг), «колесо» и «кільце» (кольцо) составляют гомогенную лексическую фигуру, а в русском литературном языке (после элиминации элемента «коло», ср. «около») параллельная лексическая фигура оказывается уже гетерогенной при введении в нее лексемы «круг», не чуждой впрочем и украинскому языку («круг» > «округлий»).

Лексическая фигура, элементы которой выражают идею «округлости», оказывается почти гетерогенной в венгерском языке: *kör* 'круг', *kerék* 'колесо', *kerek* 'круглый', *korong* 'диск', *gyűrű* и *karika* 'кольцо' и полностью гетерогенной в немецком языке: *Kreis*, *Rad*, *rund*, *Scheibe*, *Ring*, *Fingerring*.

Во многих языках мы находим такие гомогенные фигуры, как русс. *расти* ~ *растение*, укр. *рости* ~ *рослина*, венг. *nőni*, *növekedni* ~ *növényi*, фин. *kasvaa* ~ *kasvi*, но серб. *расти* ~ *биљка*, латин. *crescere* ~ *planta*. Для славянских языков характерна такая гомогенная фигура, как русс. *свет* (вен. 'világosság, világitás' ~ 'világ'), укр. *світло* ~ *світ*, польск. *światło* ~ *świat*, чешск. *světlo*, *svit* ~ *svět*, серб. *светлост* ~ *свет*, болг. *светлина* ~ *свят*. Она имеет параллель в румын. *lumină* (вен. 'világosság') ~ *lume* ('világ') и, как уже отмечалось, в венгерском языке.

Для русского языка, в частности, характерна следующая гомогенная фигура: *красный*, *-ая*, *-ое*, *краска*, *красить* ~ *красивый*, *-ая*, *-ое*, *красота*, *красавица*. В украинском языке ей соответствует гетерогенная фигура: *червоний*, *-а*, *-е* ~ *фарба* (*барва*), *фарбувати* ~ *гарний*, *-а*, *-е*, *вродливий*, *-а*, *-е*, *красивий*, *-а*, *-е*, *красуня*. Соответственная фигура в венгерском языке также оказывается гетерогенной: *vörös* (*piros*) ~ *festék*, *festeni* ~ *szép*, *szépség* (*szép nő*).

Само собой разумеется, когда мы здесь говорим о соответствии, это обозначает идеальную проекцию реально существующей лексической фигуры одного языка на другой язык, в котором данной фигуры фактически не существует. Так, напр., мы можем проецировать гомогенную фигуру русской лексики: *цвет* (= окраска) ~ *цвет* (= цветок) на венгерский язык и получим в нем гетерогенную фигуру: *szín* ~ *virág*, которая доказывает лишь то, что существующая в русском связь отсутствует в венгерском. Однако когда мы рассматриваем не отдельные лексические фигуры в пределах более или менее определенной лексической сферы, а общую структуру фигур данной сферы, то в ней относительно легко устанавливаются «семантические импликации» (выражение Вальтера Порцига), дающие возможность наложения друг на друга параллельных сфер различных языков и позволяющие говорить о реальных соответствиях³.

³ WALTER PORZIG, *Das Wunder der Sprache*. München, 1950.

Сказанное выше приводит нас к возможности рассмотреть некоторые лексические фигуры определенной сферы венгерского языка на фоне соответствующих ей сфер географически близких и исторически соприкасавшихся с ним языков.

Когда около 896 года н. э. мадьярский союз племен под начальством Арпада вступил в бывшую Паннонию, едва ли в говорах этих племен хотя бы в самых общих чертах определилась такая лексическая сфера, которая имела отношение к морю, мореплаванию, кораблям и кораблестроению. Тем не менее в их лексике по всей вероятности уже существовала «изоморфная» названной сфера, имеющая отношение к рекам и озерам и отчасти способам передвижения по ним, а также к добыванию из них пищи (рыболовство). С переходом к оседлой жизни и государственной организации и с возрастающим влиянием соседних славянских, восточно-романских и германских племен, несомненно, многое из этой изоморфной сферы было утрачено.⁴

Едва ли здесь приходится говорить о таких общих финно-угорских элементах, как *víz*, фин. *vesi*, *hal*, фин. *kala*, *úszni*, фин. *uida*, тем более, что они «семантически не имплицитуются».

1. Лексема для обозначения моря оказалась в венгерском языке настолько же изолированной, как и в славянских: *tenger* (ср. тур. *deniz*) ~ *more*, *morze*, *moře* (ср. латин. *mare*, фин. заимств. *meri*).

2. Такого же характера лексема для обозначения берега или побережья: *part* (*tengerpart* 'морской берег'), ср. чеш. *břeh*, *pobřeží*, серб. *обала*, *брег*, *ивица*, рум. *mal*, *țarm*, *coasta*, в фин. заимств. *ranta* (*merenranta* 'морской берег').

3. В отличие от финского, в котором для обозначения песка имеются как собственные *hiekkä*, *hieta*, *sora*, так и заимствованное *santa*, в венгерском изолированное *homok*, ср. русс. *песок*, укр. *пісок*, польск. *piasek*, чешск. *písek*, серб. *песак*, болг. *пясък*, ср. румын. *nisip*.

4. Вполне оригинально в венгерском использование лексем *fok* 'ступень, ступень', 'ушко иглы' для обозначения мыса, ср. русс. *мыс*, укр. *мис*, чеш. *tus*, польск. *przylądek*, *supel*, серб. рт. *гребен*, болг. и русс. диалект. *нос*, румын. *сар*, *promontoriu*, финск. *niemeke*, *niemi*, *pokka*.

5. Общего происхождения венгер. *szikla*, русс. и болг. *скала*, серб. *скала* (также *стена*), польск. *skała* (также *орока*), чешск. *skála*, укр. *скеля*, ср. румын. *stâncă*, финск. *kallio*, которые четко противопоставляются другим формам положительного рельефа.

6. Венгер. *tengerszoros* букв. 'морская теснина' = 'пролив' представляет лексическое перемещение из сухопутной в морскую сферу (первоначально 'теснина, ущелье' в горах), ср. серб. *мореуз*, русс. *пролив*, укр. *протока*, румын. *strâmtoare*, финск. *salmi*.

⁴ Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. Москва, 1966. Введение, стр. 9—34. Обско-угорские языки, стр. 316—60.

7. Венгер. *földnyelv* букв. 'язык земли' = 'перешеек', ср. чешск. *šije* и серб. *земљоуз*, (рум. *istm* < греч. *isthmos*, финск. *kannas*) наглядно обнаруживает свою метафорическую природу.

8. Венгер. *öböl* 'залив, бухта', ср. поэтич. 'лукоморье' должно было бы встать в ряд с другими метафорами, ср. нем. *Meerbusen* — букв. 'морское лоно', нем. *Bucht*, 'изгиб' (ср. *biegen*), но русс. *залив*, укр. *затока*, чешск. *záliv, zátoka*, но румын. *golf* (< греч. *kolpos*), *baie* (< латин. *baia*), финск. *lahti*.

9. Венгер. *sziget* 'остров' по образцу итальянской фигуры: *isola* (< латин. *insula*) ~ *isolare, isolamento, isolatore* дало в венгерском *szigetelni, szigetelés, szigetelő*, но русс. *остров*, укр. *острів*, чешск. *ostrov*, серб. *острво*, польск. *wyspa*, финск. *saari*.

10. Венгер. *zátony* 'мель', вероятно, сближается с русс. *затон* (ср. *затон*), ср. *homokzátony* или *homokpad* 'песчаная банка' (*pad* 'скамейка'), русс. *мель*, польск. *mielizna*, чешск. *mělčina*, серб. *пруд, талог, нанос*, финск. *matalikko, hietasärkkä* (румын. *banc de nisip*).

11. От венгер. *hullám* 'волна' образован глагол *hullámzani* 'волноваться' и существительные *hullámzás* 'волнение, колебание', *hullámverés* 'прибой', ср. русс. *волна*, болг. *вълна*, чешск. *vlna*, укр. *хвиля*, польск. *fala* (ср. *balwan*), серб. *талас* (< греч. *thalassa*), румын. *val, undă*, финск. *aalto*.

12. Венгер. *vihar* 'буря' произошло от славянских (русс. *вихрь, вихорь*, укр. *вихор*, болг. *вихър*, серб. *вихар*, чешск. *vichr, vicher*, польск. *wicher*), но семантически соответствует слав. русс. *буря*, серб. *бура*, чешск. *bouře*, польск. *burza*; румын. *furtună* ср. новогр. *phourouna*, турецк. *firtin*, укр. *хуртовина* (< латин. *fortuna*), также *vijelie*; параллельно русскому *буревестник*, венгер. *viharmadár* и финск. *myrskylintu*.

13. Так же, как русс. *течь, течение, поток* связаны венгер. *folyni, folyam, folyó* 'течь, поток, река', ср. латин. *fluere, fluvius, flumen*, но общеслав. *река*, румын. *fluviu, râu*, но *curent, curs*; венгер. *ár, áram* 'ток', *áramlás* 'течение', финск. *joki, virta*.

14. Венгер. *csolnak* > *csónak* восходит к слав. *чльнь*, русс. *челн, челнок*, укр. *човен*, польск. *czolno*, чешск. *člun*, серб. *чун*. Его приблизительные синонимы *ladik* и *sajka* также обнаруживают свое иноязычное происхождение и оказываются изолированными; от *csónak* образован глагол *csónakázni* 'плыть на лодке', ср. слав. *ладья, лодка*, румын. *barcă*, новогр. *varka*, румын. *luntre*, латин. *linter*, финск. *vene*.

15. Особенно продуктивной оказалась венгер. лексема *hajó* 'корабль, судно'; от нее образованы глаголы *hajózni* и *hajókázni* 'плыть на корабле' и композиты *hajóorr* 'нос корабля', *hajófar* 'зад корабля' = корма, *hajópárkány* 'борт корабля', *párkány* 'карниз', *hajókötél* 'корабельные канаты' = снасти, *hajógerinc* 'хребет корабля' = киль, *hajóúr* 'полость корабля' = трюм, ср. финск. *laiva*, румын. *corabie, navă*.

16. Венгер. *vitortla* 'парус', конечно, является адаптацией славянского 'ветрило', устаревшего и вышедшего из употребления в большинстве славянских языков, ср. русс. *парус* (*парусник*), чешск. *plachta* (*plachetnice*), польск. *żagiel* (*żaglowiec*, *żaglówka*), серб. *едрило* (*едрилица*), болг. *платно* (*платноход*), румын. *vântrelă* (при румын. *vânt* латин. *ventus*), финск. *purje*, *purjevene*; соответственно венгер. *vitortlás* 'парусник'.

17. Венгер. *evező* или *evezőlapát* 'весло' связано с глаголом *evezni* 'грести', являясь гомогенной фигурой в отличие от славянского *весло* (от *везти*) и *грести*, *гребу* (ср. *рыть*, *копать*), ср. румын. *veslă*, *lopată* и *a văsli* (*cu lopată*), финск. *airo*, но *soutaa*; производное *evezővilla* 'уключина', букв. 'вилка для весла', ср. чешск. *vidlice* и т. п.⁵

18. Венгер. *kormány* 'руль', *kormányos* 'рулевой', конечно, составляют такую же пару, как русские *корма* и *кормчий*, укр. *кермо* (*руль*) и *керманич* (*рулевой*), серб. *крма*, *крмило*, *кормило*, *корман* и *корманош*, *кормилар*, чешск. *kormidlo* и *kormidelný*, *kormidlový*, болг. *кормило* и *кормилен*, румын. *cârmă* и *cârmăciu*, польск. *ster* и *sternik*, финск. *peräasin* (*ruori*) и *perämies*.

19. Венгер. *árboc* 'мачта' стоит обособленно, но, очевидно, связано с румын. *arbore* 'дерево' и 'мачта', ср. новогреч. *álpouro*, *árpouro* из итальян. *albero* 'то же', но русс. *мачта*, польск. *maszt*, (финск. *masto*) из нем. *Mast*, серб. *катарка* и румын. *catarg* (*catart*) из новогреч. *katarti*, обособлены чешск. *stěžeň*, *stožár* и укр. *щогла* (также *мачта*).

20. Венгер. *horgony* и *vasmacska* 'якорь' не обнаруживают связи со средиземноморской лексикой в отличие от русс. *якорь*, укр. *якір*, румын. *ancoră*, финск. *ankkuri*, нем. *Anker*, серб. *ленгер* (сидро из новогреч. *sidero*); этой связи нет и у польск. *kotwica*; чешск. *kotva*, болг. *котва*, укр. *кімва*, *кімвиця*.⁶

Мы полагаем, что даже этот весьма поверхностный обзор морской лексики венгерского языка может навести читателей на размышления о структуре лексических сфер с их гомогенными и гетерогенными фигурами и о путях их образования. Очевидно, не случайными оказываются гомогенные фигуры вроде нем. *Tisch* ~ *Tischler*, русс. *стол* ~ *столяр*, венгер. *asztal* ~ *asztalos* при всех различиях тех языков, которым они принадлежат. Напротив, гомогенная фигура русс. *плот* ~ *плотник* оказывается вполне оригинальной на фоне венгер. *tutaj* ~ *ács*, нем. *Floss* ~ *Zimmermann*, финск. *lautta* (*tukkilautta*) ~ *kirvemies* 'человек работающий топором'.⁷

⁵ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Том I (А—Д). Москва, 1964; *гребу*, *грести*, стр. 454—5.

⁶ *Horgony* ср.: *horog* 'крюк', *vas* + *macska* букв. 'железная кошка'.

⁷ Лексический материал взят из: „Русско—венгерского словаря” (*Orosz—magyar szótár*) Состав. Э. С. Хаас, второе изд. под ред. К. Е. Майтинской. Москва, 1951; *Magyar—orosz szemléltető szótár*. Budapest, 1959; а также других словарей.

Элементы венгерского происхождения в «Дакийском словаре»
Ивана Вагилевича

С. В. СЕМЧИНСКИЙ

Начало XIX века в Галиции отличается бурным пробуждением национального самосознания украинского народа. Активное участие в этом приняли писатели Маркиян Шашкевич, Иван Вагилевич и Яков Головацкий, составившие известный кружок «Руська трійця» и издавшие в Будапеште литературный альманах «Русалка Днестровая», охарактеризованный позднее Иваном Франко как явление насквозь революционное. Деятельность этого кружка и каждого его члена в отдельности носила просветительно-демократический характер. Представители кружка «Руська трійця» живо интересовались всем, что касается родного народа — его языком, историей, нравами и обычаями, устным народным творчеством.

Позже И. Вагилевич пришел к серьезным занятиям в области гуманитарных наук. К сожалению, только незначительная часть его научных сочинений была опубликована, а большинство работ осталось в рукописях, которые свидетельствуют, что Иван Вагилевич был одним из эрудированных ученых своего времени: фольклористом и этнографом, историком и языковедом; он собирал народные песни и легенды, писал о народной архитектуре и символике, издал грамматику украинского языка, составил украинско—немецко—латинский словарь, написал очерк истории украинской литературы, редактировал большой этимологический словарь польского языка Линде, издавал исторические документы. Все это — наряду с художественным творчеством и многочисленными переводами произведений мировой литературы.

Иван Вагилевич живо интересовался вопросами истории фракийцев. В 1855 г. он закончил большую историко-филологическую работу «*Wywód początków Słowian od trakoilłyrow*», оставшуюся, к сожалению, только в рукописи (отрывок из этого исследования был опубликован в популярном издании Biblioteka Warszawska в 1852 г.). Современных ему румын и молдаван Вагилевич считал романизованными наследниками фракийского племени даков и поэтому придавал большое значение изучению их языка, предоставляющего цен-

ный материал и для славистов, так как, по ошибочному мнению автора, славяне были связаны генетически с фракийско-иллирийскими племенами¹.

Биографы Вагилевича прошли мимо этого и нигде не упоминают о его занятиях молдавскими говорами. Тем не менее в работах украинского ученого часто встречаются ссылки на восточнороманский лингвистический материал. Более того, среди рукописей писателя, хранящихся в СССР, нам удалось обнаружить две работы, безоговорочно доказывающие его занятия языком восточных романцев, который он называл то «дакийским» то «дако-романским». Речь идет о незаконченной грамматике под названием «Наука дако-романского языка» и о словаре, озаглавленном «Дакийский словник»².

Особый интерес вызывает «Дакийский словник», насчитывающий 765 восточнороманских слов. В обложке из плотной серой бумаги хранятся три модельных тетради, исписанные мелким, столь характерным для Вагилевича бисерным почерком. Хотя материалы эти и не подписаны, однако нет нужды проводить графическую экспертизу для определения почерка Вагилевича. Более того, некоторые ошибки в польской части словаря (словарь, как и большинство произведений писателя и ученого, написан с переводом на польский язык) доказывают, что именно он, а не поляк Дунин-Борковский, был автором толкований восточнороманских слов. Кстати, именно на такой бумаге Вагилевич в 1838—1846 гг. писал другие свои сочинения.

Лексический материал словаря, его фонетические особенности и некоторые грамматические черты (насколько они могут быть отражены в словаре) свидетельствуют о том, что при его составлении автор не только не ограничился письменными источниками, но опирался главным образом на данные живой разговорной речи. Поэтому словарь Вагилевича представляет значительный интерес для молдо-румынистики: он фиксирует многочисленные формы народного произношения и, что еще важнее, отмечает редкие областные слова или особое, региональное значение общенародных слов.

Известно, что в языке восточных романцев, особенно в лексике, есть немало элементов венгерского происхождения. Это отметил уже автор одного из пер-

¹ Фракийцы и иллирийцы не входили в какую-то первоначальную «фракийско-иллирийскую группу», хотя скудость документации не позволяет точнее определить отношения фракийской и иллирийской групп индоевропейских языков. Даки (геты) или дако-мисийцы не были собственно «фракийским» племенем. Различия между фракийской и дако-мисийской группами индоевропейских языков, насколько позволяют об этом судить топонимия и антропонимия, были довольно значительными.

² Львовская государственная научная библиотека, отдел рукописей, фонд Вагилевича, ед. хр. 32, папка 6. Об этой находке нами сделано сообщение на XII Международном конгрессе по романской лингвистике и филологии в апреле 1968 года — см.: XIIe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes. Rapports et communications. 1968, стр. 132—3 (S. V. SEMCINSKY, Un dictionar românesc din prima jumătate a secolului al XIX-lea în Ucraina).

вых этимологических словарей румынского языка А. Чихак³. При статистических подсчетах называются различные цифры, характеризующие процент слов венгерского происхождения в восточнороманской лексике. Так по Ал. Грауру он равен 2,26%: однако в этом исследовании учтены только слова, признанные автором как принадлежащие к наиболее употребительному словарному фонду языка⁴. Другие лингвисты приводят иные цифры в зависимости от материала, на который они опираются. Например, Д. Макря на основе подсчета слов, включенных в толковый словарь И. А. Кандри (1931 г.), определяет количество элементов венгерского происхождения в румынской лексике в 3,14%,⁵ однако позже сокращает его до 2,17% (на основе подсчета слов, включенных в толковый словарь современного румынского языка, изданный в 1958 г.⁶) и даже до 1,63% (на основе подсчета слов по словарю М. Эминеску)⁷.

Как бы там ни было, в языке восточных романцев существует определенное количество слов венгерского происхождения. Приведенные выше цифры касались литературного языка. Нет сомнения, что в говорах процент венгерских элементов выше, чем в литературном языке; этого не отрицают и румынские исследователи. Количество слов венгерского происхождения весьма значительно в молдавских говорах⁸, так как именно носители этих говоров находились и частью находятся в условиях непосредственного контакта с носителями венгерского языка, что приводит к интенсивному взаимодействию и интерференции названных языков. Следы этих процессов наглядно наблюдаются в них и прежде всего — в их лексике.

«Дакийский словник» И. Вагилевича является прекрасным доказательством этого.

Рассмотрим слова, включенные в словарь и связанные с венгерской лексикой. Так как Вагилевич пользовался кириллическим алфавитом, то первая запись слова соответствует его написанию, а вторая (в скобках) — передает средствами современной молдавской графики соответствующее слово, как оно зафиксировано в словарях или других письменных источниках:

³ А. СНАС, Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Francfort s. M., 1879. Т. II, стр. XIII. Обстоятельно о причинах и характере венгерского влияния см. LAJOS TAMÁS, Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen (Unter Berücksichtigung der Mundartwörter). Akadémiai Kiadó, Budapest, 1966; AL. ROSETTI, Istoria limbii române. 1968, стр. 415—22; IORGU IORDAN, Limba română contemporană. 1956, стр. 63—4; Курс де Лимбэ молдовенякэ литерарэ контемпоранэ. Т. I. Кишинев. 1956, стр. 144—5. Ср. также VLADIMIR DRIMBA, Materiale pentru studiul raporturilor lingvistice româno-maghiare. ЧЛ, V (1964), 2, стр. 115—30.

⁴ AL. GRAUR, Incercare asupra fondului principal lexical al limbii române. 1954, стр. 57.

⁵ D. MACREA: Circulația cuvintelor în limba română. «Transilvania» LXXIII (1942), стр. 268.

⁶ Idem, Probleme de lingvistică română. București, 1961, стр. 32.

⁷ Там же, стр. 41.

⁸ I. COTEANU, Elemente de dialectologie a limbii române. 1961, стр. 90.

адемли (адемени) 'завлекать, манить', форма с синкопированным гласным предпоследнего слова, ср. венг. *adomány*⁹.

алень (альян) 'зависть', из венг. *ellen*. Обращает на себя внимание форма женского рода и значение; впрочем, КАДЕ фиксирует значение, близкое к этому, с пометой «Трансильвания».

арьцел (атрэцел) 'чернокорень' (*Cynoglossum L.*), ср. венг. *atracél*.

афинь (афинэ) 'черника'. Современным словарям этимология слова неизвестна, но ТДРЖ сравнивает его с венг. *áfonya*.

бају (бай) 'мука, терзание, забота' < венг. *baj*. КАДЕ локализует это слово в Трансильвании и Марамуреше.

белиш (белиш) 'подстилка'. Ср. венг. *bélés*.

берк 'лесок, роща' < венг. *berek*.

бизусаль (бизуялэ) 'доверие', отглагольное существительное из бизуи 'доверять' < венг. *bízik*.

біруі (бируи) 'побеждать' < венг. *bír*.

бітанг (битанг) 'приблудный' < венг. *bitang*.

бобоане 'колдовство' < венг. *babona*.

(?) **болт** 'пуговица'. Это слово не зафиксировано никакими восточнороманскими источниками. Возможно, оно является результатом распада и неверного расчленения венг. *begombolt* 'застегнутый на пуговицы'.

боть (ботэ) 'трость' < венг. *bot*.

бујтар (буйтар) 'пастух' < венг. *bojtár*.

бумб 'пуговица', ср. венг. *gomb*¹⁰.

віклан (виклян) 'коварный' < венг. *hűtlen*.

газдъ (газдэ) 'хозяин, квартира', ср. венг. *gazda*.

глот (глод) 'грязь, болото', ср. венг. *galád* 'мерзкий'.

гузан 'крыса' < венг. *güzü*.

гꞑді (гынди) 'думать', от гынд 'мысль' < венг. *gond*.

дараб (дэраб) 'кусок' < венг. *darab*.

дардъ (дардэ) 'копье'. КАДЕ полагает, что слово это из польского, но не исключено, что у восточных романцев оно из венгерского *dárda*, которое за-свидетельствовано еще в 1554 г.¹¹

добъ (добэ) 'барабан' < венг. *dob*.

дꞑб (дымб) 'приговор' < венг. *domb*.

жубрь (жубрэ) 'корь, лихорадка на губах', ср. венг. *zsebre*.

жул 'пучок соломы', ср. венг. *zsup*.

⁹ По вопросу ударения см. L. BALÁZS: Accentul în cuvintele românești de origine maghiară. ЧЛ, IX. (1964), 1, стр. 67—74. Ср. P. NEIESCU, Există legătură între cantitate și accent? Observații asupra cuvintelor de origine românească din limba maghiară și asupra celor de origine maghiară din limba română. ЧЛ, III (1968), стр. 135—51.

¹⁰ SEXTIL PUȘCARIU, Limba română. T. I, стр. 299.

¹¹ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967, стр. 595.

жагаш (жингаш) 'нежный', ср. венг. *gyöngé, gyenge*, диал. *zsingás, dsingás*. зургалу (зургэлэу) 'бубенец', ср. венг. *zörög*¹².

іљу (илэу) 'наковальня' < венг. *üllő*.

ір (ир) 'лечебная мазь' < венг. *ír*.

каје (кае) 'коршун' < венг. *kánya*.

келтусаль (келтуялэ) 'расход' от глагола *келтуи* 'расходовать' < венг. *költ*.

кідіје (кидэ) 'иней' < венг. *köd*.

кінуй (кинуи) 'мучить', отыменный глагол, ср. *кин* 'мука' < венг. *kín*.

кіп (кип) 'образ' < венг. *kép*.

кіпају, (sic!) вместо *кипуи, ынкипуи* 'создавать/творить', ср. предыдущее слово.

куп (купэ) 'кубок', ср. венг. *kupa*¹³.

кьпънјаг (кепеняг) 'сердце' < венг. *köpenyeg*.

лабь (лабэ) 'лапа' < венг. *láb*.

лацу 'хлев'. Ср. *лац, ляц* 'планка для ограды' < венг. *léc*.

лехы (лехэи) 'трепать языком'. Ср. венг. *lehajt, lehány; lehel* (в Трансильвани *лихеи* означает 'задышаться').

лечј (леч) 'мокрота', ср. венг. *lics-pocs* 'мокрое место после дождя'¹⁴.

лешні (лешни) 'подстерегать'. Для этого слова предлагаем сравнить зафиксированное в ТДРЖ *алешуи* < венг. *les*.

лібуць (либуцэ) 'чибис' < венг. *libuci*.

макан (мэкэу) 'дубинка'¹⁵, ср. венг. *mák*.

марфь (марфэ) 'товар' < венг. *marha*.

мереу 'синий', ср. венг. *merő* 'чистый'¹⁶.

міхал (михалц) 'налим', ср. венг. *menyhal*.

мохор 'могар' < венг. *muhar*.

мьлать (мэлатэ) 'саламата' < венг. *maláta* 'солод'.

матуї (мынтуи) 'спасать' < венг. *ment*.

огаш (фэгаш; варианты *хогаш, вэгаш*) 'колея, просека' < венг. *vágás*.

перж 'слива', ср. венг. *perzsa*.

пержол (пыржол) 'пожар', от глагола *пыржолу* 'жечь' < венг. *perzsel*¹⁷.

пілдь (пилдэ) 'сравнение, пример' < венг. *példa*.

рочіјў (рочуи, вар. *рэчие*), ср. венг. *rácsa*.

самь (самэ) 'внимание' < венг. *szám*.

¹² Ср статью EMÉSE KIS: ЧЛ, V (1960), 1—2. стр. 75—84.

¹³ В этом слове и в *соб* (см. ниже) наблюдается редукция конечного галского; ср. ТЕОФИЛ ТЕАНА, *Despre ă final din graiul crișan. „Omăgiu lui Iorgu Iordan”*. București, 1958, стр. 856.

¹⁴ Ср. СЕСИУ: «Клейкая земля» у молдав. „Dacoromania” IV, стр. 155.

¹⁵ Ср. ГН. РОФ: *Modernizarea lexicului în Maramureș*. ЧЛ, XIII (1968), 2, стр. 313, 319.

¹⁶ Ср. это слово в румынском топонимике: IORGU IORDAN, *Toponimia românească*. 1963, стр. 116.

¹⁷ Относительно смешения *ы—э—е* см. AL. ROSETTI цит. соч., стр. 439, 453.

соб (собэ) 'комната' (КАДЕ локализует это значение только для Карпатских гор) < венг. *szoba*.

сокоті (сокоти) 'считать, полагать' < венг. *szokott* (по ДЛРМ).

саргуіса (sic!) (лит. *a se сыргуи*) 'стараться', от *сырг* 'старание' < венг. *szorgalom*.

талхарјѹ (тылхар) 'разбойник', ср. венг. *tolvaj*.

тершиць (тыршицэ) 'мотыга', ср. венг. *dörzsöl*

теук (теукэ, тейкэ) 'ящик, жолоб', ср. венг. *tőke, tok*.

тілінкь (тилинкэ) 'свирель', ср. венг. *tilinkó*.

улјѹ (улиу) 'ястреб, сокол' < венг. *ölyv*.

уријаш (уриаш) 'великан' < венг. *óriás*.

фагадеу (фэгэдэу) 'корчма' < венг. *fogadó*¹⁸.

фередеу 'баня' < венг. диал. *feredő* (лит. *fürdő*).

хеліштеу (хелештеу) 'пруд' < венг. *halastó*.

хел^л е (хелже) 'ласка' (зоол.) < венг. *hölgy*.

хереу (ерете) 'ястреб', ср. венг. *harc*.

хојт (хойт) 'падаль' < венг. диал. *holt* (*halott*).

холдь (холдэ) 'посев' < венг. *hold*.

хотар 'пространство' (sic!) < венг. *határ*.

хътъраг (хэтэраг) 'палка для молотыбы', ср. венг. *hadaró*.

х^г г (ханг) 'втора' (муз.) < венг. *hang*.

царкь (царкэ) 'сорока' < венг. *szarka*.

цімірјѹ (цимир) 'эмблема' < венг. *címer*.

цадрос (цэндрос) 'оборванный', ср. венг. *candra* в диалектах *cundra* 'тряпка'.

челуі (челуи) 'обмануть' < венг. *csal*.

чеукь (чеукэ) 'галка', ср. венг. *csóka*.

чімпој (чимпой) 'волынка', ср. венг. *csimpolya*.

шіп (шип) 'бутылочка' < венг. *síp*.

шод 'шут' < венг. *sod* (по ДЛРМ).

шукіјет (дешукят) 'глупый' < венг. *süket*¹⁹.

Конечно, большинство этих слов являются областными, известными только в отдельных говорах восточных романцев, однако именно массовое присутствие диалектизмов венгерского происхождения в «Дакийском словнике» как раз и свидетельствует о том, что И. Вагилевич, работая над словарем, использовал данные живой речи. Если учесть процентное соотношение слов венгерского происхождения в этом словаре (85 слов из 765), а оно равняется более 11%

¹⁸ По поводу вокализма этого слова ср. IORGU IORDAN, Un fenomen dialectil: *ă* neaccentuat > *a*. «Revista filologică.» Cernăuți, 1927; I. COTENAU цит. соч., стр. 84—5.

¹⁹ Выражаю искреннюю благодарность Й. Верешу и И. Зиканю за помощь, оказанную при установлении отдельных венгерских этимологий.

(т. е. значительно выше, чем в любых других словарях), то следует сделать вывод, что украинский исследователь ознакомился с говорами, в которых венгерское влияние оказалось наиболее осязаемым (такими говорами являются северные наречия дакороманского ареала, т. е. молдавские говоры). Вывод остается в силе, даже если будут подвергнуты сомнению некоторые этимологии, приведенные выше. Все это дает возможность утверждать, что «Дакийский словарь» Ивана Вагилевича является важным источником для истории языка восточных романцев и для восточнороманской диалектологии.

Сокращения: ДЛРМ = Dictionarul limbii române moderne, 1968. — КАДЕ = Dictionarul enciclopedic ilustrat „Cartea românească”. Partea I de I. A. Cardrea, partea II de Gh. Adamescu. — ТДРЖ = Н. ТИКТИН, Rumänisch—deutsches Wörterbuch I—III. București, 1895—1925. — ЧЛ = Cercetări de lingvistică. Cluj.

В. І. Ленін і питання літературної критики**М. І. ДУБИНА**

Починаючи з 1905 р., В. І. Ленін написав близько двадцяти літературно-критичних праць, різноманітних за своїми жанровими ознаками: великі полемічні статті («Партійна організація і партійна література», «Народники про М. К. Михайловського»); монографічні дослідження (про Л. Толстого, О. Герцена); передмови до творів, окремих книг та збірників («Передмова до книги Джона Ріда 10 днів, що потрясли світ»); листи (Інессі Арманд, М. Горькому та ін.); журнальні та газетні рецензії («Маленька картинка для в'яснення великих питань», «Про журнал „Свобода“»); ювілейні нотатки, некрологи, літературні портрети («Євген Потьє», «Кар'єра», «Л. М. Толстой», фейлетони («Пам'яті графа Гейдена», «Герої оговорочки», «Талановита книжка») тощо. Їх проблематика дуже широка — література і життя народу, принципи ідейності, класовості, народності, комуністичної партійності, взаємозв'язки світогляду і методу митця, новаторство й традиції, реалізм і художня майстерність і т. д.

Поява ленінських праць з питань літератури і мистецтва, як правило, була обумовлена назрілими політичними питаннями часу. Тому найбільш характерною рисою є їх злободенність, наявність точного адресата — пробуджений назріваючими революційними подіями пролетаріат, широкі трудящі маси, з одного боку, а з другого — представники різних реакційних філософських шкіл і естетичних теорій. Звертаючись до конкретної особи чи події (причини виступу), Ленін, як правило, вдається до узагальнення, синтезує факти, і як результат — перед читачем зримо постає весь клас, до якого належав той чи інший названий у праці діяч, чи конкретна суспільно-політична обстановка. Так, говорячи, наприклад, про М. К. Михайловського — публіциста і критика, одного з провідних теоретиків російського народництва, Ленін у статті «Народники про М. К. Михайловського» розвінчує політичну дволикість загалом народництва, в якому досить своєрідно поєднувались революційні і реакційні особливості. І в той же час Ленін кваліфікує Михайловського як вождя лівого крила народництва, відмежовує його від Кабліца—Юзова — репрезентанта реакційного слов'янофільствующого народництва.

Основне положення статті Леніна «Партійна організація і партійна література» своїм вістря було спрямоване проти буржуазно-індивідуалістичних уявлень про стихійність розвитку мистецтва, проти «мистецтва для мистецтва», проти різних символістських теорій, що виникли на ґрунті кантіанства і одержали поширення в деяких прошарках російської (та й не тільки російської) інтелігенції 90-х років. В. Соловйов, Д. Мережковський, А. Беллий, В. Іванов—теоретики символізму та інших форм декадансу — твердили на всі лади, що «безпартійність» митця — головна і обов'язкова умова його творчої «свободи», що мистецтво не залежить від суспільного життя, що краса ніколи не пізнається розумом, а прекрасне тільки те, що подобається всім без розуміння його суті. Цим і багатьом іншим теоретикам-ідеалістам протиставив свою теорію про суспільно-перетворюючу роль літератури і мистецтва В.І. Ленін у вищезгаданій статті.

Досягнуто узагальнення і в інших ленінських літературно-критичних працях, окремі з яких навіть і розпочинаються міркуваннями про те, що саме спонукало їх автора взятись за перо. «Недавно померлий мільйонер, видавець »Нового Времени« А. С. Суворін історією свого життя відбив і виразив дуже цікавий період в історії всього російського буржуазного суспільства»¹ — так розпочинається стаття «Кар'єра»; «журнальчик „Свобода” зовсім поганий» (5, 276) — стаття «Про журнал „Свобода”». В лаконічному вступі дослідження «Пам'яті Герцена» наведено різні міркування про значення письменника в історії Росії в зв'язку з його столітнім ювілеєм, а також висловлено з цього приводу позицію робітничого класу: «Минуло сто років з дня народження Герцена. Вшановує його вся ліберальна Росія, турботливо обходячи серйозні питання соціалізму, ретельно ховаючи, чим відрізнявся революціонер Герцен від ліберала. Помінає Герцена і права преса, брехливо переконуючи, що Герцен зрікся під кінець життя від революції. А в зарубіжних, ліберальних і народницьких речах про Герцена царить фраза і фраза.

Робітнича партія повинна пом'янути Герцена не ради обивательського вихвалання, а для з'ясування своїх завдань, для з'ясування справжнього історичного місця письменника, що відіграв велику роль у підготованні російської революції» (18,8). З наведених прикладів видно, що автор надавав зачинам статей особливої ролі, вони мали оціночне спрямування, гостро актуальний соціально-політичний зміст. Як правило, зачини надто лаконічні і «броскі», виконують функцію експозиційної зав'язки, мають заінтригувати, «притягти» до себе читача, заволодіти його увагою. А поставлені в них проблеми примушували (було потрібно читачеві) простежити за плином авторової думки, знайти розшифрування «коду» основного конфлікту, вияснення якого і становило ціль тієї чи іншої літературно-критичної праці. Кожна з таких праць вражає глибоким знанням історичних, політичних і літературних фактів, поданих в єдиному ключі.

¹ В. І. Ленін, Твори. Вид. 4. Т. 18, стор. 240. Далі цитується за цим виданням. В дужках вказується том і сторінка.

До речі, будь-який літературний факт Ленін розглядає, як правило, на широкому історичному тлі, вдаючись при цьому як до даних суспільствознавчих наук, так і мистецтва (чи усної народної творчості, античної літератури, літератури європейського середньовіччя, епох Відродження і Просвітництва, XIX і початку XX століть —, історію яких знав досконально). Ще в статті «Економічний зміст народництва і критика його в книзі пана Струве», написаній на зорі робітничого руху, В. І. Ленін наголошував, що про «реальні помисли і почуття» реальних людей треба судити тільки з їх дій (1,368). Ця ленінська настанова має безпосереднє відношення і до літературної критики, бо критик, звертаючись до аналізу літературного твору, не може не задуматись над тим, в якій мірі відображається в душі автора і його героїв, в їх думках і переживаннях історичний рух часу, проблеми певного часового відрізка, епохи тощо.

З надзвичайною силою переконання, глибиною наукової аргументації говорив Ленін про найскладніші літературні речі просто і ясно, стисло і сміливо, в «краплині вмів бачити сонце» (в конкретному літературному факті, творчості письменника — весь літературний процес) і, навпаки, на «блисучому морському плесі» (в загальному процесі розвитку літератури) знаходить той факт (окремого письменника), який його цікавив, визначити місце і оцінити його роль, при чому, ніколи не помилитися в тому, що заперечував, і в тому, що возвеличував. Це було під силу тільки воістину великому критику-провидцю. Саме таким і був Ленін, коли недвозначно заявив, що, наприклад, кричущу протиріччями спадщину Л. М. Толстого «бере і над цією спадщиною працює російський пролетаріат» (16, 287). Бо розпізнав могутню силу в творах Толстого, яскраву картину історичної епохи підготовки першої російської революції, народний характер творчості геніального художника. «Велике народне море, що схвильовалося до самих глибин з усіма своїми слабостями і всіма сильними своїми сторонами відбилось у вченні Толстого» (16, 311), — читаємо в статті «Толстой і пролетарська боротьба».

Найвищим критерієм художнього твору для В. І. Леніна була правда життя. Найсвятішим покликанням митця, за Леніним, було служити своєму народові. З цих основних настанов виходив він, коли викривав брехливість і лицемір'я буржуазної преси і літератури, їх намагання відвернути широкі народні сили від актуальних завдань боротьби за соціальне визволення, приховати правду, очернити все для них не вигід. Вже в статті «Пам'яті Герцена», викриваючи ліберальну і реакційну пресу, яка фальсифікувала творчість і революційну діяльність Герцена, Ленін на неспростовних фактах доводить, що на прикладі діяльності великого російського письменника-революціонера російський пролетаріат вчиться «розуміти, що безмежна відданість революції і звернення з революційною проповіддю до народу не гине навіть тоді, коли цілі десятиріччя відділяють посів від жнив — вчиться визначати роль різних класів у російській і міжнародній революції» (18, 14).

Ленін у своїй літературно-критичній діяльності виходив з того, що літера-

тура, як і всі інші види мистецтва, повинна сприяти правильному пізнанню дійсності і її революційному перетворенню. А таку роль може виконати тільки реалістичне мистецтво. Термін «реалізм» Ленін вживав не в спеціальному значенні, а в широкому розумінні, як правдивість, проникнення в найбільш суттєве, закономірність життєвих зв'язків тощо. При аналізі художніх творів Ленін значну увагу приділяв художнім образам як специфічній ознаці літературного твору. В листі до Інесси Арманд в зв'язку з розглядом її брошури про вільне кохання він підкреслює, що в мистецтві поодинокі, індивідуальні факти набувають загального вираження, закономірного, істотного звучання, бо тут, відзначає Ленін, «вся суть в індивідуальній обстановці, в аналізі характерів і психіки даних типів» (35, 141). В цьому, на його думку, і весь смисл реалізму. Правдивість, отже, полягає не у відтворенні окремих фактів і явищ життя, а в змалюванні типового. Фальш роману В. Винниченка «Заповіти батьків» Ленін вбачає саме в тому, що його автор вихопив окремі сторони дійсності, механічно їх об'єднав, і це нагромадження поодиноких явищ і фактів видав за нібито цілісну картину. «Як поодинокі випадки буває, звичайно, в житті все те із «страхить», що описує Винниченко —, пише Ленін І. Арманд. — Але з'єднати їх усі разом і таким чином — значить малювати страхиття, лякати і свою уяву і читача, «затуркувати» себе і його» (35, 107).

З вимог реалізму виходив Ленін, коли аналізував і імпонуючі йому книги. Саме за вдале відтворення правди життя — перших кроків організації Радянської влади в містечку Вєсьєгонську — він високо оцінює книгу О. Тодорського «Рік — з гвинтівкою і плугом», з якою рекомендує „ознайомити як можна більше робітників і селян” (28, 351), бо книги такого плану набагато правдивіші, багатші цінним фактичним матеріалом і корисніші для справи соціалізму, аніж багато газетних, журнальних і книжних праць записних літераторів, які часто за папером не бачать життя (28, 351). Без правдивого змалювання різних сторін життя, за Леніним, не може вийти справді художнього твору, бо — читаємо в рецензії «Талановита книжка» на збірку оповідань А. Аверченка — щоб «талановито писати» про окремі явища життя, «треба їх знати» (33, 97).

Ленін не визнавав у літературі ніяких відступів від правди життя, а в поняття художньої правди включав і зміст і форму художнього твору в їх нерозривній єдності. Саме за реалістичне відтворення російської дійсності, відображення глибоких протиріч розвитку Росії II. половини XIX ст., за високу майстерність, довершеність форми як внутрішнього вияву змісту Ленін високо цінував таких різних за масштабом обдарування¹ художній майстерності письменників, як Чернишевський, Гончаров, Лев Толстой, Салтиков-Щедрін, Чехов, Некрасов, Шевченко, Успенський, Горький, Гете, Золя, Барбюс та ін.²

² Див.: В. Ф. Воробйов: В. І. Ленін про правдивість літератури і мистецтва. «Радянське літературознавство». 1966, № 4, стор. 4.

При цій нагоді хочемо відзначити ту величезну роль, яку надавав Ленін літературній критиці. Микола Валентинов у своїх спогадах наводить роздуми Леніна про значення для нього літературно-критичних праць М. Добролюбова, що стали в літературно-критичній практиці Леніна зразком: «Говорячи про вплив на мене Чернишевського, як про головний, — не можу не згадати про вплив додатковий, відчутний в той час від Добролюбова — друга і супутника Чернишевського. За читання його лекцій в тому ж «Современнике» я також взявся серйозно. Дві його статті — одна про роман Гончарова «Обломов», друга про роман Тургенева «Напередодні» — вдарили як блискавка. Я, звичайно, і до того читав «Напередодні», але річ була прочитана рано, і я поставився до неї як дитина. Добролюбов вибив з мене такий підхід. Цей твір, як і «Обломов», я знову перечитав, можна сказати з підрядковими зауваженнями Добролюбова. З розбору «Обломова» він зробив клич, заклик до волі, активності, революційної боротьби, а з аналізу «Напередодні» — справжню революційну прокламацію, так написану, що вона і по нині не забувається. Ось як треба писати! Коли організовувалась «Заря», я завжди говорив Старовер (Потресову) й Засуліч: «Нам потрібні літературні огляди саме такого роду». Куди там! Добролюбова, якого Енгельс називав соціалістичним Лессінгом, у нас не було»³.

Наведене свідчить, що Ленін цінить у Добролюбова передусім його вміння бачити в аналізованому творі об'єктивну сутність і подати її читачеві емоційно, захоплююче; зв'язати конкретне ідейне спрямування певного твору з актуальними проблемами часу, а відтак надати йому агітаційного звучання. Ленін підкреслює тут і обдарування Добролюбова як майстра гострого критичного пера, бо справжню ідею, за глибоким переконанням Леніна, можна донести до читача, переконати його тільки в високомистецькому, довершеному формою творі.

Про глибоке розуміння завдань літературної критики і її специфіку говорить Ленін і в листі до М. Горького від 7 лютого 1908 р.: «З трьох тем, які Ви намічаєте для збірників (філософія, літературна критика і тактика моменту), — пише Ленін, — півтори відійшли б у політичну газету, в «Пролетарий»: тактика моменту і добра половина літературної критики. Ох, немає добра в окремих, довгих літературно-критичних статтях, що розсипаються по різних напівпартійних і позапартійних журналах! Краще б нам спробувати зробити крок далі від цієї інтелігентської старої, панської замашки, сиріч зв'язати і літературну критику тісніше з партійною роботою, з керівництвом партією. . . Великі літературно-критичні праці — у книги, частково в журнали» (34, 328—9). Ленін не тільки вимагав, але й власною практикою показував, як саме літературну критику треба підпорядковувати завданням партійної пропаганди. Переважна більшість його літературно-критичних праць, як відомо, була опублікована на сто-

³ Сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве». Гослитиздат, М. 1960, стор. 652.

рінках партійних видань і є неперевершеним зразком органічного поєднання розгляду літературного явища з актуальними тодішніми суспільно-політичними проблемами. На першому плані в Ленінових статтях (про що писав і професор С. Шаховський⁴) — невідкладні завдання революційної боротьби, пов'язані з життям трудящих мас, з суспільно-громадськими проблемами. Тому всі Ленінові літературно-критичні праці — політично цілеспрямовані, носять яскраво виражений партійний характер.

Ленін вимагав від літературного критика дохідливості, доказовості, лаконічності. У статті «Про характер наших газет» Ленін рекомендував не давати в газеті довгих статей, замість 200—400 рядків обмежуватись 20—10, приділяти більше уваги не питанням «архіву», а тому, як «робітнича і селянська маса на ділі буде зовсім нове в своїй буденній роботі» (28, 79). В листі до А. В. Луначарського, написаному В. І. Леніним у Женеві в кінці серпня 1905 р., він рекомендував ще й враховувати в кожному конкретному випадку і форму для літературно-критичного виступу. Говорячи про завдання в боротьбі проти пошляків «Іскри» і розколу, Ленін радив Луначарському дати нарис «їх прийомів полеміки». Літературно-критичний нарис на тему, скажемо «Лубочна література». І тут вже розібрати, у кількох розділах на цілу брошуру з цитатами і роз'ясненнями усю цю пошлість Староверова, Мартова та ін. в їх полеміці з «Пролетарием», а також переспіви в «Більшості чи меншості» і т. д. Заплямуйте їх за їх мізерний спосіб війни. Зробіть з них тип. Намалюйте їх портрет на весь зріст за цитатами з них же»* (34, 285—6).

Лаконізм, конкретність, наукова аргументація, об'єктивність використаних даних — риси, притаманні літературно-критичним працям В. І. Леніна. Ленін завжди говорить тільки про конкретне, постійно підкреслює точність наведеного в праці факту, вказує, звідки його взято, як можна перевірити. Особливо багато в статтях Леніна статистичного і інформативного матеріалів. Переконливі своєю абсолютною точністю, узагальнюючим характером, вони використовуються, коли їх автору доводиться говорити про рух мас, вплив партії тощо. При цьому такі матеріали використовуються переважно для підтвердження нових положень, а не для тих, про які говорилось на початку статті.

Літературно-критичні праці Леніна відзначаються своєю дієвістю. Діяти словом, в ленінському розумінні, означало організовано, планомірно змінювати свідомість широких кіл читачів, вказувати їм на конкретні, науково обгрунтовані шляхи розв'язання практичних завдань⁵. Ленін брався за перо у виключ-

⁴ Семен Шаховський: Набатне слово Ілліча. «Літературна Україна», 1969, 18 квітня.

*До речі, надзвичайно вдало ленінську форму фактомонтажу використовували в боротьбі з буржуазно-націоналістичними літераторами пролетарські нисьменники Західної України 20—30-х років, зокрема В. Бобинський, С. Тудор, Я. Галан, М. Калинчук.

⁵ М. М. Карасьов: Ораторська майстерність В. І. Леніна. Товариство «Знання» К. 1962, стор. 4.,

них випадках, коли ніхто не був спроможний глибоко і всесторонньо розібратися в тому чи іншому актуальному питанні. Коли ж він робив це, то блискуче, не залишав каменя на камені від постулатів супротивника. Статті Леніна любовно сприймалися трудящими і водночас викликали переполох у ворожому таборі. Відповіді недругів були надто пискливими і мізерними. Так, наприклад, поява статті «Партійна організація і партійна література» викликала замішання в буржуазно-ліберальній і символістичній пресі, власне, в тій пресі, проти якої вона й була спрямована. З'являються «відповіді» В. Брюсова, Д. Філософова, Д. Мережковського та ін., які, силкуючись показати «невірність» ленінських положень про залежність митця в буржуазному суспільстві, про класовий і партійний характер мистецтва, про лжесвободу буржуазного мистецтва тощо, викривають себе, показують свою політичну ворожість до пролетаріату, що, як справедливо відзначає Б. Мейлах, зайвий раз доводило правоту настанов Леніна.⁶

Мобілізації уваги читача сприяє не тільки початок (зачин), але й вся побудова тієї чи іншої праці Леніна з питань літератури. Якщо у зачині (про що говорилось вище) дається, як звичайно, привід виступу, посилення на факт, вказівка, звідки почерпнуто інформацію, то в наступному, великому абзаці викладається факт, який буде розбиратись у статті. Далі слідує основна частина, яка містить аналіз і тлумачення порушеної проблеми, і в заключенні — практичні висновки. Все це зцементовано, внутрішньо пов'язано між собою, композиційно завершено і займає найбільше три-чотири сторінки друкованого тексту. Така побудова статей сприяє не тільки політичній цілеспрямованості, але й доказовості їх, виявленню сталевої сили ленінської логіки. Вона в значній мірі нагадує структуру логічного доказу: теза, основа (аргументи), демонстрація (спосіб доказу). При цьому сама теза висловлена в кінці статті, а початок ставить питання, на яке відповідає теза. Так В. І. Ленін доводить читачеві свої переконання і погляди на порушені в праці питання. Характерна в цьому плані побудова статті «Соціалістична партія і безпартійна революційність» (1905, 10, 57-62. Питання: яке ставлення соціал-демократії до безпартійних організацій, що посилено виникають в процесі розвитку революційного руху в Росії? Аргументи: безпартійність є байдужість до боротьби класів. Голодна людина в боротьбі за шматок хліба буде завжди «партійною». Демонстрація: якщо так, то безпартійність в буржуазному суспільстві є лицемірне, пасивне, приховане вираження приналежності до партії експлуататорів. Безпартійність є ідея буржуазна. Теза (відповідь на питання): це положення є загальним для буржуазного суспільства. І соціал-демократії в кожному конкретному випадку треба вміти застосовувати його.

За принципом силогізмів побудовані й окремі розділи статей. Так, один з розділів статті «Підсумки піврічної роботи» (18, 156—70) має таку структуру:

⁶ Б. Д. Мейлах, Ленин и проблемы русской литературы. Гослитиздат. М.—Л., 1951, стр. 157.

Питання: можливо, за ліквідаторами іде частина робітників і з ними слід рахуватися? Аргументи: статистичні дані показують, що більшовицькі газети мають 504 групових робітничих зборів, а ліквідаторські — 15. Демонстрація: якщо ліквідатори не змогли одержати групові робітничі збори, значить, вони не мають впливу серед робітників. Теза (відповідь на питання): «ліквідаторство — ніщо в робітничому русі» (18, 156—70).

Оригінальні ленінські літературно-критичні праці й за методикою аналізу художніх творів. Здебільшого вони розпочинаються з характеристики епохи, з вияснення характеру класової боротьби і ролі й місця в ній різних класів. Вище вже наводились зачини ряду статей. Зупинимось ще на працях Леніна про Л. Толстого.

Стаття «Лев Толстой, як дзеркало російської революції» розпочинається співставленням письменника з революцією, далі йде розмова про протиріччя Толстого, їх характер і причини виникнення. Говорячи про світову велич Толстого в статті «Л. М. Толстой», Ленін тут же веде мову і про його епоху, про селянську Росію, змальовану в його творах, про сильні і слабкі сторони творчості геніального художника.

Інформацію про відгуки робітників на смерть Толстого (стаття «Л. М. Толстой і сучасний робітничий рух») Ленін також пов'язує з актуальними проблемами часу, говорить про своєрідність толстовської критики як відображення перелому в поглядах мільйонів селян.

У першому абзаці статті «Л. М. Толстой і його епоха» зроблена спроба встановити істотні ознаки того періоду, «перехідний характер якого породив усі відмінні риси і творів Толстого і „толстовщини» (17, 28). Тут же дано найбільш широку характеристику тодішньої епохи: «Епоха, до якої належить Л. Толстой і яка чудово рельєфно відбилась як у його геніальних художніх творах, так і в його вченні, є епоха після 1861-го і до 1905-го рр. Правда, літературна діяльність Толстого почалася раніше і закінчилась пізніше, ніж почався і закінчився цей період, але Л. Толстой цілком склався, як художник і як мислитель, саме в цей період» (17, 29).

Ствержуючи, що а) епоха відбилась у творчості Толстого і, навпаки, б) перехідний період породив всі відмінні риси творів Толстого, Ленін підкреслює, в) визначальне значення для творчості Толстого тих історичних умов. Щоб знати особливості творчості письменника, треба знати особливості епохи, бо вона визначає його творчість — до такого висновку підводить читача Ленін.

Значну увагу при аналізі літературного твору приділяє Ленін розкриттю його ідейного змісту, як відображення епохи з її протиріччями, боротьбою класів тощо. Глибоко вивчивши, наприклад, творчість Л. Толстого, Ленін переконливо довів, що ідейний зміст його творів породжений епохою, її специфікою, він повністю відповідає настроям, надіям, боротьбі патріархального російського селянства, на точку зору якого і став письменник, рішуче розірвавши з аристократією і її світом. В аналізі В. І. Леніна можна встановити і третій момент —

визначення місця письменника в суспільній боротьбі, вияснення соціальної функції його творів, суспільного значення його творчості загалом. Говорячи про Толстого, наприклад, Ленін стверджує, що Толстой великий як виразник ідей і настроїв багатомільйонного селянства, і в цьому його сила і слабкість. Сила — в критиці сучасного йому ладу, в безстрашному намаганні знайти справжню причину горя селян. Слабкість — в нерозумінні причин кризи і засобів виходу з неї. Ленін розкрив соціальне значення творчості Толстого, соціальну функцію його творів, визначив суспільне значення Л. Толстого — художника, який дав незрівнянні картини російського життя: «Його (Л. Толстого — М. Д.) світове значення, як художника, його світова слава, як мислителя і проповідника, і те і друге відбиває, по-своєму, світове значення російської революції. . . Л. Толстой зумів поставити в своїх працях стільки великих питань, зумів піднестися до такої художньої сили, що його твори зайняли одно з перших місць у світовій художній літературі» (16, 283).

Так же сміливо і точно Ленін визначає і місце О. Герцена в історії літератури й історичній боротьбі, значення діяльності і творів письменника-борця, який рішуче став на бік революційної демократії, борця, що підняв прапор революції (стаття «Пам'яті Герцена»). А в статтях «Початок демонстрацій» (1901), «Замітки публіциста» (1910) та ін. знайдемо яскраву характеристику творчості М. Горького, в якій наголошується й на естетичному значенні творчості великого Буревісника.

Такі основні моменти методики ленінського підходу до творчості письменника. До речі, ці моменти не мають якоїсь схеми і в окремих статтях йдуть в довільній послідовності.

Велике смислове навантаження має у Ленінових літературно-критичних працях слово. Але це тема окремого дослідження.

*

Літературно-критичні праці В. І. Леніна — політично актуальні, глибокі і різноманітні за змістом і формою, прості за побудовою, поєднаною з лаконізмом і полемічною пристрасстю, багаті за мовною тканиною, мали і мають дійовий вплив на весь хід літературного процесу. Для радянських літературознавців вони є неповторною школою ідейного гарту і художньої майстерності.

Свого часу, аналізуючи творчість Л. Толстого, Ленін пророкував йому вічне життя. Саме так можна сказати і про Леніна-критика: зроблене ним для літератури — безсмертне.

Комуністична ідейність — надійний компас літературознавця

Я. П. БІЛОШТАН

Нові умови соціал-демократичної роботи, що склалися в Росії після революції 1905 року, висунули нові завдання і перед художньою літературою. Доконче треба було відобразити в літературі нових людей, показати героїв робітничого класу, який очолив рух усіх трудящих мас і вів їх на боротьбу проти царизму. Ці завдання визначив В. І. Ленін у своїй статті «Партійна організація і партійна література», надрукованій в газеті «Новая жизнь» від 13 листопада 1905 року.

Марксистсько—ленінська концепція завдань соціалістичної літератури органічно поєднує теорію відображення з принципом партійності. Розвиваючи марксистське вчення про класовість літератури і мистецтва, Ленін висунув і науково розробив принцип партійності як свідомого і відкритого обстоювання в художній творчості інтересів пролетаріату.

В комуністичній партійності знаходять вираз і загальносвітоглядна позиція письменника, і його образне мислення, культура емоцій і асоціацій. Партійність реалізується в довершених художніх образах, у живій тканині творів, що стверджують комуністичний ідеал.

Партійність як естетична категорія має пряме відношення як до художньої творчості, так і до науки про літературу і мистецтво. У літературознавстві вона виявляється в методології аналізу літературних явищ, у критерії ідейно-естетичної оцінки твору, в позиції критика, дослідника. Для зрозуміння марксистсько—ленінського принципу партійності доречно нагадати характеристику матеріаліста, яку дав В. І. Ленін. Він писав: по-перше, «матеріаліст розкриває класові суперечності і тим самим визначає свою точку зору. . . з другого боку, матеріалізм включає в себе, так би мовити, партійність, зобов'язуючи при всякій оцінці події прямо і відкрито ставати на точку зору певної суспільної групи».¹

¹ В. І. Ленін, Твори. Вид. 4, т. I, стор. 364. Далі посилання на ленінські тексти подаються за цим виданням з позначенням тома й сторінки.

При читанні творів В. І. Леніна впадає у вічі, що, розглядаючи будь-яке питання, Ленін завжди виходив з того, як вирішення і оцінка цього питання відображається на реальнім становищі робітничого класу, трудящих мас, як воно зв'язане з розвитком революційної свідомості і активності цих мас. У своїй багатогранній — політичній і державній, філософській і літературно-публіцистичній — діяльності В. І. Ленін з властивою йому принциповістю і категоричністю послідовно проводив партійну лінію. Він чітко і ясно висловлював свою думку, давав належну оцінку тим чи іншим прорахункам або помилкам (наприклад, в діяльності Наркомосу), різко критикував неправильні настанови Пролеткульту та інш. Строга партійність як політичний вияв високо розвинутих класових протиріч, класової боротьби, як соціалістична ідея, що її відстоює партія свідомого пролетаріату, виявляється в усіх роботах В. І. Леніна. Так, уже в 1908 році Ленін прагнув створити в політичному органі партії-газети «Пролетарій» відділ літературної критики для того, щоб «зв'язати і літературну критику тісніше з партійною роботою, з керівництвом партією» і друкувати там «систематично статті . . . в зв'язку з партійною роботою. . .» (34, 329).

У практиці радянського літературознавства ленінські принципи і положення теорії відображення, учення про партійність стали визначальними при конкретному аналізі літературного процесу, творчості письменників і окремих творів. Для літературознавців, критиків-марксистів принцип комуністичної партійності є тим компасом, що спрямовує їх. Відкриття справжньої художності, визначення соціально-естетичної та етичної вартості, оцінка художнього твору здавна вважається головним завданням літературного критика, професія якого дуже відповідальна і складна. Він першим бере в руки ще «теплу» книгу письменника і мусить публічно сказати про неї своє вагоме, значуще і обов'язково правдиве слово. Він турбується тим, як виписані людські характери, суспільні ситуації, чи додержано міри життєвої переконливості, чим приваблює твір або в чому його надуманість, абстракність, нетиповість. До голосу критика прислухається і автор твору, і численні читачі. Письменник чекає підтримки, доброзичливої допомоги в своїх шуканнях, в естетичному ствердженні комуністичного ідеалу, хоче побачити сумлінний і кваліфікований аналіз змісту й форми твору, почути в роздумах критика пораду. Читач хоче звірити своє сприйняття образів і ситуацій з думкою критика, краще й тонше розібратися в художніх засобах письменника, в тому, чим він «бере за живе» (В. І. Ленін).

Що й казати! Багато в критика обов'язків. Щоб гідно справитись із своїм завданням, він мусить бути озброєний марксистсько—ленінською теорією і мати здатність самому бачити діалектично складну суть соціальних явищ, конфліктів і типів. Він має чітко розбиратися в тих життєвих, психологічних ситуаціях і особливостях розвитку нового, які стануть основою завтрашнього дня, і на це орієнтувати і письменника, і читачів. Його аргументи мають бути виважені, науково переконливі, умотивовані, конкретно й точно сформульовані.

Виходячи з принципів марксистсько—ленінської естетики, критик насам-

перед аналізує художній твір з погляду його світоглядної основи, виявляє, чи може він служити засобом ідейного збагачення, виховання людей в комуністичному дусі. Потрібен науковий, конкретно-історичний аналіз творів мистецтва в їх ідейно-естетичній єдності.

Критик має співставити художній твір з реальною дійсністю, виявити, наскільки широко і правдиво в ньому відображено сучасний стан, наскільки художня правда його творів збігається з правдою руху життя, тобто чи підтверджує реальний хід історичного процесу ті висновки, до яких прийшов художник, як і чим твір допомагає пізнавати новий світ, формувати нову людину, якою мірою відповідає комуністичним ідеалам народу, як розкриває «найближчі завдання цього моменту» (6, 175). Тут, до речі, не зашкодило б нагадати завжди свіжу думку А. В. Луначарського про те, що письменникові «треба вибирати в цій сучасності те, що робить її багатозначним моментом історії людства . . .».²

Пам'ятаючи, що естетична вага твору визначалась Леніним у зв'язку з правдивістю та ідейно-пізнавальною і виховною функцією, критик мусить сказати своє слово про те, наскільки знайдена і застосована письменником форма сприяє яскравості й дохідливості, естетичному впливу на читача. Адже питання про майстерність форми і засобів відображення дійсності потрібно вирішувати, виходячи з предмету пізнання, ідейно-виховних завдань, з особливостей роду (епос, лірика, драма), виду і жанру твору.

Враховуючи слушний вислів І. Франка: «Кодекс естетичний — життя», потрібно при розгляді новаторства в галузі форми чітко й принципово ставити питання: які ж нові явища життя викликали необхідність застосувати саме ці прийоми, якими естетичними рисами вони позначені?

Талант і досконалість форми лише тоді досягають художніх висот, коли вони узгоджуються з об'єктивними законами розвитку життя, коли твір відображає загально значуще, бо майстерність не обмежується тільки професіональним володінням пером чи фарбами. Справжній талант завжди «бере за живе», збуджує в людині найглибші її почуття. Але без наполегливої праці над розвитком і удосконаленням майстерності не досягти письменникові омріяних вершин. «Техніка — велика справа, — говорив В. І. Ленін. — Художник лише тоді може створити значний твір у мистецтві, коли він набуває віртуозності в техніці . . .»³

Виходить, бажано, щоб критик сам мав здатність «вживатися» в художній образ, у створений фантазією світ письменника, тонко його відчувати і відповідно емоціонально інтерпретувати. Критикові, вченому не протипоказано висловлювати своє почуття. Ленін говорив, що об'єктивне наукове дослідження зовсім не позбавляє автора можливості пристрасно виявити своє ставлення до

² А. В. Луначарский, Собрание сочинений. Т. 2. М., 1964, стр. 545.

³ А. Магарам, Из воспоминаний о В. И. Ленине. «Искусство», 1960, № 4, стор. 34.

фактів, захоплення чи обурення. Хіба «невблаганно об'єктивний аналіз дійсності і дійсного розвитку» забороняє ученому сердитись? — питав Ленін, «... яким чудом можна звідси зробити висновок, що громадський діяч не повинен симпатизувати тому чи іншому класові, що йому це „не годиться?“» (2, 479).

Відомо, з якою симпатією і любов'ю ставився В. І. Ленін до О. М. Горького, О. Серафимовича, як підтримував Дем'яна Бедного, як терпляче улаштовував конфлікти, що іноді виникали між поетом і деякими співробітниками редакції газети „Правда“, підкреслюючи: «Талант — рідкість. Треба його систематично і обережно підтримувати» (35, 68). Тому так щиро радив Володимир Ілліч, щоб Горький «вилікувався» від «хворих вражень», змінивши обстановку Петрограда 1919 року на іншу: «Ви тут, як художник, спостерігати і вивчати не можете. Ви відняли в себе можливість те робити, що задовольняло б художника» (35, 349). Ленін радить пірнути в гущу життя, освіжитися новими враженнями від великих справ і діянь, які вершать трудовий народ, запалений революційним пафосом.

Можна було б навести безліч фактів, які свідчать про те, що Ленін високо цінував творчість тих письменників, які правдиво й талановито розкривають закономірності розвитку життя. Він з любов'ю читав їх твори, дуже часто цитував їх у своїх працях, використовуючи в політичних цілях. Ленін позитивно ставився до автора, коли той об'єктивно і з професійною майстерністю намагався правдиво показати явища життя, і гостро засуджував, коли бачив у творах неправду, обмеженість або тенденційну упередженість.

З цього погляду цікаво простежити за ленінськими підкресленнями і нотабене в тексті книги Г. Уеллса «Росія в імлі» (1921 р.). 11 лютого 1920 року англійський письменник писав М. Горькому: «... Я сподіваюсь, що скоро у вас буде що-небудь нове, яке проллє світло на все те незрозуміле, чудове і страшне, що трапилось в Росії»⁴. Справді, великий письменник-фантаст досить непослідовно сприйняв суперечності нової радянської дійсності. З одного боку, він яскраво малює картину катастрофи старої Росії, з другого — виявляє нерозуміння того нового, що він побачив, тієї творчої народної енергії, яку впевнено спрямовувала Комуністична партія, керована великим Леніним.

Читаючи книгу, Ленін робить свої помітки на найважливіших місцях, виділяючи як помилкові і однобічні уявлення автора, що свідчать про обмеженість політичних поглядів Уеллса, і одночасно підкреслюючи вірні судження, зокрема ті місця, де розповідається про ворожість імперіалістів до Жовтневої революції, про їх прагнення задушити блокадою молоду Радянську державу. Ось слова Уеллса, які Ленін виділив двома підкресленнями: «... факт, суворий і гнітючий, полягає в тому, що рухнула соціальна і економічна система, дуже

⁴ Переписка М. Горького с зарубіжними писателями. Изд-во АН СССР. М., 1960, стор. 65—6.

схожа з нашою і найтіснішим чином з нею зв'язана». Очевидно, В. І. Леніну імпонувала правильна думка письменника про вплив Жовтня на інші країни; певно, Ленін відчув і прихований острах Уеллса за долю Англії.

Позначення Леніна мають яскраво виражений смисл. Вихоплюючи окремі місця, він виявляє до них своє ставлення. Так, прочитавши у Герберта Уеллса: «Марксистська теорія... вселила уявлення — як ми тепер бачимо, надто неясне, — що в Росії буде нове небо і нова земля», Ленін, зрозумівши іронію автора, сам, очевидно, посміхнувся і жирно підкреслив — «буде нове небо і нова земля».

В той же час В. І. Ленін непримиренно ставився до людей талановитих, якщо вони свій талант продавали, віддавали на службу панівним класам, контрреволюції. Після Великої Жовтневої соціалістичної революції частина буржуазної інтелігенції перейшла в табір білогвардійщини. Емігрувавши за кордон, ця «інтелігенція» — писав Ленін —, «поставляє в такі часи безконечну кількість плакальниць за покійником: одна плаче за Установчими зборами, друга — за буржуазною дисципліною, третя — за капіталістичним порядком, четверта — за культурним поміщиком, п'ята — за імперіалістською великодержавністю і так далі, і тому подібне» (27, 238). Ці освічені люди вислужувались перед новими хазяями, паплюжили Радянську владу, більшовиків. Ознайомившись у 1919 році з білогвардійськими закордонними виданнями, Ленін констатував, що «навіть нечисленні, розрізнені номери названих видань дають такий цільний і сильний аромат, що одразу почуваєш себе як у лакейській» (29, 483).

В цій лакействующій компанії подвизався й Аркадій Аверченко, який випустив у Парижі книжку оповідань під хльостким заголовком «Дюжина ножів у спину революції» (1921). Леніна зацікавила книжка «озлобленого майже до запаморочення білогвардійця», і, читаючи її, він з інтересом стежить «за авторською ненавистю, що дійшла до кипіння». Ленін відзначає, що більшість оповідань присвячено тим темам, які Аверченко дуже добре знає, пережив, передумав, то ж і написані вони професіонально, з «вражаючим талантом». В них автор відобразив «враження і настрої представника старої поміщицької і фабрикантської, багатой Росії, що об'їлась і об'їдалась. Так, саме так повинна уявлятися революція представникам командуючих класів» (33, 97) — зазначає Ленін.

Відзначивши, що «вогнем палаюча ненависть робить оповідання... яскравими до разючості», а окремі з них «прямо-таки чудові», Володимир Ілліч підкреслює, що Аверченко «до справжнього пафосу, проте... підноситься лише тоді, коли говорить про їду», коли показує «як їли багаті люди в старій Росії, як закусували в Петрограді — ні» — спохватився рецензент, — «не в Петрограді, а в Петербурзі — за 14 з полтинком і за 50 карб. і т. д.» (33, 98). І далі дотепно глузує: «Автор описує це просто з любов'ю: ось це він знає, ось це він пережив і відчув... Знання справи і щирість — просто надзвичайні» (там же). На авторський вигук, вкладений в уста двох «старичків»: «Що ми їм зробили?»

Кому ми заважали? . . . За що вони Росію так?», Ленін відповідає: «Аркадію Аверченку не зрозуміти, за що, робітники і селяни розуміють, очевидно, без труднощів і не потребують пояснень». В. І. Ленін дав гідну відсіч білогвардійському емігранту від імені робітників і селян, від імені революційного народу і партії комуністів.

Я не випадково докладно спинився на цій ленінській рецензії, опублікованій у «Правде» 22 листопада 1921 року. Справа в тому, що часто в літературознавстві цей відгук згадується якось однобоко, тільки з метою підкріпити вимогливість Леніна до правдивості художнього твору; мовляв, він умів бачити корисне навіть тоді, коли воно було викладене з чужих позицій. Подібне судження, зокрема, знайшло місце в «Краткой литературной энциклопедии»: «Книгу оповідань емігрантського періоду („Дюжина ножів у спину революції», 1921) В. І. Ленін охарактеризував як талановиту книжку, написану з позицій «озлобленого майже до запаморочення білогвардійця. . .»⁵. А тим часом вже з перших двох речень рецензії ясно, що інтерес Леніна обумовлений не так змістом, як особою автора. Леніна цікавлять враження білогвардійця, його спосіб і предмет бачення. Він звертає увагу на обивательську обмеженість світогляду і життєвого досвіду Аверченка, що не дозволило йому охопити коло явищ і побачити революційну дійсність молодої Росії.

Ясно, що рецензія написана з позиції більшовицької партійності і спрямована проти Аверченка, який цілком злився у своєму світосприйманні з «колишніми», отими плакальщиками за «старими добрими часами» миколаївської Росії. Рецензія цікава ще й тим, що вона просвічує ленінську думку на природній дар, талант художника. Якщо світогляд письменника реакційний, якщо на життя, мало йому знайоме, він дивиться упереджено, то це неминуче зменшить правдивість зображення. В творчості талановитого письменника тільки те може стати художнім, що йому добре відоме і правдиво змальоване. Знання побуту багатих людей старої Росії, щирість у злобі викликали сильні місця книжки Аверченка. Але одна тільки ненависть до революції, без знання справи, без уміння побачити головне в ній, обумовила надзвичайну слабкість книги в ідейно тематичному відношенні. Один лише талант, навіть помножений на професійну майстерність, ще не забезпечує художності твору. Цю істину варто пам'ятати літературознавцю завжди.

Рецензія Леніна — зразок літературної публіцистики, в якій в єдине сплавлені принцип більшовицької партійності, науковий літературознавчий аналіз і яскравий лаконічний виклад.

Як відомо, суб'єктивно-ідеалістична філософія заперечує роль свідомості в процесі художньої творчості. Популяризуючи її естетику, німецький емпіріокритик І. Петцольд у своїй книзі «Проблема мира с точки зрения позитивизма»

⁵ Краткая литературная энциклопедия. Т. I. М., 1962, стор. 56.

цілком виключає пізнавальну і виховну функцію мистецтва. Він заявляє: «Твори мистецтва не ставлять своїм завданням повчати людину», вони мають „тільки служити потребі насолоди, потребі дивитись і слухати»⁶.

Сучасна модерністська естетика Заходу живиться ідеями суб'єктивно-ідеалістичної філософії й рекомендує письменникам і читачам взагалі звільнитися від контролю розуму, віддатися цілком владі підсвідомого, бо нібито й сам світ перебуває в хаосі, в ньому все алогічне, безсистемне. Тому сюрреалісти вважають, що людину треба поставити над об'єктивною реальністю, ввести її у «вищу реальність», створену химерною уявою письменника.

Марксистсько—ленінська естетика — партійна. То ж природно, що й для літературної критики принцип комуністичної партійності є визначальним і він не дозволяє «зігнутися до точки зору загальнодемократичної замість точки зору пролетарської» (35, 91).

⁶ И. Петцольд, Проблема мира с точки зрения позитивизма. Изд. «Шиповник», СПб., 1909, стор. 50.

Тема дружбы народов в творчестве Леси Украинки

Н. И. ЖУК

Певцом свободы и братства народов, пламенным пропагандистом идеи пролетарского интернационализма вошла в сознание всего прогрессивного человечества выдающаяся украинская писательница конца XIX — начала XX в. Лесья Украинка (литературный псевдоним Ларисы Петровны Косач, 1871—1913 гг.). Ее многогранное творчество — лирика, поэмы, драматургия, критика, публицистика — поражают глубиной философской мысли, политической остротой и общественной значимостью тем и проблем, революционной целенаправленностью, непоколебимой верой в светлое будущее трудового народа, высоким мастерством и своеобразием поэтического стиля. Воспитанная на лучших образцах отечественной и мировой классической литературы, украинская писательница восприняла и последовательно развивала в новых исторических условиях великие традиции революционных демократов Шевченко, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и в своем идейном развитии, как и ее выдающиеся современники И. Франко, П. Грабовский, М. Коцюбинский, шла от революционного демократизма к научному социализму.

Литературная и общественная деятельность Леси Украинки была тесно связана с пролетарским освободительным движением в России. Ему отдавала писательница — «друг рабочих» все силы, «сеяла разумное, доброе, вечное» — писала большевистская газета «Рабочая правда»¹.

Родилась Лариса Петровна и воспитывалась в демократически настроенной семье, где высоко ценились литература, искусство, музыка. Отец ее, Петр Антонович Косач, человек прогрессивных взглядов, занимал должность председателя мировых посредников в Новоград-Волынской губернии. Мать, Елена Петровна Драгоманова — Косач, — украинская писательница, выступавшая под псевдонимом О. Пчилка.

Детские годы будущей поэтессы прошли в волыньских селах в постоянном общении с крестьянами и их детьми. Развитию свободолюбивых настроений

¹ Дооктябрьская, «Правда» об искусстве и литературе. Гослитиздат. М., 1937, стр. 191.

юной Леси (так называли девочку родные) способствовало то, что в семье Косачей свято хранились революционные традиции. Ее дед Яков Драгоманов принимал участие в декабристском движении, а дядя М. Драгоманов был политическим эмигрантом и жил в Болгарии. Родные сестры ее отца — Александра Антоновна и Елена Антоновна подвергались репрессиям царского правительства как активные деятельницы революционного народничества. Близкими друзьями семьи Косачей были известные прогрессивные украинские писатели М. Старицкий, И. Франко, О. Кобылянская, прославленный композитор Н. Лысенко.

С детства Леся удивляла всех исключительными способностями, трудолюбием, жадной к знаниям. В 1881 г. она уехала в Киев учиться, но вскоре случилась беда — на 12-м году жизни она заболела костным туберкулезом, поразившим впоследствии весь организм. Пришлось пережить несколько мучительных операций, надолго быть прикованной к постели, лежать в „гипсовых оковах“, жить продолжительное время вдали от родины — в Крыму, на Кавказе, в Болгарии, Италии, Австрии, Египте. . . Преодолевая тяжелый физический недуг, терзавший ее всю жизнь, Леся упорно трудилась — изучала историю, географию, иностранные языки и в совершенстве овладела не только славянскими и основными европейскими языками, но хорошо знала древнегреческий и латинский. Благодаря этому она имела возможность знакомиться с классическими и новыми произведениями литературы и искусства в оригинале и со временем стала одним из самых образованных писателей. В письме к матери Леся писала: „Если у меня и в самом деле есть талант, то он не погибнет —, ведь это не талант, который погибает от туберкулеза или истерии! Пускай и мешают мне эти болезни, но зато, кто знает, не куют ли они такое оружие, какого нет у других, здоровых людей»².

Писать стихи Леся начала в 9-летнем возрасте. Свое первое стихотворение «Надежда» она посвятила сосланной в Сибирь Елене Антоновне Косач. В 1884 г. львовский журнал «Зоря» опубликовал стихотворение 13-летней поэтессы «Ландыш», подписанное нежным поэтическим именем Леся Украинка, ставшим ее постоянным писательским псевдонимом.

Вспоминая начало своего творчества, юная поэтесса писала:

«На шлях я вийшла раною весною
І тихий спів несмілий заспівала».³

В скором времени эта робкая, тихая песня вылилась в пламенный боевой призыв к борьбе против капиталистического рабства и насилия.

² Леся Украинка, Собр. соч. в четырех томах. Т. IV. ГИХЛ, М., 1957, стр. 299.

³ Леся Украинка, Твори в десяти томах. Т. I. ДВХЛ, К. 1963, стр. 87.

Развитие рабочего движения в России и на Украине, деятельность революционных социал-демократических кружков, борьба марксистов и в частности В. И. Ленина против ошибочных взглядов народников — все это помогает Лесе Украинке подняться на уровень самых передовых идей своего времени, осознать историческую роль рабочего класса как могильщика капитализма и строителя нового коммунистического общества, воспитать в себе благородные чувства патриотизма и интернационализма. В стихотворении «Досвітні огні» (1892 г.) поэтесса приветствует вышедший на политическую арену рабочий класс, выражая уверенность в том, что именно огни, зажженные рабочей рукой, осветят человечеству путь к свободе и счастью.

Тема революционной борьбы и братского единения трудящихся всех национальностей в этой борьбе становится центральной в творчестве Леси Украинки. В 1893 г. во Львове выходит первый сборник ее стихотворений «На крилах пісень». И. Франко, справедливо считая Лесю Украинку достойной наследницей и продолжательницей революционных традиций великого народного поэта Украины Т. Шевченко, в статье о ее творчестве в 1898 г. писал: «Со времени Шевченковского «Схороните и вставайте» Украина не слышала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабосильной больной девушки».⁴

В стихотворениях «Досвітні огні», «Contra spem spero», «Сон», «Товаришці на спомин», «Коли втомлюся я життям щоденним», «До товаришів», «Fiat pox», «Слово, чому ти не твердая криця...», «Порвалася нескінчена розмова» и др. слышится пламенный призыв к революционной борьбе за свободу трудящихся. Осуждая буржуазно-помещичий строй, где господствуют деспотизм и национальная вражда, где под патриотизмом понимают «злобу к чужеземцам», юная поэтесса создает яркие образы мужественных революционеров, видящих смысл жизни в борьбе с тиранией.

Творчество Леси Украинки приобрело еще более четкое революционное направление, когда она со второй половины 90-х гг. сблизилась с участниками революционного социал-демократического движения в России и на Украине, с марксистскими кружками. Близким другом поэтессы был активный деятель Киевской, затем Минской социал-демократической организации, пламенный пропагандист марксизма С. К. Мержинский, оказавший большое влияние на ее политическое развитие. При содействии С. Мержинского и видного пропагандиста марксизма на Украине П. Тучапского — делегата Первого съезда РСДРП — Лесья Украинка включается в подпольную работу, изучает труды великих классиков научного социализма — Маркса, Энгельса, Ленина и пропагандирует их среди населения, переводит на украинский язык «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса, «Очерки материалистического понимания истории» итальянского

⁴ І. Франко, Твори в двадцяти томах. Т. 18. ДВХЛ, К., 1955, стр. 247.

философа А. Лабриолы. В 1900—1901 гг. в петербургском прогрессивном журнале «Жизнь», где печатались работы В. И. Ленина, рассказы Горького, Серафимовича и других революционных писателей, Леся Украинка публиковала свои литературно-критические статьи, свидетельствующие о глубоком и плодотворном влиянии марксистских идей на ее мировоззрение. Как и русские критики-марксисты А. Луначарский, В. Воровский, М. Ольминский, она вела борьбу с различными формами буржуазной идеологии, резко критиковала буржуазно-националистическую, декадентскую литературу, справедливо усматривая в теории «искусство для искусства» стремление реакционно настроенных писателей отвлечь внимание трудящихся от насущных задач революционной борьбы. Достаточно прочесть ее литературно-критические статьи «Малорусские писатели на Буковине», «Заметки о новейшей польской литературе», «Два направления в итальянской литературе», «Новейшая общественная драма», чтобы понять, как беспощадна была писательница к носителям реакционной идеологии и в отечественной и зарубежных литературах.

В 1901 г. в послесловии к украинскому переводу брошюры польского социалиста Дикштейна «Кто чем живет» Леся Украинка в популярной форме изложила учение Маркса и Энгельса о классовой борьбе, о необходимости организации политической партии рабочего класса и провозгласила принцип пролетарского интернационализма: «Сознательные рабочие не должны обращать внимание на то, кто из них какой веры или какой национальности (рабочий — немец, например, не должен считать, что он лучше поляка, поляк — русского, русский — украинца и т. д.), они должны единодушно держаться вместе, так как у них у всех один враг — класс богачей, капиталистов, который пользуется трудом рабочих. Вот потому-то для каждого рабочего должны быть святы слова: рабочие всех стран, соединяйтесь!»⁵

Часто выезжая за пределы Украины, Леся Украинка распространяла ленинскую «Искру» и другую марксистскую литературу. Она все больше и больше убеждалась, что борьба за социальное и национальное освобождение всех народов, в том числе и украинского, немыслима вне революционного социал-демократического движения и в 1899 г. писала: «Это слишком универсальное движение для того, чтобы могла украинская нация обойтись без него.»⁶

Развитие революционного мировоззрения и революционной деятельности Леси Украинки оказало благотворное влияние на ее творчество. В 1899 г. выходит в свет второй сборник ее стихотворений «Думи і мрії», в 1902 г. третий — «Відгуки». Организационный комитет по подготовке II съезда РСДРП в одну из своих прокламаций включил наполненные революционным пафосом строки из стихотворения поэтессы: «Слово, чому ти не твердая криця...» сразу же после гордого девиза «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

⁵ Леся Украинка, Собр. соч. в четырех томах. Т. IV. ГИХЛ, М., 1957, стр. 164.

⁶ Леся Украинка, Твори в десяти томах. Т. IX. ДВХЛ, К., 1963, стр. 362.

Страстным призывом к борьбе против капиталистического рабства, героическими мотивами, романтической взволнованностью творчество великой украинской поэтессы было близко к творчеству первого пролетарского писателя России А. М. Горького. Идейная зрелость и высокое художественное мастерство обеспечили произведениям Леси Украинки мировую славу. Много новых страниц открыла писательница в постановке и решении различных философских проблем, в тематике, в развитии жанров, в строфике и ритмомелодике стиха. Знаменательно, что все это поэтическое богатство ничего общего не имело с формализмом, а было направлено на глубокое правдивое отображение реальной действительности.

За свою короткую жизнь писательница видела жизнь народов разных стран. Рабочие Генуи, крестьяне-бедняки Болгарии, феллахи Египта, гордые сыновья кавказских гор, угнетенные царизмом якуты — все трудящиеся, независимо от их национальной принадлежности, как и трудящиеся ее родной Украины, были ей близкими и дорогими. Пламенный патриот и убежденный интернационалист Леся Украинка беспощадно разоблачала шовинизм, буржуазный национализм во всех его проявлениях. Любовь к своему народу в ее свободолюбивой душе органически сливалась с благородным чувством дружбы народов. Свое призвание, свой долг поэта она видела только в революционной борьбе за лучшее будущее трудового народа всех наций и рас. Идея дружбы народов, братского единения трудящихся всех стран нашла свое яркое воплощение в многогранном ее творчестве различных жанров. Одним из лучших произведений на эту тему является стихотворение «Дим» (1903 г.), написанное под впечатлением путешествия в Италию. В дальней дороге поэтессу не покидают мысли о родине, она тоскует, и поэтому все в родном крае кажется прекрасным. Теперь ей особо близкие и понятные слова Чацкого из комедии Грибоедова «Горе от ума»: «И дым отечества нам сладок и приятен». Она вспоминает села родной Волыни, окутанные по вечерам густым дымом. Этот едкий дым не подавляет, а, наоборот, вызывает радостное чувство — он сулит людям, возвращающимся с работы, отдых и ужин. Перед поэтессой открывается панорама бездымных итальянских сел, полей, «І слово «чужина» бриніло в думці за кожним стуком поїзду прудкого». Облегченно вздыхает она, узнав, что

«...хутко Генуя, там і спочинок,
Там буде море, і веселе небо
І давнє місто гордої краси
Одважного і вільного народу...»

Но город был покрыт какой-то серой мглой. Вначале поэтесса подумала, что эта мгла — морской туман, и в недоумении обратилась к сидящему рядом господину: «Добродію, чи се тут часто з моря такий туман встає?» В ответ услышала, что это не туман, а дым фабричный. «Багатство наше отут росте!» —

гордым жестом руки указал господин на лес фабричных труб. Внимательно всматриваясь в окружающее, поэтесса богатства не заметила. «У фабриках не кришталеві стіни, а з вікон те багатство не світилось, за вікнами щось темне маячіло...»

Тяжело поразило Лесю Украинку итальянское предместье, где в страшной нищете жили те, кто создавал богатство для господ:

«Чорні,
закурені стояли там будинки,
Суворі та непишні. По будинках
До вікон хустя прип'ялось, мов злидні,
Що їх ні в двері, ні в вікно не випреш,
А з вікон визирали, мов привиддя,
Якісь бліді невільницькі обличчя».

Мрачная картина рабочего квартала, где все покрыто густым черным дымом, производит на поэтессу удручающее впечатление, порождает протест против эксплуататоров и чувство братской солидарности с рабочими Италии. Она вспоминает города в родной стране, покрытые таким же дымом,

«Що не гризе очей, притьмом не душить,
А тільки небо ясне застилає,
І краде людям сонечко веселе,
П'є кров з лица, і гасить людський погляд,
Обличчя білить і чорнить одержу,
І барви всі рівняє сивизною».

Дым в стихотворении, как не трудно заметить — символ капиталистической эксплуатации. Под впечатлением увиденного, поэтесса приходит к выводу, что во всех капиталистических странах жизнь рабочих одинаково тяжела и бесправна:

«Той дим проник мені у саме серце,
І стиснулось воно, і заніміло,
І вже не говорило: чужина.»⁷

В цикле стихов «Єгипетські фантазії» (1900 г.) также противопоставляется жизнь трудящихся и их угнетателей. В скульптуре сфинкса («Сфінкс») — льва с человеческой головой — мастер-раб отобразил то, чем жил он сам и его народ.

⁷ Леся Українка, Твори в десяти томах. Т. I. ДВХЛ, К., 1963, стр. 311—2.

Гордо поднятая голова сфинкса как бы подчеркивала силу его творца, а «улыбка злая» — презрение к угнетателям, веру в бесславный конец всех фараонов.

Деспотичная царица Ра-Менеис («Ра-Менеїс») стремилась превратить народ своей страны в безропотных рабов, тысячами гибли они на строительстве памятника ей — пирамиды. Певцы слагали в ее честь хвалебные песни. Властолюбивая и гордая Ра-Менеис мечтала увековечить свое имя, но народ рассудил иначе. Восставшие уничтожили все, что напоминало о жестокой тщеславной царице, а ее мертвое тело забросили в пески. Леся Украинка утверждала, что подлинным хозяином жизни должен быть народ — творец всех материальных и культурных ценностей. Эта же мысль нашла свое глубокое воплощение в стихотворении «Напис в руїні» (1904 г.), созданном также на материале древней истории Египта. Используя художественный прием контрастного параллелизма, поэтесса клеймит тиранов — царей и противопоставляет им величие и силу угнетенных народов.

Египетский царь, как и Ра-Менеис, стремясь увековечить себя, приказал рабам построить ему памятник — пирамиду. На этой страшной «египетской» работе гибнут миллионы рабов — деспот-царь действует по принципу «да сгинет раб!» Но время сделало свое: имя царя стерлось, а пирамида превратилась в памятник ее создателю — народу. Поэтесса с радостью замечает:

«І кожна цегла, статуя, колона,
Мережечка, різьба і малювання
Незримими устами промовляє:
Мене створив єгипетський народ
І тим чим він своє імення вславив.»

Она обращается к ученым и поэтам со страстным призывом не утруждать себя поисками исчезнувшего имени царя:

«З його могили утворила доля
Народу пам'ятник — хай згине цар!»⁸

«Єгипетські фантазії», «Напис в руїні» створювала Леся Українка на матеріалі різних історических джерел, легенд. В 1909 г. по совету врачей она отправилась на лечение в Египет и в скором времени в письме к матери восторженно писала о египетской культуре: «Видели мы огромные пирамиды и огромного сфинкса — это действительно что-то единственное во всем мире! Никакие картины, фотографии и т. п. не могут дать настоящего понятия о душе этих каменных существ. Особенно сфинкс — у него тысячелетняя душа, живые

⁸ Там же, стр. 331.

глаза, прозирающие как бы в вечность. А какой там пейзаж перед глазами у сфинкса!... Не разочаровал меня Египет, а еще больше очаровал, и теперь только я поняла до конца его гениальный талант, когда побывала в Каирском музее.»⁹

В 1910 г. по следам живых впечатлений был написан Лесей Украинкой поэтический цикл «Весна в Єгипті», в котором она снова выразила свои братские чувства к египетским трудящимся, поработаным английскими империалистами.

В стихотворении «Афра», описывая палящее солнце Египта, знойную афру — жару, поэтесса с гневом осуждает колонизаторов, безжалостно грабивших богатства, созданные руками трудолюбивых феллахов. Вооруженные отряды солдат-поработителей оказываются страшнее афры:

«Ой, звідки се вирвався свист?
Сурмлять у сурми і гатять у різкі тарабани!
Гей, схаменіться!...
Навіщо? Хто вашого співу хотів?
Їм байдуже! Гучно силу свою англічани
берегом Нілу несуть, щоб Єгипет почув і тремтів.»¹⁰

Поэтесса видела, что в глазах феллахов, еще послушно работающих на колонизаторов, горел огонь ненависти и протеста, и верила, что народ Египта поднимется на борьбу и освободится от колониального ига.

Глубокая любовь и уважение к народу Египта ярко выражены и в стихотворении «Таємний дар». Поэтесса была очарована оптимизмом, жизнелюбием, трудолюбием и человечностью трудящихся Египта:

«Бачу, єгиптянок очі сміються з-під чорних серпанків,
Жінку Іслам пригнобив, але очі zostалися вільні!

Весь у червонім іде водонос, — мов жартуючи, дзвонить
Ясним начинням і швидко жадібному люду
воду холодну солодку з важкої баклажки вділяє.

Вбогі феллахові діти пустують безжурно навколо.
Жваві маленькі головки! Цікаві очиці зорять...»¹¹

⁹ Леся Українка, Твори в десяти томах. Т. X. ДВХЛ, К., 1963, стр. 282.

¹⁰ Леся Українка, Твори в десяти томах. Т. I. ДВХЛ, К., 1963, стр. 395.

¹¹ Там же, стр. 398.

В лирике, поэмах и особенно в драматических произведениях Леся Украинка, как и выдающиеся писатели мировой литературы — Софокл, Шиллер, Гете, Гейне, Мицкевич, Петефи, Пушкин и ее соотечественники — Шевченко, Франко, часто брала темы и сюжеты из мифологии, истории и литературы разных эпох и разных народов, но всегда разрабатывала их оригинально, по-своему. Сознательно раздвигая национальные рамки украинской литературы, писательница на таком обширном материале ставила и решала политически актуальные для своего времени проблемы, прибегала к широким философским обобщениям, создавала образы-символы, имеющие большое общественное и воспитательное значение. В то же время, твердо стоя на реалистической почве, она не отрывала своих героев от исторической эпохи, в которой они жили и действовали. Ее героини не «рупоры идей», а полнокровные живые люди, действующие в конкретно исторических условиях своего времени и своей страны.

В многогранном творчестве Леси Украинки наряду с жизнью украинского народа отображена жизнь народов древнего Востока (Вавилон, Иудея, Египет), античного мира (Греция, Рим), времен средневековья, великой французской революции, современной ей эпохи. Важное место в ее произведениях занимает славянская тематика. Леся Украинка прекрасно знала русскую, болгарскую, сербскую литературы, народный эпос и на этом материале создавала свою поэзию, писала литературно-критические статьи. Необходимо подчеркнуть, что писательницу прежде всего интересовал такой материал, содержанием которого была борьба народов против всех видов социального, религиозного и национального гнета. Яркое подтверждение этого — ее поэмы «Роберт Брюс — король шотландський», «Віла-посестра», «Одно слово», «Бранець»; драматические произведения «Вавілонський полон», «На руїнах», «В домі родини, в країні неволі», «В катакомбах», «Касандра», «Руфін і Прісцилла», «У пуші», «Адвокат Мартіан», «Оргія».

Украинский советский писатель Л. Первомайский справедливо отмечал две величайшие заслуги Леси Украинки перед украинской культурой. Первая та, что она ввела мировую, общечеловеческую проблематику в украинскую литературу и тем самым подняла эту литературу на уровень литературы мировой. А вторая — заключается в том, что национальный украинский материал она также подняла на мировой уровень. «Только в творчестве Леси Украинки впервые в истории нашей литературы национальное перерастает в общечеловеческое. Самым ярким примером этого есть ее шедевр, вершина всего её творчества — „Лесная песня“», — писал Л. Первомайский.¹²

Драма-феерия «Лісова пісня» написана Лесею Українкою в 1911 г. на материале украинского фольклора. В ней воплощена заветная мечта поэтессы о светлом будущем человечества, где не будет места эксплуатации, мешанской

¹² Л. Первомайский: Наша великая современница. Газета «Радянська Україна». 24 февраля 1946 г.

пошлости, эгоизму, корыстолюбию, где человек навсегда забудет о нищете, голоде, унижении и сможет заниматься свободным, сознательным, радостным трудом. Жанр драмы-сказки обусловил наличие в пьесе множества фантастических образов, взятых из украинской народной мифологии. Их жизнь тесно связана с жизнью людей. Все персонажи пьесы являются воплощением двух противоборствующих сил. Одна — свободолюбивая, утверждающая победу всего светлого, радостного над пошлостью, серым, будничным прозябанием, ограниченным узким кругозором мещанских, частнособственнических интересов, а другая — враждебная, реакционная сила, стремящаяся уничтожить все живое и прекрасное. Фантастический образ обаятельной, нежной лесной русалки Мавки, созданный народной фантазией, выступает в пьесе воплощением всего лучшего, светлого, благородного и возвышенного. Несмотря на трагический конец, пьеса утверждает оптимистическую мысль о неминуемой победе творческой свободной жизни над собственническим миром.

Леся Украинка была верной и достойной дочерью своего народа, идейно убежденным выразителем его дум и чаяний, и это дало ей силу подняться до вершин мировой поэзии. Она — наша великая современница. Никогда не померкнет то истинно интернациональное, что заключено в ее бессмертных произведениях и что духовно обогащает всех честных людей мира, воспитывая их в духе революционного гуманизма и интернационализма.

La légende de Moïse le Hongrois

E. IGLÓI

Dans les monuments de l'ancienne littérature russe, on relève de nombreux endroits concernant la Hongrie.¹ Parfois, il ne s'agit que de mots isolés qui renvoient aux Hongrois (p. ex. dans le „Chant de la ruine de la terre russe”); d'autres fois, de passages plus importants. Comme exemples, on peut citer la Chronique de Nestor, les récits concernant les Hongrois dans les annales de Kiev et de Galicie ou l'histoire de Drakoula dont quelques épisodes se passent dans les châteaux de Buda et de Visegrád, à l'époque de Mathias Corvin. Deux monuments de l'ancienne littérature russe attirent, par leurs titres déjà, l'attention du chercheur des rapports historiques et culturels hungaro-russes. L'un relate l'échec de la troisième campagne à Pskov du roi polonais Étienne Báthori; l'autre est la légende d'un moine, d'origine hongroise, du XIe siècle. Cette légende a été conservée dans le Patérik du monastère des Cryptes de Kiev. Dans notre étude, nous proposons de faire connaître la genèse de cette légende, à peine connue en Hongrie, et d'en analyser le mode de représentation.²

*

L'histoire du monastère des Cryptes de Kiev est inséparable de celle de l'État russe de Kiev. Sur la terre russe, convertie au christianisme, les foyers de la nouvelle foi, les monastères, naissent l'un après l'autre au XIe siècle. Au point de vue de leur origine et de leur situation, la plupart des monastères russes étaient des monastères dits princiers. D'autres furent fondés par les moines

¹ TRÓCSÁNYI ZOLTÁN: Magyar nyomok az orosz irodalomban Gorkijig (Traces hongroises dans la littérature russe jusqu' à Gorki). Magyar Nyelvőr 1949, pp. 49—55.

² La légende de Moïse le Hongrois est mentionnée, en dehors de l'article de Trócsányi, dans les travaux suivants: IVAN FRANKO, Kisoroszok (Petits Russes). HEINRICH GUSZTÁV, Az uralaltáji és szláv irodalom története (Histoire des littératures slave et ouralo-altaïque). Budapest, 1908. BONKÁLO SÁNDOR, Az orosz irodalom története (Histoire de la littérature russe). Budapest, 1925. I, p. 114.

eux-mêmes, grâce aux donations des riches. Parmi les quelque 70 monastères créés durant la période kiévienne, le monastère des Cryptes à Kiev est le seul qui ait été fondé sans le secours de personnalités laïques et même indépendamment des autorités ecclésiastiques, dans le seul but de permettre l'exercice de l'ascèse.³ C'est en relatant les événements de l'an 1051 que la Chronique de Nestor russe mentionne la fondation du monastère. Cette année, Hilarion, prêtre de Kiev, fut nommé métropolite de toute la Russie par Iaroslav le Sage. Selon le renseignement des annales, un Russe, nommé Antoni et originaire de Lioubetch, étant devenu moine sur le Mont Saint (à Athos), s'installa, après son retour en Russie, au bord du Dniepr, dans la grotte abandonnée par Hilarion qui avait été promu entre temps à la plus haute dignité de l'église chrétienne, et c'est ainsi que furent jetées les bases du monastère des Cryptes. En réalité, la fondation du monastère dut avoir lieu à une date antérieure; du moins, si l'on s'en tient aux conclusions d'A. Chakhmatov, tirées de certaines indications des légendes contenues dans le patérik du monastère, la grotte d'Antoni, maître respecté de la vie ascétique, était le sanctuaire des ascètes dès le début des années 30 du XIe siècle. L'un des premiers disciples d'Antoni était précisément le héros de notre légende, Moïse le Hongrois, qui y séjourna dès 1031, précédant, par conséquent, l'igoumène Féodosi, le successeur célèbre d'Antoni.⁴

Malgré le dessein du fondateur, ce monastère ne resta pas une assemblée d'ascètes tournant le dos au monde terrestre. Dans la deuxième moitié du XIe siècle, au temps des Iaroslavitch (fils de Iaroslav le Sage), le monastère des Cryptes est déjà le monastère le plus important de la terre russe: centre idéologique et culturel, avec d'importantes ressources matérielles. Sa situation est déterminée par les circonstances de sa fondation: ce n'est pas un monastère princier, il ne doit donc obéissance à aucun prince, c'est en même temps une institution relativement indépendante même sur le plan ecclésiastique et il peut, par conséquent, prêter appui aux princes progressistes. Aux XIe—XIIe siècles, le monastère lutte avec vigueur contre les aspirations dominatrices de Byzance qui se manifestent sous des couleurs religieuses, et il fait des efforts pour liquider le foyer des différends princiers. Les habitants du monastère des Cryptes mettent l'idéologie chrétienne au service de l'ordre féodal. En dehors de leur Église, ils servent la classe dominante à laquelle appartient, par leur origine, la plupart des moines. C'est ainsi que des rapports s'établissent, dès le milieu du XIe siècle, entre le monastère des Cryptes et la classe féodale russe, phénomène qui n'est pas du tout isolé. „Les monastères russes étaient d'un

³ В. А. Келтуяла: Курс истории русской литературы. Ч. I. кн. I. С.—Петербург, 1906, стр. 650—1.

⁴ А. А. Шахматов: Житие Антония Печерского. ЖМНП, ч. III, 1898, стр. 105—49.

caractère aussi aristocratique que ceux de l'Europe catholique médiévale, et ils ne servaient point de refuge pour des ascètes fuyant le monde et cherchant la solitude."⁵

Les monastères russes vivaient généralement dans l'aisance. On sait que, dès les XVe—XVIe siècles, ils possédaient une grande partie des terres cultivées. Tel ou tel domaine monastique égalait parfois celui d'un prince. Le monastère des Cryptes à Kiev était propriétaire de terres dès le milieu du XIe siècle, donc une dizaine d'années après sa fondation: il possédait plusieurs villages. Les revenus et les biens du monastère provenaient principalement des dons d'argent et de terres, exigés de ceux qui voulaient entrer au monastère. Il est donc naturel qu'un candidat riche et de haute naissance y trouvait un accueil plus favorable que celui qui désirait servir le Seigneur des Cieux sans pouvoir fournir de biens terrestres. Dans la légende de Féodosi, Nestor raconte les malheurs du jeune homme que les moines du monastère ne voulaient pas admettre parmi eux, l'ayant pris pour un simple paysan russe, à cause de sa tenue négligée.

Le patérik du monastère des Cryptes à Kiev témoigne de la sainteté et de l'ascétisme des moines, de leur lutte contre le diable. En réalité, les moines étaient bien loin de donner tout leur temps au recueillement. Les prières et la politique ne s'excluaient pas pour eux, ils faisaient entendre leur opinion dans chacune des affaires de l'Église et de l'État, et même le prince de Kiev devait compter avec leurs prises de position. À côté de la politique, les moines s'occupaient de choses plus terre à terre. Il y avait parmi eux des artisans et des jardiniers, des gens connaissant l'art de guérir ou de peindre des icônes. Cependant conformément à sa destination véritable, le monastère était, avant tout, une école et un centre culturel et littéraire. C'est ce monastère qui fournissait, pendant des siècles, la plupart des cadres de la haute hiérarchie ecclésiastique russe. Au lieu de réglementer la vie monastique d'après les règles traditionnelles des monastères byzantins, l'igoumène Féodosi rétablissait les sévères règlements de Stouditès, oubliés à Byzance depuis longtemps. Ceux-ci ordonnaient, entre autres, l'utilisation d'au moins 26 livres ecclésiastiques pour les diverses cérémonies. L'article 26 exigeait la création de toute une bibliothèque: „Vous êtes tenus de savoir que les jours où nous ne faisons pas de travail physique, les moines, appelés par le bibliothécaire, se réunissent dans la salle de lecture, prennent un livre et lisent jusqu'au soir. Avant qu'on ne sonne les vêpres, le bibliothécaire fait signe de rendre les livres. Et celui qui tarde à les rendre sera frappé d'épitimie.»⁶

Les règlements monastiques exigeaient donc des moines une certaine culture. À côté de ceux qui ne savaient que lire les livres ecclésiastiques, d'au-

⁵ М. М. Тихомиров, Древнерусские города. М., 1956, стр. 179.

⁶ Е. Голубинский: История русской церкви. Т. I, стр. 781.

tres, assez nombreux, exerçaient, à un niveau artistique, le métier de copiste. C'est parmi les copistes des livres d'Église qu'on cite Moïse le Hongrois. D'après les sources contemporaines, il possédait lui-même une belle bibliothèque. Après la mort de leur propriétaire, ces livres enrichirent la célèbre bibliothèque du monastère des Cryptes.⁷ Dans ce monastère, toute une école littéraire s'était formée, avec une influence considérable sur la littérature russe des XIe—XIIe siècles. La rédaction d'annales, entre autres, doit sa naissance au monastère des Cryptes. C'est là qu'a vécu et travaillé, durant la deuxième moitié du XIe siècle et au début du XIIe, Nestor, rédacteur de la Chronique (*Povest' vremennih let*) et de plusieurs textes sacrés (la légende de Féodosi, entre autres); d'autres encore ont illustré le monastère, comme Hilarion, auteur de *Loi et grâce* (*Slovo a zakonie i blagodat'i*), Féodosi, auteur de plusieurs sermons et exhortations, adressés aux moines, Nikon, le chroniqueur, ou Simon et Policarpe, narrateurs des légendes du patérik du monastère.

Ce dernier recueil de légendes, contenant la légende de Moïse, qui nous intéresse ici plus particulièrement, fut composé, dans sa version première, dans les années 20 du XIIIe siècle et réunit plusieurs textes: au message que Simon, évêque de Souzdal-Vladimir, adressa à Policarpe, moine du monastère de Kiev, s'ajoutent celui adressé par Policarpe à Akindine, supérieur du monastère des Cryptes et les légendes qui complètent ces messages. Cet échange de messages avait été motivé par le comportement de Policarpe. Celui-ci, mécontent de son statut de simple moine et se sentant évincé, se révoltait contre l'ordre du monastère et tâcha d'obtenir la dignité d'évêque auxiliaire dans la principauté de Souzdal-Vladimir, en gagnant la confiance de la princesse Verhouslava (Anastasie par son nom de baptême), soeur de Iouri Vsévolodovitch, prince de Souzdal. L'évêque de Souzdal et de Vladimir était à l'époque Simon, lui-même moine du monastère des Cryptes, avant de devenir prélat et par ailleurs parent et maître de Policarpe, mais beaucoup plus âgé et plus estimé que lui. Simon fut indigné par le manque de modestie et les éternelles plaintes de Policarpe, et il tenta de faire entendre raison au jeune moine par une lettre de ton sévère. Dans son message, il prie Policarpe avec insistance de ne pas quitter le monastère de Kiev et de se réconcilier avec le supérieur.

Il souligne en même temps les côtés attrayants de la vie monastique, il exalte la grandeur du monastère des Cryptes avec une rhétorique impressionnante et il rappelle avec nostalgie les années qu'il y a passées. Le message de Simon est complété par les légendes de neuf moines du monastère des Cryptes. Ces vieux saints qui répandent «une lumière pareille à celle du soleil», doivent être pour Policarpe des modèles à suivre: il doit se réjouir de vivre dans un sanctuaire

⁷ Б. П. Сапунов: О древнерусской книжности XI—XIII веков. ТОДРЛ, т. XI, стр.325.

pénétré par l'esprit si pur de tels prédécesseurs. Ces légendes sont complétées à leur tour par un récit de Simon sur la construction de l'église de la Sainte-Vierge au monastère des Cryptes.

Le message passionné de Simon dut éveiller le sentiment de la responsabilité en Policarpe: les légendes sur les moines de jadis font surgir de sa mémoire des histoires semblables, dont il compose, à son tour, un message adressé à Akindine, supérieur du monastère de Kiev. Le message nous apprend qu'en relatant ces légendes, Policarpe satisfait à un ancien désir du supérieur. S'il n'a pas entrepris plus tôt la narration de ces intéressantes légendes du monastère des Cryptes, c'est que, ayant peur du supérieur, il en a oublié beaucoup d'éléments, ce qui l'aurait empêché de s'exprimer correctement. Mais l'exemple de Simon lui inspire maintenant l'envie d'écrire ces récits, „afin que les moines qui viendront après nous connaissent la grâce de Dieu, qui pénétrait ces lieux sacrés, et qu'ils puissent bénir le Seigneur des Cieux, qui leur a offert des exemples aussi illustres dans le monastère des Cryptes en terre russe”.

Les légendes de Simon et de Policarpe se fondent sur une tradition orale, et elles contiennent beaucoup d'éléments merveilleux et de détails fantastiques. Il y a, cependant, dans chacune des légendes des éléments historiques aussi, empruntés aux annales: on y trouve, par exemple, de nombreuses indications dignes de confiance concernant la vie monastique et les conditions de vie des moines aux XIe—XIIe siècles. Dans ces légendes de ton naturel, il n'est pas difficile de saisir une idéologie spécifiquement russe, surtout dans les passages relatifs aux rapports des moines et des princes de Kiev, tout comme dans les déclarations sur le rôle historique du monastère, premier sanctuaire russe se trouvant à la tête de la lutte pour l'unité panrusse.

La légende de Moïse le Hongrois est l'un des onze récits de Policarpe. Qui était ce Moïse et par quel „exploit” s'est-il acquis l'auréole du saint le plus pur du monastère des Cryptes? La légende fournit une réponse complète à la seconde question, sans dissiper cependant les ténèbres qui enveloppent la personne de Moïse: „Voici ce que nous savons sur ce Moïse bienheureux. D'origine hongroise, il fut favorisé par saint Boris, et il était frère de Georges qui, ayant reçu du prince un collier en or, fut tué avec le prince près de l'Alte: on lui coupa la tête pour avoir le collier d'or”. Ce Georges est mentionné aussi dans le récit des annales où la mort de Boris et de Gleb apparaît comme un sacrifice pour la foi chrétienne. Ce que nous savons de lui, c'est qu'il a fourni une preuve éclatante de l'amour chrétien du prochain et de la fidélité du serviteur envers son maître, en essayant de protéger par son propre corps et sans armes le prince Boris contre les coups. Mais les annales gardent le silence sur les circonstances et le moment de l'arrivée des deux frères en terre russe et à la cour du prince de Kiev. Puisqu'ils servaient Boris dès avant 1015, on ne peut pas supposer qu'ils faisaient partie de la suite des princes hongrois réfugiés à la cour de Iaroslav le Sage. D'après notre hypothèse, les deux jeunes

Hongrois, devenus héros de l'ancienne littérature russe, devaient être les petits-fils de l'un de ces guerriers hongrois qui s'étaient engagés au service du belliqueux Sviatoslav Igorévitch, prince de Kiev.

Moïse était le seul de la suite de Boris qui soit resté en vie après l'égorge-ment du prince. C'est à partir de ce moment que la légende, avec la précision d'un procès-verbal et une tension parfois dramatique, relate sa vie, les épreuves qu'il a subies avec tant de fermeté, mais ne rappelle que brièvement les dernières années, la mort de cet homme ou, plutôt, de ce pur esprit, élevé sur le piédestal des saints thaumaturges et qui obtient la paix de l'âme en récompense d'une vie pleine de sacrifices. Donc, au lieu d'embrasser toute une vie, la légende — tout comme la plupart des légendes des patériks — ne porte que sur une période de la vie du saint. Il est vrai que dans la légende de Moïse, cette période est relativement longue, elle comprend plusieurs années, tandis que, dans la majorité des légendes contenues dans le patérik du monastère, le noyau du récit se réduit à tel ou tel épisode caractéristique. Néanmoins, cet élargissement des cadres n'est qu'apparent, car la légende s'organise, ici aussi, autour d'un épisode unique mais prolongé: celui de la résistance de Moïse à la passion agressive de la belle veuve polonaise ou, plus exactement, au principe méchant qui revêt la forme de la séductrice — c'est-à-dire au diable. La foi en l'existence du diable est l'une des caractéristiques de l'ancien christianisme russe. Le diable — le „grand entremetteur” — offre surtout des jouissances charnelles, passagères, conduisant à la damnation, au lieu de la félicité éternelle, récompense promise d'une vie ascétique. La répression du désir charnel constitue pour le moine un devoir volontairement assumé. Le feu de la sensualité brûle les veines des habitants du monastère, et il n'est pas facile de renoncer aux jouissances.

Comme le dit D. Abramovitch dans son ouvrage sur le patérik du monastère des Cryptes, l'ascétisme a pris racine difficilement parmi les moines russes, au début de la période chrétienne. Souvent, l'attraction du monde extérieur était plus forte que les sévères règlements monastiques: les moines se permettaient des libertés, s'évadaient, faisaient des folies, pour regagner ensuite leur sanctuaire et obtenir leur pardon.⁹ Cette licence des moeurs est évoquée dans le pamphlet de Daniel Заточник, l'écrivain russe le plus doué du XIIIe siècle: „Aux festins et aux noces, on trouve les moines, les religieuses et le dérèglement avec eux: ils se donnent pour des anges, mais leurs moeurs sont corrompues: ils sont revêtus de dignités ecclésiastiques, mais ils ont des habitudes déraisonnables”.¹⁰ Les règlements d'Iaroslav vont jusqu'à supposer l'incontinence des

⁸ Послание архимандриту Печерскому Акиндину о святых и блаженных иноках Печерского монастыря, написанное Поликарпом, икономом того же Печерского монастыря. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, стр. 183.

⁹ Д. Абрамович. Киево—Печерский Патерик. У Києві, 1831, стр. 110.

¹⁰ Моление Даниила Заточника. См. Н. К. Гудзий: Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1952, стр. 144.

ecclésiastiques, sans distinction de condition ou de sexe, tout en exigeant que les péchés de cette sorte soient cachés devant les ouailles: „... si un moine commet un péché avec une religieuse, ils doivent être condamnés par le prélat, mais il ne faut pas mêler à l'affaire des laïcs...”¹¹ On prêchait les idéaux monastiques au moyen âge pour deux raisons: d'une part, pour „bander les yeux” aux laïcs, d'autre part, pour proposer des modèles à suivre aux gens de l'Église. Ce sont les saints de monastères qui incarnent le plus parfaitement l'idéal de la vie chrétienne. Les héros des légendes n'appartiennent pas au système des rapports féodaux où Église et monde laïc s'entremêlent; ils constituent une caste à part à l'intérieur même de la hiérarchie ecclésiastique. Pour citer D. S. Likhatchov, les saints „... sont arrivés de la vie, tout en s'élevant au-dessus d'elle, entre les choses terrestres et célestes”.¹² Selon la conception médiévale, le saint est capable de reculer les limites du possible et d'accomplir des miracles. Au prix d'une lutte acharnée et de mille sacrifices, il surmonte les penchants coupables de la chair et donne par là un exemple à imiter.

Les légendes du patérik du monastère des Cryptes ont pour thème central la lutte contre le désir sensuel. Les formes de la tentation que doit subir le saint sont variées. Le plus souvent, le moine encore simple sent se réveiller le mâle en lui, et il ne réussit à se débarrasser de son désir criminel qu'après une terrible macération. Enfin, il triomphe du diable à l'aide de Dieu, et, en récompense de ses épreuves, il devient le saint qui n'est plus tourmenté par la sexualité, et qui ne ressemble plus guère au commun des mortels.

Dans une des légendes de Policarpe, le saint Ioanne Zatvornik (= l'ermitte) livre un combat dramatique au diable qui prend la forme de ses instincts. Contre le malin, l'arme la plus sûre est la mortification. Ce que ce héros souffre pour la pureté de son âme! Un jeûne sévère pendant des années, insomnie et soif volontairement assumées, de lourdes chaînes attachées aux pieds. Et lorsque ces peines mêmes ne lui donnent pas l'apaisement désiré, il se soumet à des épreuves plus dures encore: il s'isole en ermite au milieu des habitants du monastère, il expose son corps nu au froid de l'hiver. Enfin, il s'enfouit dans la terre jusqu'au cou, mais la convoitise ne le quitte pas. Le diable lui apparaît en serpent de feu, pour l'effrayer et le chasser de son refuge. Finalement, Ioanne est libéré de cet atroce ennemi à l'aide du ciel: la voûte céleste est fendue par un éclair, qui chasse le serpent tentateur, le diable. A partir de ce moment, Ioanne ne sent plus de convoitise charnelle, et les souffrances de son âme sont dissipées. L'essence de l'acte ascétique se définit ici comme la victoire du moine sur lui-même, victoire qui le libère des fers de l'instinct humain, attribué au diable.

¹¹ Б. А. Романов: Люди и нравы древней Руси. Л., 1947, стр. 236.

¹² Д. С. Лихачев, Человек в литературе древней Руси. М., 1958, стр. 29.

Dans le cas de notre héros, la forme de la tentation est autre. Moïse n'est pas moine, plus exactement il le devient secrètement, dans la période finale de l'assaut qu'il doit subir. Sa situation est plus difficile que celle de ses compagnons de monastère. Il n'est pas libre en sa personne: prisonnier mis aux fers et traîné en captivité polonaise, il est livré à la merci de son maître. C'est ainsi que l'„exploit" ascétique, motif chrétien et général, qui reste en dehors des classes et des peuples, s'unit dans la légende au motif patriotique de la résistance contre tout ennemi de la terre russe. Moïse, bien que d'origine hongroise, représente ici l'État russe de Kiev, face à l'assassin des princes saints et martyrs, Sviatopolk, et à son allié, le roi polonais Boleslav. Moïse peut être déporté et torturé — mais on n'achète pas son âme. Dans sa légende, le conflit ne se manifeste pas comme une lutte intérieure, mais plutôt comme une rivalité entre vocation et instincts. La séduction de ceux-ci est inarncée par une jeune veuve polonaise, de haute naissance et d'une très grande beauté. Et, pour motiver l'inclination de la dame, la légende attribue à Moïse des qualités qui sont rares dans la littérature hagiographique: il est un jeune homme fort, d'une beauté idéale. Les légendes ne se donnent guère la peine de dépeindre les qualités physiques avantageuses, et si, dans notre cas, on l'entreprend à plusieurs reprises, c'est à cause de la fonction du procédé comme ressort de l'intrigue. La femme au coeur blessé supplie l'homme, avec de plus en plus d'insistance, de satisfaire son désir ardent. En vain! Quoiqu'il ne soit pas encore moine, Moïse, bouleversé par l'égorgement de Boris, a déjà mûri la résolution de consacrer sa vie au service de Dieu. A ce point de vue, la légende de Moïse est une des ramifications de la légende de Boris et de Gleb. Des considérations politiques amènent l'Église, fort mêlée aux affaires de l'État, à entourer d'une auréole de saint les victimes d'un fratricide banal. Ceux qui ont été tués parmi les membres de la suite des jeunes princes sont tous représentés dans la légende de Boris et de Gleb avec des vertus chrétiennes passives. Serait-il possible alors que le seul „otrok" (serviteur noble) survivant ne fournisse pas de nouvelles preuves pour justifier le culte de Boris? Au contraire, la légende utilise l'histoire de Moïse précisément pour prouver que le prince Boris, accompagné de serviteurs aussi purs que ce jeune Hongrois, est effectivement digne d'être canonisé. Mais en même temps, cette tendance „héréditaire", la volonté fanatique en Moïse d'atteindre l'idéal de l'austérité monastique, simplifie le drame dans une certaine mesure. Malgré la présence de la séductrice, il n'y a pas de véritable tentation. Moïse n'est pas ému de la beauté de la dame: c'est lui qui blesse le coeur de la veuve, tandis qu'il reste pur et inébranlable jusqu'à la fin. Au lieu de mener une lutte active, il est engagé dans une résistance passive. Dans la légende, on ne trouve pas trace de ce conflit intérieur que nous avons évoqué en parlant d'Ioanne Zatvornik, par exemple. L'héroïsme de Moïse ne relève pas du domaine de la sexualité, à proprement parler, mais beaucoup plutôt de l'éthique chrétienne et du patriotisme, dans le sens large des termes: le héros

est prêt à toutes les souffrances, mais il ne vend pas la pureté de son corps et de son âme. A la dame qui lui promet pouvoir et richesses, Moïse répond par un non catégorique : „Apprends que je n’obéis pas à ta volonté. Je ne veux ni de ton pouvoir ni de tes richesses; la pureté de l’âme et du corps me sont des trésors plus précieux”.

Le comportement de la dame augmente graduellement la tension dramatique de l’action. Au début, la veuve aborde le prisonnier avec la tendresse de la femme amoureuse. Lorsque ses paroles flatteuses se heurtent au refus de l’homme, elle lui promet la liberté et la domination pour son consentement; puis, la fermeté de son adversaire éveille en elle le démon qui veut atteindre son but à tout prix: elle l’achète comme esclave, pour le tenter „avec des embrassements et toute sorte d’artifices de l’amour”. L’échec empoisonne le désir de la femme, jusqu’à la haine: elle veut tuer Moïse par la faim. Celui-ci ne prête pas l’oreille aux bons conseillers non plus, qui justifient l’institution du mariage en citant la Bible, et la belle veuve, en proie au désespoir, fait une dernière tentative „pacifique”: pour gagner l’homme inébranlable, elle demande la médiation du roi Boleslav. D’un courage inflexible, Moïse, reçu moine en secret, résiste au représentant du pouvoir temporel, et la Polonaise brûlant d’amour doit recourir à la force pour s’unir avec lui: „. . . Moïse fut couché avec force près d’elle, au lit: elle le couvrait de baisers, en l’embrassant” — mais sa passion n’est pas payée de retour. Le désir d’une vengeance cruelle s’empare alors de la femme: avec une bestialité sadique, elle fait torturer et castrer Moïse, afin que sa beauté „ne procure pas de jouissance à d’autres non plus”. C’est le point culminant de la légende: l’échec de la dame est accompli grâce à sa propre brutalité, tandis que la victoire morale de Moïse n’est plus celle d’un homme pur, mais celle d’un saint.

Dans le sens hagiographique, la définition du „saint” n’implique pas seulement la pureté complète du corps et de l’âme, mais certaines facultés surnaturelles aussi. Les saints des légendes du patérik lisent dans les coeurs humains, prédisent l’avenir et opèrent des miracles, de leur vivant aussi bien qu’après leur mort. C’est dans ce sens que la légende dit Moïse „bienheureux” et „saint”. Moïse, bien que toujours identique à lui-même, „évolue” vers la sainteté, et cette évolution nous est représentée à l’aide de certaines étapes qui indiquent l’élévation du chrétien moyen vers la sphère surnaturelle. Avant d’être fait prisonnier, Moïse ne fait que prier: après cinq années de souffrance, il espère sauver son âme, par ses peines, de la „damnation éternelle”. Dieu lui accorde alors un premier signe de son élection: il inspire de la pitié à l’une des servantes, qui nourrit en secret le prisonnier destiné à périr par la faim. Les circonstances dans lesquelles Moïse est reçu moine sont également enveloppées de mystère. C’est au comble des épreuves qu’il donne la première marque de ses facultés surnaturelles: il prédit la chute déshonorante de Boleslav et la mort de la femme criminelle, et il est justifié par les événements. Au monastère

des Cryptes, il pourra faire des miracles véritables: „Et le Seigneur lui donna de la force contre les passions”. Médecin des passions coupables, il guérit les moines de leur tentation par un seul mouvement de son bâton. La légende, déjà mentionnée, d’Ioanne Zatvornik nous apprend que, selon la tradition, la tombe de Moïse au monastère des Cryptes est un lieu de pèlerinage miraculeux pour les moines tentés. „Apprends — dit le Seigneur à Ioanne — qu’aux prises avec la passion charnelle, tu dois prier le corps ici gisant, afin de lui demander son aide. Il a fait davantage que Joseph et il est capable de secourir ceux qui souffrent d’une telle passion”.

Les deux protagonistes de la légende ne sont pas représentés par les mêmes moyens. C’est sans doute le rôle de la belle veuve qui peut être le mieux exploité à des fins littéraires. Sa figure est moins statique que celle de Moïse: ses actes permettent de mesurer les remous de plus en plus orageux de sa vie sentimentale et sensuelle. Elle aime et elle hait: pour l’amour, elle est prête à tout donner: ses biens, son pouvoir, toute sa personne; mais au fur et à mesure qu’elle perd l’espoir d’obtenir non plus l’amour, mais seulement le corps de l’homme, se dévoile sa vraie nature: l’être vengeur, sensuel, le „vase du péché”, qui prend à sa manière la revanche de son échec. Le personnage de la femme est représenté dans son mouvement; son caractère en plein développement renferme une vérité artistique. Ce n’est pas par hasard que selon une historienne littéraire soviétique renommée, V. P. Adrianova Pérets, la belle veuve polonaise qui cherche les faveurs de Moïse le Hongrois fournit un des plus beaux exemples de la représentation réaliste dans l’ancienne littérature russe.¹³

Moïse, figure beaucoup plus incolore, n’est pas un vrai caractère dans le sens littéraire du mot. Derrière sa résistance ascétique, l’homme se dérobe. Son regard, qui rappelle les icônes, est vide d’expression. „Évoluant” de l’homme laïc en prière vers le saint thaumaturge du monastère des Cryptes, il parcourt une voie irréelle. A l’exception d’un seul cas, Moïse ne donne la marque d’aucun sentiment humain: sans amour et sans haine, il n’est ni heureux ni malheureux dans le sens terrestre, il est presque insensible. La légende de Moïse justifie aussi les constatations faites par D. S. Lihatchov à propos de la méthode de la représentation dans la littérature russe médiévale. Cette littérature ne voit dans l’homme que le représentant d’une fonction sociale (ecclésiastique ou séculière) déterminée; conformément à cette conception, elle idéalise non pas l’homme, mais le degré de hiérarchie où se trouve le héros dans la société féodale. Cependant, puisque les saints s’élèvent au-dessus des classes de la société féodale, ils sont idéalisés à l’aide de schémas littéraires figés, conformément aux idéals chrétiens généraux. Le narrateur de la légende fixe les yeux

¹³ В. П. Адрианова—Перетц: О реалистических тенденциях в древнерусской литературе XI—XV вв. ТОДРЛ, XVI, стр. 18.

sur ces idéals, et il y conduit son héros par les sentiers battus de l'hagiographie. „En créant une figure humaine (que ce soit un homme d'État, un homme d'Église, un saint), l'auteur la rapproche aussitôt du représentant idéal du type, en identifiant ainsi sa conception du nécessaire avec le réel. Ce procédé est l'expression de la préférence donnée à la déduction sur l'induction: au lieu d'une généralisation portant sur les faits expérimentaux de la vie, l'écrivain tient à déduire toutes les choses réelles des vérités générales.”¹⁴

Comme on l'a vu dans le cas de la veuve polonaise, et comme cela ressort des ouvrages d'autres anciens auteurs russes, cette méthode idéaliste de la généralisation artistique n'est pas toujours appliquée de façon conséquente. Une fois, Policarpe enfreint cette loi de genre de la légende dans la représentation de Moïse même. Tout d'un coup, au moment le plus dramatique, il semble oublier les formules figées, traditionnelles, exigées par la situation, et il insuffle à son héros un „souffle vital”. Les vertus chrétiennes passives: la patience, la mansuétude s'évanouissent d'un moment à l'autre. Moïse, lorsqu'il est forcé de se mettre au lit de la veuve, laisse exploser sa colère — celle d'un homme qui perd la patience, mesure la tentation et ne veut pas souffrir plus longtemps l'humiliation — et il écrase le dernier espoir de la dame, en lui lançant ce qu'une femme n'a jamais su souffrir sans rougir: „Ne pense pas que je sois un sot ou que je ne puisse faire ce que tu me demandes, mais je crains Dieu, et ton impureté ne m'inspire que du dégoût”.

On trouve dans le patérik d'autres légendes qui présentent de tels écarts par rapport au style idéalisant de l'hagiographie. Ce sont précisément ces touches réalistes qui laissent prévoir l'évolution ultérieure de l'ancienne littérature russe.

L'action de la légende de Moïse, racontée en forme de nouvelle, est entourée d'un cadre historique. Predslava, sœur du prince Iaroslav et protectrice du jeune Moïse; Boleslav, roi polonais; Iziaslav, prince de Kiev, que son épouse polonaise met en garde contre la persécution des moines russes, en évoquant le soulèvement provoqué par la persécution des moines polonais au temps de Boleslav — sont tous des personnages historiques. (La légende rattache le mauvais traitement subi par les moines polonais et le soulèvement populaire à la destinée de Moïse. Avec une conception de l'histoire qu'il partage avec les annalistes russes. Policarpe considère le soulèvement comme la vengeance de Dieu pour les tortures infligées à Moïse: en effet, la Polonaise y trouve la punition méritée, conformément au présage). L'action de la légende est puisée dans la source de la tradition orale du monastère des Cryptes, à laquelle Policarpe a prêté une forme littéraire, tandis que les données historiques sont empruntées à un texte écrit — à la Chronique de Nestor. Ainsi, par ex-

¹⁴ Д. С. Лихачев, там же, стр. 115.

emple, la persécution des moines polonais et le soulèvement populaire polonais sont mentionnés dans les annales russes parmi les événements de l'an 1030. Sans ces réalités historiques, aucun ouvrage littéraire n'est imaginable au moyen âge russe: c'est grâce aux faits historiques concrets que le noyau fictif du récit devenait authentique et croyable pour le lecteur (ou l'auditeur) de l'époque. Parmi les sources russes, Policarpe se réfère à la légende d'Antoni, fondateur du monastère, connue encore au début du XIIIe siècle, mais perdue depuis sans trace, et à la légende de Féodosi, qui se trouve dans le patérik du monastère des Cryptes et provient de Nestor.

Policarpe témoigne de sa connaissance des anciennes légendes chrétiennes, lorsqu'il parle, avec la modestie accentuée qu'exigeaient les habitudes littéraires de l'époque, de sa propre activité littéraire: „Nous, pécheurs, nous imitons l'écriture des saints des temps anciens. Mais eux, ils se donnaient beaucoup de peine en cherchant dans le désert, dans les montagnes et dans les précipices de la terre; ils connaissaient quelques-uns des pères de l'Église et ils avaient entendu parler des autres; et des récits relatant leur vie, leurs miracles et leurs actes, ils ont composé des patériks, que nous lisons pour prendre plaisir à ces discours moraux. Moi cependant, homme indigne, je n'ai même pas saisi la vérité de l'entendement, et je n'ai rien vu de pareil à ce qu'ils avaient vu, je dois donc suivre ce que j'ai appris par oui-dire: j'écrirai pour Votre Sainteté ce que m'a raconté l'évêque Simon. Je n'ai jamais visité les lieux saints, je n'ai vu ni Jérusalem, ni la colline de Sion, et je ne peux orner mon récit de rien, comme c'est la coutume de ceux qui usent de divers artifices dans leurs ouvrages.”¹⁵

Néanmoins, quoi qu'il dise, Policarpe ne s'adresse qu'exceptionnellement aux modèles byzantins qu'il connaît, et il le fait en tout cas beaucoup plus rarement que Simon. Dans la légende de Moïse par exemple, on ne peut démontrer d'emprunts directs à aucun des recueils de légendes connus en traduction russe. En même temps, toujours contrairement à sa déclaration de modestie, Policarpe se montre un conteur doué: ses récits captivent l'intérêt d'un bout à l'autre, et malgré leur caractère naïf, ils divertissent même le lecteur moderne. Les nombreuses citations bibliques qui apportent des arguments contradictoires, pour et contre l'institution sacrée du mariage, donnent à l'histoire de Moïse un caractère à la fois religieux et didactique. Les citations prêtées à Moïse servent à colorer la dispute, toujours passionnante. La femme impudente est naturellement indigne de se servir des paroles des pères de l'Église contre Moïse. Elle s'en remet à ses gens à la manière des anciens publicistes russes, qui insèrent des exemples bibliques dans leurs exclamations et leurs questions rhétoriques, comme pour éprouver la familiarité de Moïse avec les livres

¹⁵ О Марке Пещернике: Киево—Печерский Патерик. Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957, стр. 205—6.

du Nouveau Testament. Par contraste avec les manières sans-gêne de la veuve et ses paroles de persuasion et de menace, réduites dans la légende jusqu'à un laconisme profane, Moïse se fait aider le plus souvent des apôtres, et ce qu'il y ajoute du sien s'assimile pour le style au langage des livres d'Église. Le rapprochement entre le personnage ou l'exemple de Moïse et les personnages bibliques tient relativement peu de place dans la légende. Ces derniers — à l'exception du seul Joseph — sont tous victimes du sexe féminin, Moïse peut donc tirer enseignement de leur exemple, mais ils ne constituent aucunement de modèles à suivre. Le modèle pour Moïse, c'est Joseph, qui a résisté à la femme de Putiphar. Mais le saint d'origine hongroise sort vainqueur de la comparaison, car, en accomplissant son exploit ascétique, „il quitta, pour éviter le péché, non seulement sa chemise, comme Joseph, mais tous ses vêtements, en dédaignant la vie d'ici-bas”.

Les métaphores et les symboles d'origine biblique et byzantine, qui caractérisent l'ancienne littérature russe dans les domaines ecclésiastique et laïc également, ne se trouvent que sporadiquement dans cette légende de Policarpe, qui veut procurer du plaisir au lecteur par „les grâces de la simplicité et de l'invention”¹⁶ et non pas par des symboles bibliques et d'autres figures de rhétorique artificielles.

Parmi les métaphores et les symboles, nous voudrions insister sur deux seulement, qui se rencontrent dans presque toutes les légendes. Ainsi le „serpent” symbolise la tentation de l'humanité par le mal: „Ah, frères et bons amis! Vous me donnez de bons conseils! J'entends qu'ils sont bien meilleurs que ceux *que le serpent a chuchotés* à l'oreille d'Eve au paradis”.

La métaphore du „soldat victorieux et courageux du Christ” — qui se rapporte ici à Moïse — remonte aux livres de l'Ancien Testament; c'est de là qu'elle est passée dans la littérature religieuse et historique de Byzance, pour être empruntée ensuite par certains textes à sujet religieux de l'ancienne littérature russe.

Policarpe utilise cette métaphore — ou symbole — comme comparaison dans une phrase qui est caractérisée dans son ensemble par le style de panégyrique et la terminologie militaire des textes ecclésiastiques: Moïse „...portait les plaies de son martyr et la couronne de sa foi en soldat victorieux et courageux du Christ”.

Un historien littéraire russe dit que le monastère des Cryptes à Kiev est comme „un géant parmi les nains”.¹⁷ Mais si ce monastère a réussi à s'élever au-dessus des autres monastères de la période kievienne, ce n'est pas grâce à l'étendue de ses terres, ni à cause du grand nombre de ses moines, mais grâce

¹⁶ А. С. Пушкин: П. А. Плетневу. Т. X., Письма. М.—Л., 1949, стр. 347.

¹⁷ Б. А. Романов: там же стр. 204.

à l'activité littéraire inlassable de ses habitants, qui a produit des oeuvres durables. En ce qui précède, nous avons choisi un seul de ces monuments nés de la tradition orale dans les cellules souterraines du monastère et mis en écrit plus tard — pour faire connaître au lecteur l'un des héros les plus originaux de l'ancienne littérature hagiographique russe, Moïse le Hongrois.

Интернациональные мотивы в украинской драматургии XVII—XVIII ст.

М. С. ГРИЦАЙ

Украинская драматургия XVII—XVIII ст. прошла сложный путь в своем развитии. Без нее нельзя представить культурно-литературного процесса XVII—XVIII ст. на Украине, развития самосознания украинского народа, полноты русско—украинско—белорусских литературных связей в эпоху феодализма. В создании школьных пьес, декламаций, диалогов, интермедий и вертепных драм принимали участие известные писатели, педагоги и талантливая студенческая молодежь.

Изучением древней украинской драматургии активно занимались украинские, русские и некоторые польские историки литературы. Среди них Н. Тихонравов, М. Драгоманов, П. Житецкий, И. Франко, Н. Петров, В. Резанов, В. Перетц, М. Возняк, Я. Гординский, А. Белецкий, В. Адрианова-Перетц. Они провели большую работу по собиранию, публикации и исследованию драматических текстов, определению места драматургии в культурной и литературной жизни Украины XVII—XVIII ст.

Драма появилась на Украине в начале XVII ст. Толчком для ее возникновения в первую очередь было то, что по соседству — в Польше и кое-где на западноукраинских землях в католических школах иезуиты практиковали драматические представления. Важным было и то, что жанры украинского народно-поэтического творчества напоминали драмы (свадьба, весенние игры, игра «Коза» и др.). Это выработывало и прививало украинскому зрителю вкус к театру. Первые украинские драмы заимствовали из фольклора сюжеты, темы, мотивы, образы, подражали его стилю.

Впервые украинские драмы были поставлены летом 1619 г. на базарной площади западноукраинского города Камьянка Струмилова. С этого времени и ведется летоисчисление украинского театра. Это были две интермедии между актами польской пьесы Якуба Гаватовича «Трагедия или образ смерти пресвятого Иоанна крестителя, посланца божьего». Автор интермедий не установлен. Но есть основания считать, что это был украинец — ученик одной из школ Западной Украины, т. к. основой обеих пьес послужили мотивы украинского народно-поэтического творчества.

Украинская драматургия XVII—XVIII ст. развивалась неравномерно. Пьесы писались и ставились в стенах школы (отсюда название драматургии — школьная). В поэтиках, учебниках по литературоведению была определена тематика, характер изображения образов, стиль драм. В основном в драматических произведениях должна была разрабатываться религиозная тематика. В украинской школьной драматургии было несколько групп пьес, каждая из них имела определенное назначение: драмы рождественские и пасхальные, драмы-моралитэ, типа мираклей, исторические.

Большинство украинских школьных драм — безжизненные, схоластические произведения, далекие от изображения окружающей действительности, актуальных современных проблем. Но отдельные из них по своей проблематике заметно выделялись в общей массе. К ним относятся «Слово о збуреню пекла», «Алексій человек божій» (1673), «Милость божія» (1728), «Воскресеніє мертвых» (1746). Выдающуюся роль в развитии школьной драматургии сыграла пьеса Ф. Прокоповича «Владимир» (1705).

Вместе со школьной драмой на Украине в XVII—XVIII ст. активно развивался оригинальный жанр древней драматургии — интермедия. Назначение интермедий, которые разыгрывались между действиями школьной драмы, — развлечь уставших во время представления зрителей. Небольшие по объему интересные и увлекательные пьесы-интермедии пользовались по сравнению со скучной религиозной драмой большим успехом. Во многих интермедиях затрагивались острые жизненные проблемы, волновавшие зрителей. Тематической связи с драмой, между актами которой они ставились, за редким исключением, интермедии не имели.

Общезвестно, что украинская интермедия возникла в связи с развитием этого жанра в западноевропейских странах, в частности в Польше. Это дало право некоторым исследователям утверждать с ссылкой на сходство отдельных сюжетов и ситуаций, что польские интермедии были основой для развития украинских. С этим нельзя согласиться. Как справедливо заметил Н. Гудзий, «Дело не в сюжете, использование которого не лишает произведения самостоятельности, а в национальной трактовке, в изображении быта определенного народа, характеров»¹. Действительно, все украинские интермедии, известные нам, несмотря на то, что некоторые из них имеют западноевропейские сюжетные параллели, отображают жизнь украинского народа, его быт, написаны украинским разговорным языком.

Поэтики не обременяли драматургов определенными строгими правилами создания интермедий. Указывалось, однако, что в этих произведениях должны изображаться представители низших сословий — казаки, крестьяне, мещане,

¹ Н. Гудзий: Предисловие к книге «Українські інтермедії XVII—XVIII ст.» Вид-во АН УРСР. К., 1960, стор. 11.

цыгане и т. д. Все украинские интермедии написаны на светские темы, их авторами в основном были студенты, знатоки народно-поэтического творчества.

В процессе своего развития украинские интермедии выработали специфические черты образного раскрытия тем. В них изображались представители разных народов: украинцы, русские, белорусы, евреи, поляки, немцы, цыгане и др. Персонажи разговаривали или на своем родном языке, или по-украински, но с примесью слов своего языка и с характерным акцентом. В интермедиях было четкое деление героев на эксплуататоров и трудящихся. В зависимости от социального положения и получали характеристику образы: эксплуататоры изображались карикатурно, как негодяи и трусы, жестоко ненавидящие бедняков; представители же трудового народа в интермедиях выступали умными, мужественными, честными. Никогда авторы не иронизировали над простым народом, наоборот, рисовали его с симпатией. Интересно заметить, что подобное отношение авторов интермедий проявлялось не только в отношении к украинским трудящимся, но и к трудовому народу других национальностей. Это — одна из самых отличительных черт украинских интермедий, указывающая на их высокую демократичность.

В изображении персонажей, художественном раскрытии тем авторы интермедий многим обязаны народно-поэтическому творчеству. Особенно это заметно при изображении иностранных захватчиков, эксплуататоров, или, наоборот — народных героев-запорожцев в произведениях, посвященных героической борьбе украинского народа против польских панов. Драматурги заимствовали из фольклора систему художественных приемов, образную речь. Влияние устного творчества на развитие образного мышления украинских драматургов XVII—XVIII ст. было глубоким и плодотворным.

Одним из основных мотивов украинских интермедий было изображение дружбы народов. Особенно ярко, образно рассказывалось о тесных связях между русскими и украинскими трудящимися. Как известно, в период, когда Украина, только что освободившаяся от польско-шляхетского ига, должна была вести упорную борьбу против польских захватчиков и татаро-турецких орд, на помощь ей пришла Россия. Поэтому в украинском народном героическом эпосе эта тема — одна из важнейших.

Третья интермедия к драме М. Довгалевского «Комическое дѣйствіє» воскрещает одну из самых горьких страниц в истории украинского и белорусского народов — эпоху беспредельного господства польской шляхты на их землях. Казак, появившийся на сцене в начале интермедии, поет песню о том, какие лишения терпит его родная земля. Затем выходит польский пан с соколом. Его подданные литвины (белорусы) приходят к нему на поклон, но по его приказу их ни с того ни с сего жестоко наказывают. Шляхтич советуется с другими польскими панами, как бы им побить казаков и снова прибрать Украину к рукам. Неожиданно появляются казак и москаль (русский солдат) и выгоняют панов вон. Москаль говорит:

Казак, пріймайся! Не бойся! Бери з плечей двоих,
А я тотчас уберу далгополих от тих!
А што здезь о рубежах они спаминали,
Будто ляшонки Украйну в облястях держали,
Дабро! Вот покажем рубежи кнутами на спинѣ

Казак:

І добре, земочку, щоб другій памятав,
Да и дѣдчой своей дитинѣ заказав!²

Небольшая, но многозначительная сценка была пронизана идеей исторической дружбы русского и украинского народов и их помощи своим братьям — белорусским трудящимся. Интермедия утверждала, что общими усилиями народов-братьев можно защитить свою землю от иностранных захватчиков.

Мотивы дружбы украинского и русского народов звучат и в следующей, четвертой интермедии к драме «Комическое дѣйствіе». На ярмарке на Украине встретились иезуит, ксендз и еврей-арендатор и начали всячески поносить православных, кичиться своим положением и верой. Пришел москаль, запряг заклятых врагов украинского народа в телегу вместо лошади и уехал.

Двумя аспектами интересна вторая интермедия к драме Г. Конисского «Воскресеніе мертвых»: сатирическим изображением польского панства и изображением дружбы и общности во взглядах украинского крестьянина и москаля на польских грабителей. Спесивые паны Бандолий и Подстолий затеяли драку из-за еврея-арендатора и, чтоб он не достался ни тому, ни другому, решили его разрубить пополам. Москаль, появившийся в этот момент, вместе с украинским крестьянином прогоняют их всех.

Показывая дружбу казака или крестьянина с москалем, драматурги обычно старались изобразить социальный фон. Поэтому в интермедиях так четко выделялась мысль о единстве народов-братьев — русского и украинского.

Как мы уже отмечали, в украинских интермедиях нашло выражение почитительное отношение к трудящимся разных национальностей. С этой точки зрения показательное изображение белорусских крестьян (литвинов). Почти во всех произведениях, где речь идет о белорусах, авторы правдиво рассказывают об их житейских заботах, радостях и бедах. Так, например, четвертая интермедия к драме «Воскресеніе мертвых» повествует о том, как уважаемый в деревне дьяк-учитель был убит польским шляхтичем. Крестьяне отыскали преступника и справедливо наказали — вместе с конем бросили в топкое болото. Действие происходит в украинском селе, но среди крестьян есть и белорус; он вместе с другими ищет шляхтича, участвует в суде над ним. Белорус говорит

² Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Вид-во АН УРСР. К., 1960, стор. 119.

на своем родном языке, но его хорошо понимают. Следует отметить, что авторы интермедий с уважением относятся к речи представителей трудового народа разных национальностей: в произведениях, о которых здесь говорилось, их персонажи — украинцы, русские, белорусы говорят на своих родных языках, и нет ни одного случая искажения, насмешки, передразнивания их речи. То же можно сказать обо всех украинских интермедиях. По-иному авторы относились к речи действующих лиц-эксплуататоров, в частности поляков, евреев, немцев, чья речь нередко превращалась в пародию.

Интермедии, сыграли значительную роль в жизни украинского народа эпохи феодализма. Как известно, эти пьесы разыгрывались студентами Киево-Могилянской академии перед народом. Беднейшие студенты в период каникул расходились в поисках заработка по всей Украине. Студенты пели песни, сочиняли веселые стихи и читали их крестьянам; на площадях разыгрывались интермедии, вертепные пьесы. Постановка социально-острых произведений приносила большую пользу — они воспитывали любовь к трудящимся всех национальностей и вызывали ненависть к поработителям, что было очень важно для первой половины XVIII ст., когда большая часть украинской земли еще находилась под владычеством Польши.

К сожалению, до нас дошло сравнительно мало этих ценных драматических произведений: пока известно около пятидесяти текстов. Они, как правило, не печатались и никто их не собирал. Но и они составляют ту часть древней украинской литературы, которая входит в золотой фонд духовной культуры украинского народа. И. Франко писал, что в истории украинской литературы эпохи феодализма интермедии занимают важное и почетное место³.

К интермедиям примыкает вертепная драма («вертеп»). Возникнув где-то в середине XVII ст., в разгар борьбы Украины против католицизма и польской шляхты, она прожила долгую жизнь, около трехсот лет. Вертеп сыграл определенную роль в развитии самосознания украинского народа, становлении украинского реалистического театра и новой украинской драматургии, в развитии дружественных связей украинского народа с русским, белорусским, сербским.

Авторами вертепной драмы были студенты Киево-Могилянской академии. Пьеса состояла обычно из двух частей: религиозной и светской, то есть был использован принцип построения школьных драм. Основой религиозной части пьесы была популярно переработанная школьная драма об Ироде, а для светской части студенты написали оригинальную пьесу по мотивам интермедий и народно-поэтического творчества. Пьеса ставилась в переносном ящике с двумя сценами (на верхней — представлялась драма про Ирода, на нижней — светская). Спектакль сопровождался музыкой и пением студенческого хора. Первые записи вертепной драмы относятся ко второй половине XVIII ст.

³ І. Франко: Русько—український театр (історичні обриси). Южноруський театр XVI—XVIII віку. — Твори в 20-ти томах. Т. XVI. К., 1955, стор. 216.

Светская часть вертепной драмы во многом подражала интермедии. В ней так же, как и в интермедии, выступали представители разных национальностей, разговаривающие на родном языке или на ломаном украинском. Эксплуататоры (польский шляхтич, еврей-арендатор, униатский поп) изображались коварными, хвастливыми, но когда на сцене появлялся запорожец, они превращались в невинных ягнят или убегали со сцены.

Вертепная драма имела и свои особенности: персонажи на сцене появлялись попарно; выступление каждой пары сопровождалось музыкой народа, который эта пара представляла. Когда на сцене появлялся запорожец, играли «Казачок», русский солдат — «Барыню», поляк с полькой — «Краковяк», венгр с венгеркой — «Чардаш», цыган с цыганкой — цыганскую песню и т. д. Под музыку каждая пара плясала. Таким образом, речевая характеристика, музыка и танцы создавали яркий национальный колорит.

Авторы вертепной драмы, рисуя реалистическую картину жизни своих героев, подчеркивали социальный план повествования. Так, запорожец в Сокиренской вертепной драме рассказывал о длительных и кровопролитных войнах украинского народа с иностранными захватчиками, поэтически восхвалял героическую жизнь казачества и его участие в борьбе с врагами Украины. Русский солдат жаловался на тяжелую службу в царской армии:

Хотя ж я
Отечеству защита,
Зато ж спина у меня
Всегда избита.⁴

Крестьянин Клим говорил о своей безрадостной жизни — ему нечем заплатить за обучение сына в школе, нет денег купить жене платье. Горькая судьба постигает цыганскую семью — нечего есть, приходится просить милостыню.

Как видим, в вертепной драме представителей трудового народа разных национальностей объединяло социальное положение, общие заботы, мысли, мечты. Авторы вертепных драм правдиво и с глубоким сочувствием изображали стремления, жизнь и быт братских народов. И в интермедиях, и в вертепной драме не было гротеска, шаржа в изображении простого народа, как это наблюдается в подобных польских пьесах. «У польских авторов, — писал В. Перетц, — изображение простонародных типов было нарочито карикатурным».⁵

⁴ Е. Марковський: Український вертеп. К., 1929, стор. 64

⁵ В. Перетц: К истории польского и русского народного театра. СПб. Т. I—VIII 1905, стор. 2.

Образы светской части вертепной драмы обрисованы колоритно, ярко; для освещения каждого из них использованы различные художественные приемы, взятые главным образом из народного творчества.

Интермедии и вертепные драмы — лучшая часть дверней украинской драматургии — были написаны талантливо, и, в большинстве случаев, — на актуальные темы. Вместе с лучшими прозаическими и лирическими произведениями они были тем рупором, с помощью которого передовые писатели Украины, защищая интересы своего народа, изобличали коварные замыслы его внешних и внутренних врагов и в то же время — проповедывали дружбу трудового народа разных стран, взаимовыручку в тяжелые минуты. И в этом особое величие и ценность древней украинской литературы.

Léonide Andréiev après la révolution de 1905 (Les Ténèbres)

L. KARANCSY

Dans ces dernières années, on constate, en Union Soviétique et dans d'autres pays, un regain d'intérêt pour Léonide Andréiev et son art, chargé de beaucoup de contradictions. Il est de plus en plus évident que les oeuvres de cet écrivain fournissent un ample matériel pour mieux connaître le visage spirituel du tournant du siècle en Russie, ainsi certains aspects de la vie littéraire et les rapports entre réalisme et modernisme en particulier. C'est maintenant que l'on commence à combler, d'une manière lente mais prometteuse, les lacunes qui caractérisaient, pendant des décennies, la connaissance de la biographie, de l'activité littéraire, des relations humaines et artistiques d'Andréiev. On lit de plus en plus d'articles qui rompent avec cette conception ancienne selon laquelle sa méthode artistique bien personnelle et ses innovations souvent surprenantes n'ont rien apporté qui vaille. Néanmoins, on peut toujours affirmer qu'il y a peu d'écrivains russes dont l'oeuvre soit l'objet de tant de fausses interprétations que celle d'Andréiev.

Les malentendus commencent aux nouvelles *Gouffre* et *Dans le brouillard*, dont l'interprétation fautive est toujours sensible dans le jugement porté sur l'écrivain. Cela est plus vrai encore dans le cas de certains ouvrages écrits après la révolution de 1905: de ceux-ci, on tire généralement la conclusion qu'immédiatement après la révolution, Andréiev s'est rangé, définitivement et sans équivoque, du côté de la réaction. Les nouvelles *Judas* (1907), *Carnets* (1908) et *Ténèbres* (1908) et la pièce de théâtre *Le Tzar de la Faim* (1907) sont de tels ouvrages. *Carnets* et *Ténèbres* ont contribué dans une large mesure au refroidissement des rapports entre Andréiev et Gorki. Ce dernier — bien qu'il ait en partie modifié son opinion à propos de plusieurs ouvrages d'Andréiev, ainsi sur *l'Histoire des sept pendus* et sur *Sachka Jégouliov*, après la Révolution d'Octobre — a persisté dans la condamnation de *Ténèbres*. En ce qui suit, nous essayerons de dégager le sens de cette nouvelle pleine de contradictions et extrêmement compliquée, et par cette voie, nous tenterons une approche pour juger d'une manière adéquate le comportement moral et politique d'Andréiev après 1905, ainsi que certains éléments de son différence avec Gorki.

Sur *Ténèbres*, Gorki écrit à Andréiev ceci : "Je t'en veux à cause de cet ouvrage par lequel tu as repris au public russe indigent l'aumône que le sort lui avait attribuée".¹ La presse des bolcheviks était unanime à interpréter la nouvelle de la même manière que Gorki. Vorovski la place à côté du roman *Le charme des morts* (*Навы чары*) de F. Sologoub et la tient pour une des manifestations les plus abominables du „dépouillement de cadavres" qui a eu lieu après la révolution.² Lounatcharski y voit la manifestation de la „réaction conservatrice et petite bourgeoise, habillée des haillons du lumpen-prolétariat", et considère les idées développées par la nouvelle comme inutilisables au point de vue théorique et moral aussi.³

La presse bourgeoise s'intéressait moins à la signification politique de la nouvelle ou au rôle que celle-ci pouvait jouer dans la situation politique après la révolution écrasée. Elle y saisissait plutôt le problème philosophique, qu'elle interprétait cependant avec des divergences profondes.⁴

De quoi s'agit-il dans la nouvelle et qu'est-ce qui explique la réprobation de Gorki et des critiques révolutionnaires?

Un partisan de la révolution, persécuté par la police, trouve enfin un refuge dans une maison close, où, sous l'effet de l'argumentation d'une prostituée, il renie ses idéals révolutionnaires, pour fouler aux pieds, dans la crasse du bordel, tout ce qui avait été sacré pour lui — voilà le sujet de *Ténèbres*, plus précisément d'un de ses passages, qui a fourni aux contemporains les conclusions citées ci-dessus.

Ce bref résumé trahit déjà peut-être que la nouvelle d'Andréiev devait vraiment provoquer une contestation de la part de la critique progressiste. Réfuter les idéals révolutionnaires au nom d'une philosophie acquise au bordel après l'échec de la révolution — c'est donner au cadavre un coup de pied encore, ou, d'après une lettre de Gorki à Andréiev : „danser sur les tombeaux".⁵

¹ Литературное наследство, т. 72. М., 1965, (en ce qui suit ЛН 72), 318.

² В. В. Воровский: Литературно-критические статьи. М., 1956, 158—68.

³ А. В. Луначарский: Критические этюды (Русская литература). Л., 1925, 229. ou: Литературный распад. Пб., 1908, 174.

⁴ Vu justement le rôle subordonné du point de vue politique dans le récit, la critique bourgeoise a reçu celui-ci plutôt avec éloge. Un critique a même écrit que les *Ténèbres* d'Andréiev „luisaient". (Наш день 1907, № 3, 2—3) S. A. Venguerov sentait dans la nouvelle de l'altruisme et un appel à l'héroïsme (С. А. Венгеров, Собрание сочинений. Т. 1. Спб. 1911, 96—7). N. Minski écrit qu'„Andréiev a hérité des auteurs de la littérature russe leur trésor le plus précieux — l'amour inextinguible embrassant tous les habitants des ténèbres" et il reproche seulement à l'auteur de „n'avoir pas hérité aussi leur foi dans le caractère sacré de ces ténèbres". C'est de là qu'il fait dériver le pessimisme andréiévien. (Н. Минский., На общественные темы, Пб. 1909, 218) L'idée du récit a plu à L. Tolstoï aussi, qui pouvait retrouver l'écho de ses propres pensées précisément dans le passage sur lequel la critique marxiste fondait son jugement défavorable (Толстой в воспоминаниях современников. Т. II. М., 1955, 219, 225).

⁵ ЛН., 72, 319.

Il s'agit seulement de savoir si Andréiev voulait dire vraiment ceci, s'il disait vraiment ceci dans cette nouvelle.

La plupart des historiens littéraires plus modernes ont repris à leur propre compte les interprétations d'autrefois et ils n'ont pas de doute concernant la tendance du récit. „Dans la nouvelle intitulée „Ténèbres”, Andréiev... calomnie la révolution et ses partisans d'une manière dégoûtante... Les révolutionnaires ridiculisés, le triomphe du bestial sur l'humain... l'éloge d'une attitude passive devant la vie... sont clairement présents dans „Ténèbres” et dans d'autres nouvelles d'Andréiev, écrites à la même période, comme par exemple „Carnets” — constate un manuel d'enseignement supérieur soviétique”⁶. „Dans „Judass», „Ténèbres», „Carnets», Andréiev s'est clairement présenté comme un satellite de la réaction littéraire. Ces ouvrages contenaient des attaques directes contre la révolution et ses partisans, ils les calomniaient et les raillaient avec malveillance” — peut-on lire dans l'histoire littéraire russe en dix volumes.⁷ A. Fadéiev voit dans *Ténèbres* l'expression du „reniement le plus dégoûtant...”⁸ On pourrait continuer l'énumération des jugements pareils. Quelques études, parues ces dernières années, envisagent la possibilité d'une „nouvelle appréciation” du récit⁹, aucune d'elles ne discute pourtant la conception traditionnelle ni ne s'engage dans un examen détaillé du problème.

Les défauts artistiques de *Ténèbres* ont été reconnus par Andréiev lui-même. „Cet ouvrage est un échec, malgré tous mes efforts d'en tirer quelque chose de valable. J'ai tâché de le faire le mieux possible, aucun de mes travaux ne m'a jamais donné tant de peine que celui-ci... Je regrette, je regrette beaucoup d'avoir raté ce sujet que je considère comme particulièrement important et intéressant... Un sujet grand, immense... C'est un ennui «infernal» de n'avoir pu le maîtriser”¹⁰. Par contre, il n'a jamais voulu croire que sa nouvelle eût été favorable à la contre-révolution et qu'il eût participé au „dépouillement de cadavres”. Même dans une lettre de 1912, il souligne le „caractère humain”

⁶ Н. Бурлаков—Г. Пелисов—И. Уханов: Русская литература XX века. Дооктябрьский период. М., 1961, 217.

⁷ История русской литературы в 10—ти томах. М., 1954, т. X, 616.

⁸ А. Фадеев, За тридцать лет. М., 1957, 862.

⁹ В. И. Беззубов: Лев Толстой и Леонид Андреев. — Ученые записки Тартуского Университета. 1961, вып. 104, 156—7; В. И. Беззубов. Александр Блок и Леонид Андреев. — Блоковский сборник. Тарту, 1964, 244—6; Л. А. Иезуитова: Леонид Андреев и Вс. Гаршин. — Вестник Ленинградского Университета, 1961. № 8, 103—4.

Les problèmes de l'interprétation de *Ténèbres* sont soulevés avec plus de vigueur et une intention plus polémique par la récente étude de Bezzoubov sur Andréiev (В. И. Беззубов: Леонид Андреев и Максим Горький. — УЗТУ, 1968, вып. 217, 148—50); cependant, comme nous allons le voir encore, nous ne pouvons pas entièrement partager ses vues.

¹⁰ Петербургская газета, 1908, № 235.

de l'ouvrage, bien qu'il reconnaisse que la compréhension de ce caractère exige du lecteur un sérieux effort.¹¹

Andréiev a emprunté le sujet et le héros de *Ténèbres* à la vie. Gorki, qui connaissait bien le prototype du héros de la nouvelle, tout comme les événements servant de base à son intrigue, écrit à Andréiev, dans sa lettre déjà citée: „Dans la réalité, les choses ne se sont pas passées de la manière dont tu les as racontées mais avec plus de noblesse, d'humanité, de dignité. La fille s'est élevée au-dessus de l'homme qui avait cessé d'être un révolutionnaire et qui craint de l'avouer à lui-même et aux autres. C'était une fête, l'homme a triomphé de la bête, tandis que toi, tu as joué à l'anarchisme, de façon que la bête et les ténèbres triomphent de l'homme”¹². Dans ses mémoires sur Andréiev, rédigées après la Révolution d'Octobre, il s'occupe encore du problème, pour le résoudre dans le même sens: „A Capri, on a raconté à Léonide une histoire qu'il a utilisée pour son récit «Ténèbres». Je connaissais le héros de l'histoire, un SR. Dans la réalité, le cas était tout à fait simple: la fille du «bordel», ayant deviné dans son client le révolutionnaire traqué par les flics et cherchant un refuge, s'est chargée de soins pour lui, avec la tendresse d'une mère et la discrétion d'une femme, pleinement consciente du respect que l'on doit à un héros. En réponse à la compassion de cette femme, le héros — homme sentant le papier et d'une âme sans grâces — lui fit la morale, en lui rappelant ce qu'elle aurait voulu oublier alors. La fille, blessée, le gifla, ce qu'il méritait tout à fait, à mon avis. L'homme, ayant reconnu qu'il avait commis une faute grossière, lui demanda pardon alors et lui embrassa la main — cette dernière chose, je crois, il n'aurait pas dû la faire . . . Léonide a défiguré le sens et la forme de l'événement, jusqu'à le rendre méconnaissable. Dans le bordel réel, l'avilissement pénible et sale de l'homme n'a pas eu lieu, et ne sont pas réels non plus les détails déprimants dont Andréiev a abondamment assaisonné son récit.” Gorki clôt son compte rendu par les paroles suivantes: „jusqu'à ce jour, je ne suis pas convaincu que l'artiste ait le droit de défigurer, arbitrairement et pour faire valoir son dogme favori, les manifestations si rares des sentiments humains idéaux”¹³.

Ce que Gorki reproche à Andréiev, c'est la déformation d'un fait réel témoignant d'une rare beauté du sentiment humain — quoique, comme le prouvent les remarques citées ci-dessus et d'autres déclarations, Gorki ait condamné aussi le héros de l'histoire, et qu'il n'ait pas partagé les opinions des socialistes révolutionnaires sur les formes de la lutte politique basées sur le

¹¹ ЛН., 72, 310.

¹² ЛН., 72, 318.

¹³ ЛН., 72, 392. — On lit dans les mémoires de M. K. Iordanskaïa que le ressentiment de Gorki avait un autre motif encore: en effet, Andréiev n'a pas tenu sa promesse de ne pas écrire cette histoire. (ЛН., 72, 579).

terrorisme. D'autre part, il est hors de doute qu'en notant qu'Andréiev a privé par cet ouvrage „le public russe indigent” „même de l'aumône”, Gorki indique que dans un sens plus large, *Ténèbres* peut cacher un danger contre-révolutionnaire. Il a été particulièrement indigné par la „grande scène” de la nouvelle, „avilissement pénible et sale” de l'homme. Dans cette scène qui projette en avant l'atmosphère de cauchemar de certaines pages de Kafka, le héros renie solennellement la „pureté”, il foule symboliquement aux pieds sa vie antérieure, et son exemple est suivi par tout le groupe des prostituées ivres, qui s'ébattent en vociférant, pour tomber ensuite dans une rêverie muette, à la fois ridicule et effrayante.

Une analyse plus profonde du récit — la méthode la plus naturelle, que l'on a cependant appliquée dans l'étude d'Andréiev moins souvent qu'il ne fallait — nous convainc de ce que l'écrivain affirmait lui-même: son ouvrage n'était pas né d'une intention moralement destructive ou politiquement réactionnaire; il ne voulait pas célébrer la „bestialité” ni calomnier la révolution et les révolutionnaires; le contenu objectif de l'ensemble de l'ouvrage n'a pas non plus cet effet.

Qu'est-ce que ce „sujet grand, immense”, dont l'auteur a essayé l'élaboration artistique dans *Ténèbres* — avec peu de succès selon lui-même?

Le point de départ est au fond un „problème éternel”: la relativité de l'antithèse du „bien” et du „mal”, idée qui préoccupe la littérature russe depuis Lermontov et même Pouchkine. Selon cette conception, ce qui correspond en général à l'idée du „bien” peut se transformer, dans certaines circonstances, en „mal”, et inversement. Cette idée morale générale a son importance pour la structure philosophique de la nouvelle d'Andréiev déjà, mais elle se matérialise dans une forme toute particulière. Selon Andréiev, les „bons” sont moralement responsables des „méchants”, donc la „bonté” ne doit pas devenir une fin en soi et elle doit ressembler encore moins à la satisfaction; les «bons» doivent garder leur compassion pour les „méchants”, autrement leur bonté tournera à méchanceté. Le récit d'Andréiev est l'expression des remords que doivent sentir, d'après l'auteur, les „bons” à cause des méchants. Cette position bien abstraite du problème, caractérisée surtout par l'interprétation sommaire des „bons” et de la „bonté”, s'inspire de Dostoïevsky. Selon Dostoïevsky, la voie vers la bonté et la pureté ne conduit pas à travers la fière conscience de l'âme forte et encore moins par la lutte révolutionnaire mais par la souffrance, l'humilité et l'humiliation. Le héros d'Andréiev, Alexeï, ancien révolutionnaire, ne s'arrête pas là: sous l'influence de Liouba, la prostituée, il se convainc que jusqu'au moment où il existe des méchants, les bons n'ont pas le droit d'être bons: „si nos lanternes ne suffisent pas pour éclairer toutes les ténèbres, éteignons les feux et entrons tous dans l'obscurité; s'il n'y a pas de paradis pour tout le monde, je n'en ai pas besoin moi non plus. . .”

Après une révolution perdue, cette devise a en elle-même effectivement une

résonance contre-révolutionnaire. Elle justifie ceux qui voient dans la chute de la lutte révolutionnaire une loi et qui renoncent à toute initiative destinée à sauver les „méchants” — c'est-à-dire les opprimés de la société.

Cette conception, dans laquelle on retrouve, avec les prophéties de Dostoïevsky, le tolstoïsme, philosophie de la „non-résistance”, n'était pas étrangère à Andréïev non plus. Andréïev ne croyait pas à l'amélioration de l'homme en général ni à l'efficacité de la lutte révolutionnaire. D'après le témoignage d'un grand nombre de ses ouvrages (*Le mur*, *Gouffre*, *Il en fut ainsi*, *Sachka Jégouliov*, *Vers les étoiles*, *La vie de l'Homme*, *Le Tzar de la Faim*), il voyait la tragédie grande et sublime de l'existence humaine précisément dans l'échec inévitable dont se solde la lutte de l'homme contre sa propre bestialité et — ce qui se ramène à la même cause — contre les égarements moraux et les injustices sociales — lutte qui est cependant chaque fois recommencée quoique sans espoir.

N'entrons pas maintenant dans les détails du problème de savoir dans quelle mesure cette vision du monde, manifestation du pessimisme héroïque, peut servir directement *en elle-même* la réaction politique — nous avons déjà donné une réponse partielle en parlant de la „devise” d'Alexeï qui a renié ses idéaux révolutionnaires. Ce qui est plus important de notre point de vue, c'est que dans *Ténèbres*, Andréïev ne s'intéresse à vrai dire pas au problème tragique d'une lutte révolutionnaire sans issue. S'il choisit pour héros un partisan de la révolution, ce n'est pas pour contester, par son revirement, la raison de la lutte et des révolutionnaires. Au contraire: dans ce récit, tout comme dans l'*Histoire des sept pendus* et le *Récit qui ne finit jamais*, la foi révolutionnaire est la manifestation de la morale la plus haute. Cela découle d'ailleurs de la thèse philosophico-morale mentionnée aussi. La relativité de l'antithèse entre bien et mal, la contestation de la bonté des „bons” n'atteindront à la vraie tragédie que si le contraste est particulièrement vigoureux, si le représentant du „mal” provient des profondeurs les plus sombres de la vie, étant victime de l'humiliation la plus répugnante de l'homme dans sa dignité, c'est-à-dire une prostituée, et si le représentant du bien est dépositaire de la morale la plus haute: la foi révolutionnaire. Cette vigueur du contraste est d'ailleurs exigée par la vision polarisante et amplifiante d'Andréïev, tout comme par son effort de trouver la méthode la plus expressive possible.

D'une manière intéressante et pareillement aux autres critiques, Gorki — qui, lorsqu'il raconte l'histoire servant de base au récit, souligne pourtant que „la fille s'est élevée au-dessus de l'homme qui avait cessé d'être un révolutionnaire” — ne s'aperçoit pas que ce même élément est présent dans l'ouvrage d'Andréïev aussi. La nouvelle ne se termine pas par l'avalissement „pénible et sale” de l'homme, scène à laquelle on a trouvé le plus à redire. Au point de vue de l'interprétation de l'ensemble de la nouvelle, il est extrêmement important que la transformation surprenante du héros est suivie par une autre métamorphose: sous l'effet du récit d'Alexeï, Liouba est saisie d'une curiosité inattendue

pour la vie et la cause des révolutionnaires. Puisque ce passage est presque toujours négligé dans le jugement que l'on porte sur l'ensemble de la nouvelle, nous croyons nécessaire de le citer sans lacune.

И рассказывал спокойно, почти равнодушно, с похоронными отзвуками меди в ровно текущем голосе, как старик рассказывает детям героическую сказку о давно минувших годах. И в темноте, беспредельно раздвинувшей границы комнаты, вставала перед зачарованными глазами Любы крохотная горсточка людей, страшно молодых, лишенных матери и отца, безнадежно враждебных и тому миру, с которым борются, и тому — за который борются они. Ушедшие мечтою в далекое будущее, к людям- братьям, которые еще не родились, свою короткую жизнь они проходят бледными, окровавленными тенями, призраками, которыми люди пугают друг друга. И безумно коротка их жизнь: каждого из них ждет виселица, или каторга, или сумасшествие; больше нечего ждать —, каторга, виселица, сумасшествие. И есть среди них женщины. . .

Люба охнула и приподнялась на локтях:

— Женщины! Что ты говоришь, миленький!

— Молоденькие, нежные девушки, почти подростки —, мужественно и смело идут они по стопам мужчин и гибнут. . .

— Гибнут. Господи!

Люба всхлипнула и прижалась к его плечу.

— Что — растрогалась?

— Ничего, миленький, я так. Рассказывай! Рассказывай!

И он рассказывал дальше. И удивительное дело: лед превращался в огонь, в похоронных отзвуках его прощальной речи для девушки с открытыми горящими глазами зазвучал благовест новой, радостной, могучей жизни. Слезы быстро накали на ее глазах и сохли, словно на огне; взволнованная мятежно, она жадно слушала, и каждое тяжелое слово, как молот по горячему железу, ковало в ней новую звонкую душу. Равномерно опускался молот, и все звончее становилась душа — и вдруг в душном смраде комнаты громко прозвучал новый, незнакомый голос — голос человека:

— Милый! Ведь я тоже женщина!

— Чего же ты хочешь?

— Ведь я тоже могу пойти к ним!

Он молчал. И вдруг в молчании своем, в том, что он был их товарищем, жил вместе с ними — показался ей таким особенным и важным, что даже неловко стало лежать с ним, так просто, рядом, и обнимать его. Отодвинулась немного и руку положила легко, так, чтобы прикосновение чувствовалось как можно меньше. И, забывая свою ненависть к хорошим, все слезы свои и проклятия, долгие годы ненарушимого одиночества в вертепе, покоренная красотой и самоотречением

ихней жизни — взволновалась до краски в лице, почти до слез, от страшной мысли, что те могут ее не принять.

— Милый! А они примут меня? Господи, что это такое? Как ты думаешь, как ты думаешь, они примут меня, они не побрезгуют? Они не скажут: тебе нельзя, ты грязная, ты собою торговала? Ну, скажи!

Молчание и ответ, несущий радость:

— Примут. Отчего же?

— Миленький ты мой! Какие же они. . .

— Хорошие — добавил мужской голос, словно поставил тупую, круглую точку. И радостно, с трогательным доверием девушка повторила:

— Да. Хорошие.

И так светла была ее улыбка, что, казалось, улыбнулась сама темнота, и какие-то звездочки забегали — голубенькие, маленькие точечки. Приходила к женщине новая правда, но не страх, а радость несла с собою.¹⁴

Ce passage reflète fidèlement le rapport d'Andréiev à la révolution et aux révolutionnaires. Pour lui, ceux-ci sont „désespérément hostiles” non seulement au monde qu'ils combattent mais aussi au monde pour lequel ils luttent, et leur sort est inévitablement la folie, l'exil et le gibet. Ces caractères, qui reflètent la conception d'Andréiev sur l'héroïsme et le tragique, correspondent d'ailleurs presque parfaitement — non pas aux bolcheviks, bien entendu, mais au type des révolutionnaires narodniks-SR que représentent Alexeï et son prototype. Selon Andréiev, ce sont malgré tout des héros, qui ne sont pas seulement capables d'éveiller l'intérêt et l'enthousiasme de Liouba mais suggèrent une sorte de respect même au vieux commissaire ivrogne et corrompu. Il est vrai que l'ancien révolutionnaire n'est plus apte à conduire la fille chez ses anciens compagnons d'armes, chez les partisans de la cause reniée: il a entièrement accepté l'„autre” vérité, et déclare même qu'il ne lui est plus possible de retourner parmi les révolutionnaires parce que ceux-là sont des — „seigneurs”. Liouba hésite elle-même: dans la scène finale, elle apparaît tantôt en femme craignant pour son héros ou désireuse d'être une héroïne, tantôt en prostituée. Andréiev n'a jamais aimé les processus entièrement fermés, les solutions sans aucune équivoque; en un cas pareil, une telle solution serait irrémédiablement schématique, forcée, absolument dépourvue de force persuasive. Cette même scène finale est commentée cependant par l'écrivain dans le style plein d'emphase et penchant vers la rhétorique, dont il se sert toujours pour transmettre des messages importants:

¹⁴ Полное собрание сочинений Леонида Андреева. Спб. Изд. тов. А. Ф. Маркс, 1913, т. II, 174—5. Souligné par moi — L. K. — Les citations et renvois qui suivent se rapportent à cette édition (les chiffres romains du texte correspondent au numéro de volume, les chiffres arabes au numéro de page).

И так стояли они, друг возле друга, три правды, три разные правды жизни: старый взяточник и пьяница, жаждавший героев, распутная женщина, в душу которой были уже заброшены семена подвига и самоотречения, — и он (II. 181).

Nous ne pouvons partager l'opinion de Vorovski qu'il a émise à propos du passage cité plus haut mais qui peut se rapporter à la dernière citation aussi et selon laquelle dans *Ténèbres*, Andréiev „*ravale, pour l'essentiel*, le rôle et l'importance de la lutte révolutionnaire, au moyen d'une exagération allant jusqu' à la déformation des faits, tandis que *formellement*, il l'enveloppe de la gloire de hérosisme”.¹⁵ Non, un écrivain qui a pour but de calomnier la révolution et ses partisans ne pourrait se servir de telles paroles. Pour voir une pareille intention dans sa passion et l'emphase andréieviennes, on devrait supposer d'emblée que l'écrivain cherchait à calomnier *consciemment* la révolution et les révolutionnaires. Cette hypothèse est cependant clairement contredite par le motif de la nouvelle laissé généralement de côté: la métamorphose de Liouba. Il est évident qu'Alexeï et son revirement surprenant ne sont pas seuls dépositaires du message de l'écrivain et que celui-ci ne s'identifie pas avec ce héros jusqu'au bout. En représentant la transformation d'Alexeï, Andréiev atteint un de ses buts: il montre la relativité de l'antithèse entre bien et mal, pureté et impureté, il montre que dans certaines circonstances, la „bonté” peut devenir exactement le contraire, lorsqu' „on a honte d'être bon”, même si cette bonté s'appuie sur la vérité et l'hérosisme sacrés de la lutte révolutionnaire. Si l'on s'arrêtait à ce point, on se trouverait en face de la conception morale critiquée déjà à propos de Dostoïevsky, allant même jusqu'à une interprétation politique, de tendance contre-révolutionnaire, de la situation historique donnée. Andréiev ne s'arrête pas là cependant, mais il montre qu'entre bien et mal, pureté et impureté, les deux „vérités” contraires, la distance est parfois brève, et que malgré cela — ou peut-être précisément pour cela — l'idéal de la lutte révolutionnaire ne peut être complètement souillé même par la nuit folle du bordel. La relativité de l'antithèse entre le „bien” et le „mal” n'opère pas seulement dans ce sens que les „bons” peuvent descendre parmi les „méchants” mais il peut en résulter aussi une élévation des „méchants” parmi les „bons”. C'est ce qui se passe en effet: Alexeï descend dans les „ténèbres” — quoique, d'après les paroles d'un critique, „non pas par haine ou par indifférence mais au nom de l'amour suprême le plus haut”¹⁶ — tandis que Liouba, qui a déclenché le grand processus de transformation dans Alexeï, s'élève ou est en train de s'élever à la vérité de la lutte révolutionnaire. C'est ce qu'indique, à la fin du récit riche en problèmes non-résolus, une remarque de l'auteur, selon laquelle le véritable „opéra” ne vient que de commencer (II. 182).

¹⁵ В. В. Воровский, Литературно-критические статьи... 164.

¹⁶ Н. Минский, На общественные темы... 216.

Andréiev est d'accord avec Alexeï sur ce point que les bons doivent sentir de la compassion pour les habitants des ténèbres ; il convient même de ce que les premiers entrent nécessairement en conflit avec leur propre conscience parce qu'il y a des méchants aussi au monde. Il ne reconnaît cependant pas qu'à la suite de la crise morale née de notre propre „bonté”, nous devions renier toute „bonté”, toute pureté, donc la lutte révolutionnaire et son héroïsme tragique aussi. Ainsi, le triomphe des „ténèbres” sur la „clarté” n'est pas complet et il ne peut pas l'être selon Andréiev — même si un humanisme „absolu”, sublime en apparence, comporte nécessairement la sympathie pour les „ténèbres”. Mais dans ce cas-là, on ne peut soutenir l'opinion qui range le récit d'Andréiev parmi les produits caractéristiques de la littérature au service du „dépouillement de cadavres”.

C'est une autre question que — comme l'a reconnu l'auteur lui-même — *Ténèbres* est loin d'être un ouvrage parfait au point de vue artistique, et cette circonstance peut devenir en elle-même la source de divers malentendus. Plus d'un élément de la nouvelle peut être interprété de manières contradictoires.

Andréiev, qui représente ailleurs certains phénomènes psychologiques avec un art presque inimitable, n'a pas su peindre, dans cet ouvrage, l'abaissement du héros ni l'élévation de l'héroïne d'une manière convaincante. A propos de la ligne psychologique du récit, un psychologue contemporain a reproché à Andréiev d'avoir souligné plusieurs fois qu'Alexeï — sous l'effet de la fatigue et de la boisson — comprenait difficilement ce qui lui arrivait et que sa conscience ne fonctionnait pas avec assez de sûreté. D'après ce chercheur, la transformation du héros et toute la nouvelle sont ainsi dénuées de sens, car, si l'on ne sait pas ce qu'on fait, les conséquences des actes et du comportement ne sont pas valables.¹⁷ Nous ne pouvons pas partager cette opinion. Pour Andréiev — qui ne connaissait pourtant pas Freud ni Jung — les motifs inconscients, instinctifs du comportement des héros avaient toujours de l'importance. Dans *Ténèbres* aussi, il dit plusieurs fois que sous l'effet de la fatigue et de la boisson, Alexeï obéit aux instincts de l'homme primitif qui éliminent les motifs conscients à plusieurs reprises,¹⁸ pour livrer la réflexion du héros à la merci de son „désir momentané”. Il en procède sa transformation, surprenante pour lui-même.

¹⁷ Е. Мечникова: Психопатология в произведениях Достоевского и Л. Андреева. — Вестник воспитания. 1910, № 4, отд. I, 198—9.

¹⁸ Par ex. : „Словно с каждой выпитой рюмкой он возвращался к какому-то первоначалу своему — к деду, к прадеду, к тем стихийным, первобытным бунтарям, для которых бунт был религией и религия — бунтом. Как линючая краска под горячей водой — смывалась и блекла книжная чуждая мудрость и на место ее вставало свое собственное, дикое и темное, как голос самой черной земли” (II. 171). Nous ne pouvons partager l'opinion selon laquelle Andréiev présente ici son „programme révolutionnaire” — à notre avis, il s'agit ici tout simplement de faire sentir, par des parallèles poétiques bien andréieviens, l'état d'âme du héros, sa conscience en train de s'obscurcir. Cf.: В. И. Беззубов, Леонид Андреев и Максим Горький ... 149.

Si l'auteur considère ou veut représenter cette transformation comme psychologiquement motivée, cela ne veut pas dire qu'il l'accepte moralement. A notre avis, l'état à moitié inconscient d'Alexeï lui importe tant précisément pour pouvoir suggérer que la transformation du héros n'est pas de caractère obligatoire.

La transformation des protagonistes, qui se fait en deux sens opposés, donnerait à penser qu'au fond, Liouba a une complexion plus révolutionnaire qu'Alexeï. Si l'on accepte cette idée, le message la de nouvelle subira une modification encore: la sympathie passive pour „ceux des ténèbres” caractérise alors les faibles, les pusillanimes, dont la conviction révolutionnaire s'évapore devant le premier obstacle cru infranchissable, le premier choc, la première crise morale sérieuse. Andréiev met en relief quelques traits négatifs d'Alexeï surtout son esprit rigoureusement conséquent et antidialectique, qui laisse croire que jusqu'aux événements décrits par le récit, le héros n'a jamais profondément réfléchi sur l'essence et les problèmes du mouvement révolutionnaire, mais s'acquittait mécaniquement des tâches reçues, conduit par une conviction donnée. Le lecteur aura en effet cette impression qu'Alexeï n'est pas un représentant assez digne de la révolution et que dans le récit d'Andréiev, l'idée et l'homme sont deux choses différentes. Ici, le problème est le suivant: cette impression ne diminue-t-elle pas la „valeur morale la plus haute” de l'idée représentée par le héros, valeur nécessaire pour la vigueur de l'opposition et pour la mise en relief de l'importance de la transformation future? n'abaisse-t-elle pas la foi révolutionnaire pour soulever avec assez de clarté une question philosophico-morale quoique l'auteur lui-même ne soit d'accord que pour la position du problème? En tout cas, Andréiev cherche à éviter ou à contrebalancer cette apparence. Ce n'est pas par hasard que lorsqu'elle apprend qu'Alexeï ne serait plus capable de l'emmener parmi les révolutionnaires, Liouba s'éloigne de lui (II. 176), et c'est ce qui semble motiver le comportement contradictoire de la fille dans la scène finale aussi. Ce n'est guère par hasard encore que dans la même scène finale, le comportement d'Alexeï est condamné même par le commissaire, „désireux de rencontrer des héros”.

La scène à laquelle Gorki adresse le plus de reproches est interprétable également de deux façons. D'après la conception répandue, la vie rejetée, foulée symboliquement aux pieds, témoigne du plaisir que l'auteur avait lui-même à ravalier la bonté et la pureté. Nous croyons plutôt que dans cette scène, Andréiev force les couleurs, cherche l'expressivité la plus grande possible, épaissit l'atmosphère jusqu'à l'hallucination précisément afin de donner la nausée au lecteur qui devra comprendre par ce moyen que le chemin choisi par le héros n'est pas le vrai. Ce n'est pas par hasard que cette scène est suivie par le passage, déjà cité, sur la transformation de Liouba, ayant pour tâche d'orienter comme il faut non seulement le rayonnement sentimental du récit mais son action aussi.

Dans *Ténèbres*, Andréiev suit la méthode utilisée par Dostoïevsky dans ses grands romans d'idées: il résout les problèmes „en marche”, avec ses héros en plein développement, sans cesser de lutter contre lui-même, pour résister aux séductions de l'empire des ténèbres, à la tentation de se rendre sans combat. De là vient de temps en temps cette impression du lecteur que l'auteur se range lui-même du côté des ténèbres. Andréiev compose son ouvrage avec une dialectique conséquente: la thèse y correspond à la foi révolutionnaire d'Alexeï, l'antithèse est représentée par l'assimilation d'Alexeï au monde des ténèbres, la synthèse par le réveil de la conscience de Liouba. Le point de vue de l'auteur ne se traduit pas par l'antithèse mais par la synthèse qui nie la précédente et reprend la thèse à un plus haut niveau. Il a besoin de la thèse et de l'antithèse pour donner le plus de force persuasive possible au point de vue représenté par la synthèse. Quelques nombreuses que soient les objections que l'on peut avoir contre la forme du récit au point de vue artistique, on doit reconnaître néanmoins que cette utilisation de la dialectique dans la composition est un coup de maître.

On ne peut guère partager les vues du chercheur, notre contemporain, selon qui Alexeï, en s'écartant du chemin des révolutionnaires terroristes, n'a pas renié toute lutte et toute révolte, mais, en acceptant les „ténèbres”, il s'est rallié à la conscience populaire collectiviste et à l'ensemble du peuple¹⁹. N'est pas convaincante non plus cette autre conception qui veut qu'Andréiev ait rendu sienne, par le récit, une exigence toute neuve des habitants des „ténèbres”: celle de s'unir au mouvement révolutionnaire, et que l'auteur ait lui-même professé que la collaboration des intellectuels révolutionnaires et des masses populaires était désormais nécessaire²⁰. Les théories pareilles représentent l'autre extrême par rapport à la conception dominante, dans le jugement de l'ouvrage, d'Andréiev énigmatique, contradictoire, inégal même artistiquement. Nous pensons cependant qu'il serait temps de rompre avec la conception, explicable en partie par l'atmosphère régnant après la révolution perdue, selon laquelle le récit d'Andréiev est à placer, par sa tendance ou son contenu objectif, parmi les produits de la littérature „dansant sur les tombeaux” et „dépouillant les cadavres”. *Ténèbres* contient certains éléments qui, détachés de leur contexte, ont pu être interprétés de cette manière. Nous pouvons désormais replacer ces éléments dans leur contexte et esquisser une interprétation vraie de l'ouvrage d'Andréiev, en modifiant ainsi l'image que l'on s'est formée à propos de la prise de position morale et politique de l'écrivain après la révolution de 1905.

Nous n'avons pas fait ces remarques pour masquer les contradictions d'Andréiev ou pour justifier sa manière de penser. Nous n'avons pas oublié

¹⁹ В. И. Беззубов, Александр Блок и Леонид Андреев ... 244.

²⁰ Л. А. Иезуитова, Леонид Андреев и Вс. Гаршин ... 103.

qu'en dernière analyse, la route de l'écrivain a conduit à la négation de la révolution en général et de la révolution prolétarienne en particulier. Par contre, nous avons peut-être réussi à faire sentir que son cheminement était plus compliqué que l'on ne l'imagine en général, et que l'étude de ces problèmes exige plus de soin et de circonspection que l'on ne l'a cru jusqu'ici.

Угорська література на Україні

К. О. ШАХОВА

Переклади з угорської літератури українською мовою мають уже свою історію, хоч її й не можна назвати дуже довгою, щось понад сімдесят років. Перші відомі переклади (ми маємо на увазі такі, що мали певний резонанс у читацьких колах) — це переклади з угорської поезії, зроблені Павлом Грабовським, видатним поетом, публіцистом, революціонером-демократом (1864—1902). Історія цих перекладів небуденна, як і трагічне життя Грабовського.¹

Молодий поет-революціонер, перебуваючи в дев'яностих роках на засланні в Сибіру, почав працювати над перекладами віршів з різних мов світу. Грабовський знав кілька іноземних мов, зокрема німецьку і такі слов'янські, як польська, чеська, болгарська. Крім того, він був знайомий з багатьма засланцями, культурними, освіченими людьми, що володіли іноді кількома мовами. Саме вони допомагали Грабовському спорядити те, що ми зараз називаємо підрядником, а поет передавав ці прозові переклади мовою поезії. У листі до Б. Грінченка від 31. 8. 1900 р. він так пояснював спосіб своєї праці: «Найбільше так: товариші, що добре знають усякі мови, перекладали мені *буквально*, а я з тих перекладів робив свої віршовані. Крім того, я випишував чимало книжок по історії літератури різних народів, читав чимало статей про поезію чужосторонню і в тих творах чимало находив *дословних прозових* перекладів, котрими і користувався.»² Саме так постали переклади і переспіви творів багатьох європейських поетів: Бернса, Байрона, Гейне, Гете, Фрейліграта, Ленау, Лонгфелло, Ботєва, Конопницької та інших. В якутському засланні Грабовський звернувся

¹ Про П. Грабовського — перекладача творів Ш. Петефі див. також: Д. Радо, Українська література в Угорщині. «Всесвіт». Київ, 1960, № 1; Ю. Шкробінець, П. А. Грабовський — перекладач поезій Шандора Петефі. Тези доповідей і повідомлення до XIX наукової конференції Ужгородського державного університету. Ужгород 1965; В. Ю. Васовчик, Переклади П. А. Грабовського з угорської мови. „Радянське літературознавство”. 1965, № 12, стор. 23—31.

² Павло Грабовський: Зібрання творів у трьох томах. Видавництво АН УРСР. Київ, 1960. Т. III, стор. 296.

й до угорської поезії. Угорською мовою він не володів, і знайомство з творами поезії Угорщини відбулося посереднім шляхом, через російські переклади. В цей час існувала вже значна кількість російських перекладів поезій Петефі, були відомі статті про великого угорського поета («Александр Петефи, венгерский поэт», «Русское слово», 1861, март), статті загального характеру про угорську літературу, нарешті збірка «Мадьярские поэты», що вийшла в 1897 р. у Петербурзі під редакцією Новіча. З усіх можливостей познайомитися з творами угорської поезії, найбільш реальною для Павла Грабовського була — через збірку Новіча. Сумнівно, що він мав у Якутську в своєму розпорядженні старі номери журналів «Дело», «Наблюдатель», «Русский вестник» за 70-ті, 80-ті роки. Збірку ж Новіча він мав, про що свідчить вибір віршів для перекладу.

Про переклади Грабовського знав Іван Франко. Грабовський надсилав Франку свої рукописи з віршами не лише Петефі, а Е. Абрані, Е. Сабо, Й. Етвеша, Ш. та К. Кішфалуді та ін. Франко прочитав їх, зробив деякі редакторські зміни, допоміг у публікації. Кілька перекладів віршів Петефі: «Повертався з чужини» (Füstbement terv), «У тумані над водою» (Falu végen kurta kocsmá) та інші з'явилися у львівському журналі «Зоря» і в збірці «Доля» (Львів, 1897 р.). Але те, що тоді з'явилося у пресі, було лише незначною частиною зроблених Грабовським перекладів з угорської поезії. Більшість з них залишилась у рукопису, точніше — в рукописній збірочці «Хвиля», частина якої була видана лише в 1941 р. в збірці «Вибрані поезії». Повністю переклади були надруковані в академічному виданні в 3-х томах, що з'явилося в 1959 році. Збірочка «Хвиля» містить переклади віршів М. Томпи, Д. Ревіцкі, Ш. і К. Кішфалуді, М. Чоконаї, Є. Ком'яті, Я. Араня, Г. Цуцора, Я. Вайди, П. Д'юлаї, М. Верешмарті, Й. Етвеша (Павло Грабовський, Зібрання творів. Т. II, стор. 201—40).

Більше всього перекладів з Петефі — 33 вірші. В одному з своїх листів Грабовський писав: «Згодом я маю замір перекласти з цього поета видати окремою книжечкою під назвою «Вірші О. П.» (штук 30 разом)...» Поруч він вказує, що його вірш «Зустріч» є переробкою з Петефі.³

Серед віршів Петефі, які Грабовський переклав чи переспівав, ми знаходимо «Нема в світі милішого нам» (Szabadság, szerelem), «Ржавий меч, що носили батьки» (A magyar nemes), «Не хочу бути жінкою слабою» (Ha férfi vagy, légy férfi), «За тебе я боровся, рідний краю» (A rab), «Не того я зву щасливим» (Élet, halál), «Порожнісенські кишені» (A vándorlegény), «Плаче, жажнувшись, хворе дитятко» (A dal), «Перестигла нива» (Érik a gabona), «По долині річка в'ється» (Mi foly ott a mezőn), кілька віршів з циклу «Хмари». Характер перекладів був обумовлений тогочасним рівнем перекладацького мистецтва взагалі, точніше, вимогами і нормами, які були загальноприйняті в минулому столітті й припускали досить вільні переробки, зміну способу римування, ритму, націо-

³ Там же. Т. III, стор. 273.

нального колориту. Широко вживалися так звані переспіви (szabad fordítások) або перелицювання.

Як сам Грабовський пояснював у передмові до збірки «Доля» (1897 р.), вибір творів для перекладу залежав від таких причин: «Деякі твори привабили мене або формою художньою, або згодою думок з моїми власними, в інших я сам вишукував придатного виразу для своїх гадок та почувань... У декотрих поетів я брав тільки мотив, переймався настроєм, а переспівував цілком по-своєму.»⁴ Ці рядки багато що пояснюють, передусім, чому більшість перекладів з угорської — це поезії Петефі. Молодому українському поету-революціонеру Грабовському був близький молодий Шандор Петефі — угорський революціонер-демократ. В їх долі, психічному складі, думках і мріях було багато спільного. І хоч Грабовський не знав найбільш революційних політичних віршів Петефі, він відчув у народній демократичній поезії Петефі, в його ліриці і піснях щось дуже близьке й дороге для себе. По-друге, стає зрозумілим, чому переклад іноді так далеко відходить від букви оригіналу. Це скоріше переспів, варіація теми.

Такою була настанова Грабовського,⁵ саме так часто перекладав Іван Франко й інші тогочасні поети-перекладачі.

Дуже цікавим прикладом може бути вірш «За тебе я боровся, рідний краю» (A gab). Загалом переклад досить близький до оригіналу. Збережені ритм поезії, кількість строф і головна думка кожної з них, збережені і основні образи. Але вірш про в'язня, що страждає у темряві тюрми довгі роки, набув під пером Грабовського нового, більш особистого і більш конкретного змісту.

Коли знаєш про трагічну долю поета, що майже все своє свідоме життя провів у царських в'язницях, на засланні, розумієш, чому так проникливо й журно звучить четверта строфа, звідки в ній така особиста інтонація:

«Кому в тюрмі доводилось сидіти,
Той добре зна, яка тяжка вона;
Той добре зна, як світом тут нудити...
Година — й та мов довгий рік мина».

У Петефі ця строфа, як і весь вірш, не такі особисті, головний образ породжений уявою поета, а не його життєвим досвідом. Важливо, що власний досвід Грабовського не тільки сповнює задум Петефі живою кров'ю, але й доповнює текст перекладу певними деталями, яких в угорського поета не було. Це слово «борець» у III-й строфі, «ненависні тирани» у VII-й та інше. Є ще одне слово, зайве для точного перекладу, але зрозуміле у Грабовського, слово, що надає віршу певного національного акценту, це — «козак» у V-й строфі. Це не просто

⁴ Там же. Т. I, стор. 459.

⁵ Там же. Т. I, стор. 35, а також т. III, стор. 296.

перелицювання угорського вірша на український манер, скоріше — актуалізація вірша, наближення його до українського читача, конкретизація всього, що в ньому розказане.

В останніх рядках Петефі говорять, що прийшов кінець чорним крукам — рокам ув'язнення, прилетів прекрасний білий голуб — вісник звільнення. Грабовський не зберіг цього протиставлення двох образів. У нього початок передостанньої строфи звучить непереконливо, якимось незрозуміло. «Як ось над ним злетілись хижі круки, Зійшлись його додому випускати. . .» Треба думати, що тут є вина й невдалого російського перекладу строфи. Відрізняється характер римування, воно в перекладі перехресне, а Петефі римує лише другий і четвертий рядки. Але це моменти другорядні. Важливо, що Грабовський не лише перейнявся задумом Петефі, настроєм і образами його вірша, але й створив його високохудожнє відтворення українською мовою, що конкретністю і щирістю почуття навіть перевершує оригінал.

Можна навести ще приклади вдалих поетичних, художньо досконалих перекладів віршів Петефі. З великим гумором, глибоким почуттям симпатії перекладений вірш „A vándorlegény” («Порожнісенькі кишені»). Сатирично гостро звучить в перекладі „A magyar nemes” («Ржавий меч, що носили батьки»).

Близькі до оригіналу за настроєм, головною думкою переклади з циклу «Хмари», хоча форма їх часто зовсім не схожа на оригінал. Це „Nem sírok ép” („Я не плакав, я нічого”), „Fönséges éj!” («Яка ж бо то гарнесенька ся ніч»), „Szállanak reményink” («Надії наші — се пташки»), „Mint lőt-fut a boldogság után” («Плаче інший, вік свій б'ється»), „Szeretném itt hagyni” («Я втік від сіля»). Грабовський переклав кілька віршів з циклу «Кипарисові віти». Це, „Hol vagy, te régi kedvem?” («Де ти, де ти, моя доле?»), „Le az égről hull a csillag” («З неба спадають зорі ясні») та з циклу «Перлини кохання»: „A letarlott” («Степ замовк, зробився пустою»). Таким чином, в його перекладах представлена лірика Петефі, філософські, патріотичні, сатиричні вірші, народні пісні тощо. Важко переоцінити великий внесок, який зробив український поет у справу наближення українського і угорського народів, ознайомлення українського читача з кращими досягненнями культури, зокрема, поезії народу-сусіда. Грабовський належав до тих безкорисливих друзів Угорщини, які з усією відданістю, в міру своїх сил і таланту, допомагали літературі Угорщини стати світовою літературою. Як і Іван Франко і Леся Українка, корифеї української літератури, Грабовський своїми перекладами робив велику не лише історико-літературну, а й політичну справу, «боровся за дружбу і братерство між народами, за єднання демократичних сил усіх націй, виховував в українському народі „чуття єдиної родини».⁶

До Великої Жовтневої соціалістичної революції переклади Грабовського були найзначнішим явищем у галузі перекладів творів угорської літератури

⁶ Там же, Т. I, стор. 35.

українською мовою. Ще кілька перекладів (наприклад, «Син чи пасинок» Калмана Міксата, що вийшов у 1908 році у видавництві «Час», та інші) мали випадковий характер і, звичайно, не могли дати уявлення про угорську літературу взагалі. Невелика кількість перекладів у цей час була обумовлена різними причинами. В дореволюційний час число українських видань взагалі було досить обмежене, що було обумовлено політикою національного гноблення, яку проводив царський уряд щодо всіх неруських народів царської Росії. Бракувало кваліфікованих перекладачів, тим більше з такої малопоширеної мови, як угорська. Не було достатньої інформації про літературний процес в Угорщині. Твори угорської літератури українська інтелігенція мала можливість прочитати лише в перекладах іншими європейськими мовами (німецькою, французькою). Після Великої Жовтневої революції, яка принесла з собою справжній розквіт національних культур усіх народів нашої країни, починається широка і дуже цікава робота по перекладу кращих творів світової літератури мовами народів СРСР.

В 20-х роках на Україні, як і в усіх інших республіках СРСР відбувається небачений за своїми масштабами процес прилучення широких народних мас до здобутків світової культури. Але потрібні були роки накопичення знань, роки шукань, підготовчої культурної, ідеологічної праці для того, щоб справа перекладу художньої літератури набула розмаху. Це обумовило відносно невелику кількість перекладів з угорської літератури, які з'явилися в 20-х роках на Україні.

Переламним моментом був 1930 рік. У цьому році в Харкові, тодішній столиці УРСР, відбувся інтернаціональний конгрес пролетарських письменників, у якому брали участь видатні діячі революційної і прогресивної літератури різних країн світу. Це була чудова нагода для широкого обміну думками, дружніх творчих дискусій, особистих контактів. На конгресі були присутні й угорські митці. В цей час в Радянському Союзі жило в еміграції багато угорських революційних письменників і поетів. У 30-х роках угорська письменницька організація, яка входила до складу Спілки письменників СРСР, була численною, творчо дуже активною і бойовою.

Харківський конгрес дав поштовх для активізації перекладацької роботи насамперед над творами сучасної революційної пролетарської літератури Заходу, в тому числі й творами угорських пролетарських письменників. Сприятливою умовою для подолання складного мовного бар'єру було те, що угорські письменники-емігранти, які вже кілька років жили в СРСР, володіли російською мовою і могли допомогти у перекладі творів своїх товаришів. Крім того, частина книжок угорських авторів (це стосується прози) виходила німецькою мовою. А у перекладів з цієї мови у нас існували вже давні традиції, та й були кваліфіковані кадри перекладачів. У 30-х роках у перекладах з угорської, німецької і російської мов видано на Україні багато творів Мате Залки («Добердо», «Перший, другий, третій», «Повість про вічний мир», кілька збірок оповідань,

уривок з роману «Комети повертаються» і окремі новели), Бели Іллєша (окремі частини «Карпатської рапсодії», оповідання, нариси), новели Андора Габора, роман «Гримить барабан» Шандора Гергея, «Угорські оповідання» Фрідьєша Карікаша, «Героїчний район» Лайоша Кіша, оповідання Еміля Мадараса та ін. Популярністю серед дітей і підлітків користувався «Карлусь Брунер» Бели Балажа, був перекладений також і його «Моцарт». На сценах українських театрів з великим успіхом йшла антифашистська п'єса Шандора Гергея «Син», яку він написав разом із радянським драматургом Літовським за своїм власним великим оповіданням з цією ж назвою. Всі вище згадані твори ставили важливі теми і проблеми перших десятиліть нашого століття. Вони знайомили радянського читача й глядача з угорською дійсністю напередодні першої світової війни, тобто в часи в дуалістичної Австро—Угорської монархії; розповідали про події імперіалістичної війни, про пробудження в солдатах кайзерівсько-цісарської армії антивоєнних і революційних настроїв; про події революції 1919 року в Угорщині, та її героїв, про страшний розгул контрреволюції, який почався після падіння Угорської радянської республіки. Важливе місце посідала в цих творах тема інтернаціональної дружби угорських трудящих з простими людьми інших країн, тема участі колишніх солдатів імператорської австрійської армії, які потрапили в полон, в подіях Жовтневої революції і громадянської війни в нашій країні. Нарешті, великим драматизмом і навіть трагізмом були насичені твори про життя угорського народу в 20—30-ті роки, про боротьбу комуністів проти реакційного фашистського уряду Хорті за нову демократичну Угорщину. Твори, пов'язані з антифашистським рухом, який зміцнів у Європі 30-х років, становили важливу складову частину іноземної літератури (в тому числі угорської), що виходила в українських перекладах цього часу.

Не можна не згадати ще одного факту, дуже важливого для ознайомлення українських читачів з кращими надбаннями культури сусіднього народу.

У 1938 році в Харкові вийшло перше видання перекладів вибраних творів Шандора Петєфі українською мовою, зроблених молодим поетом Леонідом Первомайським з угорського оригіналу. Поштовхом до цієї роботи була дружба Первомайського з Мате Залкою, який часто гостював на Україні. Мате Залка навчив українського поета любові до Петєфі, від нього Первомайський почув, як звучать вірші великого угорця, дізнався про його революційну і політичну поезію. Зроблені старанно і з великою пошаною до оригіналу переклади Первомайського відповідали високим вимогам радянської школи перекладу, вони відтворювали не лише зміст оригіналу, але й його форму, були дуже близькі до нього своєю образною системою, ритмікою тощо. У першу збірку, що з'явилася в 1938 р., ввійшло більше 60-ти віршів. Найбільшу увагу перекладач приділив ліричним поезіям Петєфі, народним пісням і жанровим сценкам, а також політичній ліриці. У першій збірці були й свої недоліки. Перед усім досить обмежений вибір поезій, деякі строфічні скорочення.

Справу, яку 40 років тому почав поет-революціонер Грабовський, тепер

з успіхом продовжував радянський поет. Як уже згадувалось, далеко не всі переклади Грабовського були надруковані. Значна їх частина понад півстоліття залишалась у рукописах. Тому справжнє глибоке знайомство з багатогранною поезією найбільшого поета Угорщини почалося для масового читача на Україні саме з виходом збірки перекладів Первомайського.

Говорячи про твори угорських письменників, видані на Україні в 30-х роках, не можна не згадати про те, що в українській періодиці цього часу було надруковано чимало статей, рецензій, відгуків на ці твори, що майже до кожної нової книжки писалися передмови або післямови, які давали читачеві певні відомості не лише про дану книжку, а й про її автора, його місце в літературі країни, про події в Угорщині тощо. Серед перекладачів угорської літератури цього часу слід назвати, крім Леоніда Первомайського, такого відомого поета, як Володимир Сосюра, письменника Дмитра Бедзика.

Вітчизняна війна була важким випробуванням для нашого народу. Після війни невідкладним завданням було вилікувати військові рани, підняти з руїн народне господарство, відбудувати знищені ворогом школи, театри, бібліотеки. Але, незважаючи на всю складність часу, не припиняється робота по ознайомленню радянських людей з досягненнями світової літератури, хоч темп і обсяг перекладацької справи в цей період дещо знизився порівняно з довоєнним. У 1949 році вперше в СРСР вийшла збірка поезій Ендре Аді і Атілли Йожефа в перекладах Костя Дрока і Миколи Шаповала. Цікаво, що українські переклади з'явилися задовго до перших перекладів творів цих чудових угорських поетів російською мовою. В цей же час Держлітвидав УРСР випустив масовим тиражем новий переклад роману М. Залки «Добердо». Синя книжечка з прізвищами Аді і Йожефа і томик Залки були першими ластівками нової весни, нового розквіту в галузі перекладу угорської літератури українською мовою, який почався в 50-ті роки.

Якщо в 40-х роках в українських перекладах з'явилося лише дві угорські книжки, то в 50-х роках їх було вже 16, а в 60-х — більше 25. Двічі видавались у перекладах закарпатського письменника Івана Чендея «Оповідання» Ж. Моріца, стільки ж разів вірші Петефі у перекладах Л. Первомайського. До другого і третього видання він підготував багато нових перекладів поезій, до цього часу невідомих українському читачеві. До другого видання творів Петефі дуже глибоко і серйозно передмову написала професор Київського університету Тетяна Якимович. У цій передмові вона визначає місце поета в світовій класичній літературі, показує його самотність і одночасно спорідненість з найбільшими революційними і демократичними художниками Європи його часу.

У 1958 році ужгородець Юрій Шкробінець переклав роман «Народжені в пустях» Дьюлі Йєша. Це був уже не перший переклад з угорської здібного перекладача і науковця, який багато робить для популяризації на Україні творчих здобутків письменників Угорщини. Йому належать переклади не лише прозових, але й віршованих творів, поезій Йєша та ін., сучасних митців, а також

творів класичної спадщини, зокрема, поезій Араня та Петефі. Високу оцінку дістав його переклад поеми «Апостол», що був надрукований у 1967 р. в журнальному варіанті, а в 1968 р. виданий окремою книжечкою (видавництво „Карпати”). Праця Шкробінця точно відтворює ідеї, образи, примхливий ритм шедевра політичної поезії великого угорця.

В тому ж таки 1958 р., коли громадськість познайомила з романом Ййеша, вийшли оповідання Мора Йокаї під загальною назвою «Жовта троянда». Переклади були здійснені Чендеєм і Маркушем, котрі відібрали з величезної спадщини Йокаї кращі новели про народне життя. В наступні роки з'явився друком переклад роману «Сини людини з кам'яним серцем», зроблений К. Бібіковим. Бібіков взагалі багато працює в галузі перекладу з угорської мови. Він співробітничав у видавництвах «Дніпро», «Молодь» і багато робить для популяризації сучасної прози, творів Жужі Кантор, Імре Кесегі, Ерньо Урбана, Гези Хегедюша та інших.

Треба додати, що з творів Йокаї на Україні виданий ще фантастичний роман «3000 кілометрів під кригою» (Дитвидав).

У 1955 році з'явився український переклад одного з найпопулярніших у нашій країні романів класичної угорської літератури — «Дивний шлюб» Міксата.

Великою подією літературного 1967 року на Україні був вихід у світ «Трагедії людини» Імре Мадача у перекладі Миколи Лукаша. Лукаш ставить собі складні завдання, він перекладає твори, які є найвищим досягненням художнього таланту людства, твори, в яких кожний рядок — перлина, кожне слово вагоме і сповнене змісту, де просто неможлива ремісничка робота, потрібна творчість.

Микола Лукаш вільно володіє мовою оригіналу, для нього не існує ускладнень, неминучих для того, хто працює з підрядником. Він відчуває дух поезії Мадача, досконало передає її форму. Влучні афористичні рядки, тонкі нюанси у мові діючих осіб — все це чудово відтворено у його перекладі. Мова поеми, в якій висока філософська лексика живе поруч з живим барвистим просторіччям, грає всіма кольорами в українському відтворенні мадачевого шедевра. Читаючи переклад «Трагедії людства», відчуваєш насолоду не лише від самого твору, але й від того, як він звучить українською мовою.

Серед українських перекладів з угорської, що з'явилися за останні роки, слід назвати роман «Панський суд» — перший том історичної трилогії Шандора Гергея про Дьєрдя Дожу, роман Ш. Шомодь-Товта про сучасну молодь «Як справи, юначе?» та ін. Можна було б продовжити цей перелік, тим більше, що вище названі лише деякі з книг, які вийшли окремими виданнями. Але ж багато творів з'являються на шпальтах газет і часописів. Перед у популяризації красного письменства Угорщини веде журнал «Всесвіт», який першим друкував і «Апостола» Петефі, і вірші Ййеша, і роман Шомодь-Товта. Загалом на його сторінках з'явилися твори десятків угорських авторів, статей про літературу братньої країни.

За останні десятиліття перекладено багато і рівень перекладів у більшості випадків достатньо високий, загальне уявлення про літературу Угорщини у радянського читача склалося досить повне (треба пам'ятати, що українські читачі знайомляться з книгами угорських письменників не лише на українській мові, але й дуже широко на російській). Але поки що слабким місцем був переклад творів новітньої літератури Угорщини. У виборі творів часто спостерігається елемент випадковості, цей вибір іноді залежить від смаків перекладача. Перекладаються твори пригодницького і детективного жанру, які користуються великим попитом у молоді. Само по собі це вже й не так погано. Та поганим є те, що такі твори витісняють іноді глибокі й зрілі книжки, з якими корисніше було б познайомити читача. У нас ще мало літературознавчих робіт про угорську літературу, особливо сучасну.

Та все це недоліки, які безумовно будуть з часом усунуті. Велика і благородна справа ознайомлення українського народу з братньою угорською культурою розвивається, росте, стає ширшою і глибшою. Це важливий фактор нашого взаєморозуміння, зміцнення нашої дружби, нашого обопільного культурного збагачення і у неї велике і надійне майбутнє.

La Russie dans l'opinion publique française 1815-1848

E. NIEDERHAUSER

Pays lointain et exotique aux yeux de l'opinion publique française du XVIIIe siècle, dont on devinait plutôt l'essence que ne le connaissait approximativement, la Russie est devenue, aux temps des guerres napoléoniennes, tout à coup une réalité bien proche. Les soldats russes campaient sur les Champs Elysées, Alexandre apporta les Bourbon et octroya la monarchie constitutionnelle aux Français. Les troupes russes s'en allèrent bientôt, il est vrai, mais l'existence et le rôle européen de l'empire russe restaient tout de même un problème qui se présentait d'une façon continue.

Dans une étude approfondie, un chercheur américain, R. Th. McNally¹ a déjà retracé l'évolution de l'image que se faisait l'opinion publique française de la Russie de 1814, temps de la première occupation, jusqu'à 1843, l'apparition du livre du marquis de Custine. Nous ne nous proposons pas de refaire ce tableau, mais d'en saisir et interpréter quelques problèmes.

En 1814, en égard de la situation, l'opinion publique française accuse une russophilie unanime. Tout le monde est épris de l'empereur Alexandre (la différence seule, c'est que quelques-uns s'enthousiasment pour l'autocrate, tandis que des autres sont exaltés par sa conduite et ses vues libérales, opposées au premier). On s'enflamme pour les soldats russes, plus encore pour les officiers, avec lesquels on peut s'entendre d'ailleurs. Cette russophilie unanime et qui n'est pas toujours sincère est remplacée, au temps de la seconde occupation, et encore plus après elle, par une position critique envers la Russie. Cette critique se fait jour fortement aux années 1826-1830, la raison se cache dans la politique russe concernant la question orientale, même si ce n'est pas avoué par tout le monde. 1830-1831 apporte le grand choc: la répression du soulèvement polonais produit une critique vivante dans la France devenant de plus en

¹ RAYMOND TH. McNALLY: *Das Russlandbild in der Publizistik Frankreichs zwischen 1814 und 1843. Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. Bd. 6. Berlin, 1958, p. 82-169. V. encore MICHEL CADOT, *La Russie dans la vie intellectuelle française 1839—1856*. Paris, 1967, p. 641 que nous malheureusement, n'avons pas pu utiliser.

plus libérale. La France officielle même fait quelques gestes aux Polonais, quoique le gouvernement de Louis Philippe, au fond, approuve le tournant des événements qui empêchèrent la Russie de s'opposer à la monarchie de Juillet. Dans les années trente et quarante, des raisons politiques et idéologiques renforcent la critique et la rendent dominante. D'autre part, il y a des voix russo-philés aussi qui conseillent l'amitié, sur le fond des considérations de politique étrangère. La révolution de 1848, puis la guerre de Crimée créent une nouvelle situation, mais les voix ne tardent pas qui proposent une entente franco-russe. L'opinion publique française de la seconde moitié du XIXe siècle, tellement favorable aux Russes et, en général, aux Slaves, reçoit les premières instigations dans les années quarante déjà, dans l'oeuvre de Robert Cyprien et Hippolyte Desprez. Bien sûr, ce n'est pas la Russie officielle encore qui se trouve au premier plan des sympathies, mais les autres Slaves, surtout les Slaves de Sud, négligés jusque là.

Si même, depuis 1818 à peu près, la critique l'emporte sur la sympathie, les représentants de toutes les deux font entendre leur voix. Grosso modo, on pourrait dire que les frontières de la sympathie et de l'antipathie coïncident avec le parti pris dans la politique actuelle; ce sont les conservateurs qui admirent la Russie et les libéraux qui la critiquent. Ayant passé des années en Russie, pendant l'émigration, Joseph de Maistre, dans son livre *Du pape* et dans les *Soirées de Saint-Pétersbourg* s'engage à démontrer la supériorité du régime russe sur les expérimentés européens. Pour des motifs personnels, Balzac aussi prend une position russophile, quant au soulèvement polonais, contrairement à toute l'opinion publique française, il insiste que toutes les deux parties avaient raison dans leur lutte. Dans ses lettres privées, destinées en partie pour la censure russe, il déclare qu'il aimerait à devenir Russe, puisque Nicolas est le seul véritable monarque.² Ou bien on pourrait mentionner Marmont,³ l'ancien maréchal de Napoléon, devenu conservateur acharné après la Restauration. En 1826, c'est lui qui représente Charles X au couronnement de Nicolas Ier, et au cours de son voyage oriental après la révolution de Juillet, il ne cache pas ses sympathies pour le régime russe.

D'autre part, il faut citer l'abbé de Pradt, dont la carrière remonte aussi aux temps napoléoniens, qui, en 1823, déclare que l'Europe s'est affranchie de Napoléon pour tomber sous l'hégémonie russe.⁴ S'étant rendu en Russie comme membre de la délégation de Marmont en 1826, J. A. F. P. Ancelot⁵ voit la

² ZYGMUNT MARKIEWICZ: Balzac et la Pologne. Mythes et réalité. *Antemurale*. T. XI. Romae—Londini, 1967, p. 205—19.

³ „Voyage du maréchal duc de Raguse en Hongrie, en Transylvanie, dans la Russie méridionale, en Crimée, et sur les bords de la mer d'Azoff, à Constantinople, dans quelques parties de l'Asie-Mineure, en Syrie, en Palestine, et en Egypte.” Tome premier. Paris, 1837.

⁴ V. ERNST BIRKE: Frankreich und Ostmitteleuropa im 19. Jahrhundert. Beiträge zur Politik und Geistesgeschichte. Köln—Graz, 1960, p. 43.

situation d'une façon bien différente. Chez lui, c'est l'expérience personnelle qui l'excite à la critique, tandis que chez M. Niellon-Gilbert,⁶ c'est la question orientale qui explique sa russophobie. Quelques années plus tard, c'est Saint-Marc Girardin qui s'oppose à la Russie, excitant les Slaves.⁷ En 1843 vient le comble avec le livre du marquis de Custine.⁸ Dans ce livre un peu surabondant („Cette abondance est peut-être ce qui, dans son ouvrage, gêne le plus un lecteur contemporain” —, écrit Legras)⁹ il brosse un tel tableau de la Russie que le gouvernement russe s'efforçait de refuser ses constatations dans des brochures, publiées en Occident. Le gouvernement essayait même d'obtenir l'aide de Balzac dans cette campagne de presse. Ami personnel du marquis, Balzac critique son livre, en évitant de le faire publiquement.¹⁰

On serait tenté de dire que l'Alsacien Joseph Schnitzler¹¹ occupe une position intermédiaire quant à la Russie (de Custine lui reproche vivement sa russophilie): en effet, quelquefois il parle de Nicolas et du régime politique en Russie avec une chaleur qui révèle la révérence du petit homme envers les grands, son humilité-même. (C'est peut être cette conduite qui provoqua l'ennui du marquis de Custine, conduite qui ne lui était pas tout à fait étrangère au début de son voyage). En même temps il éprouve une certaine sympathie envers les décembristes, il était témoin oculaire de leur soulèvement à Saint-Pétersbourg. Bien sûr, il désapprouve leurs objets.

Quelle était la source de tous ces partis pris? La première, c'était l'expérience personnelle. Pour la plupart, ils ont vu la Russie, y vivaient même pour des années, comme Schnitzler. Mais cette expérience n'était pas suffisante toujours. De Custine n'a passé que quelques semaines en Russie, il ne savait pas un mot en russe d'où les malentendus dans son livre. Et ceux qui n'ont même pas vu la Russie? De Custine expose maintes fois des thèses qui rappellent celles des „Zapadniki”, libéraux russes, surtout de Čaadaev. On suppose depuis longtemps que c'est d'ici qu'ont puisés les auteurs français. La littérature his-

⁵ M. ANCELOT: *Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines*, en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur. Paris, 1827.

⁶ M. NIELLON - GILBERT: *La Russie, ou coup d'oeil sur la situation actuelle de cet empire*. Paris, 1828.

⁷ V. BIRKE: *op. cit.* p. 40.

⁸ Le marquis DE CUSTINE: *La Russie en 1839*. Seconde éd. revue, corrigée et augmentée. Vol. 1-4. Paris, 1843.

⁹ JULES LEGRAS: „La Russie en 1839” du marquis de Custine. *Le Monde Slave* 1932. II. No. 5, p. 199.

¹⁰ Z. MARKIEWICZ: *op. cit.* p. 210.

¹¹ J. H. SCHNITZLER: *Études sur l'empire des tsars. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825*. Vol. 1—2. Paris, 1847. (Cité dans ce reurs qui suit: *Études*.); M. J.—H. SCHNITZLER: *La Russie, la Pologne et la Finlande. Tableau statistique, géographique et historique de toutes les Parties de la Monarchie Russe prises isolément*. Paris, 1835. (Cité comme *La Russie*).

torique, d'ailleurs, ne trouve pas cette constatation bien fondée.¹² Une source et utilisée, c'était sans doute la grande histoire des littératures slaves de Šafárik.¹³ Et il ne faut pas oublier les émigrés polonais. Après 1831, Paris était un des centres de l'émigration polonaise, c'était précisément l'aile Czartoryski, mêlant un peu de libéralisme à sa position de conservateur qui était proche des libéraux français et qui exerçait à Paris une forte influence. Il est bien connu que, depuis 1840, Mickiewicz faisait des cours au Collège de France. Des pamphlets polonais, publiés en français et qui étaient loins d'accuser un caractère russophile, pouvaient aussi fournir des données et des points de vue. Comme le pouvait faire le cours de la politique extérieure et tout ce que l'on pouvait savoir, en France, de l'évolution de la Russie, de son rapport au soulèvement grec, à la répression du mouvement des décembristes, aux nouveaux moments dans la question orientale vers le tournant des années trente-quarante etc.

Le premier point qui se pose presque dans tous les ouvrages concernant la Russie, c'est le suivant: La Russie est un pays, gouverné d'une manière despotique où il n'y a pas de liberté. De Maistre donne à l'autocratie un jugement de valeur. Mais la plupart des auteurs la condamne. De Custine reçoit les premières leçons d'autocratie déjà en voyageant vers la Russie, des Russes, mais ses vues balancent encore. Ce qui l'oppose définitivement au régime de Nicolas, c'est l'offense causée à l'aristocratie russe: quand il entend que Nicolas ne veut même pas entendre du prince Troubetzkoï, exilé en Sibérie à cause du mouvement décembriste: „Plus d'hésitation —, s'écrie-t-il —, plus d'incertitude; pour moi l'empereur Nicolas est enfin jugé... C'est un homme de caractère et de volonté, il en faut pour se constituer le geôlier d'un tiers du globe mais il manque de magnanimité” (op. cit. vol. 3. p. 43). Schnitzler ne désire pas un changement radical du régime russe, mais même lui, il regarde comme indispensable le règne des lois: „un tel système n'est pas incompatible, on le sait, même avec l'absolutisme pur, principe dominant en Russie, et suivant nous, principe dominant salutaire.” (Études. Vol. 2. p. 126). Ancelot prend parti du gouvernement constitutionnel, précisément à cause de ses expériences russes en disant qu'il est le meilleur non seulement aux peuples, mais aussi aux monarques, en leur réservant l'empire des bienfaits seulement (op. cit. p. 335).

De Custine est inépuisable dans la critique de l'autocratie. Selon lui, „l'éternelle tyrannie orientale nous menace incessamment et nous la subissons si nos extravagances et nos iniquités nous rendent dignes d'un tel châtement” (op. cit. vol. 2. p. 317.) Son grand-père et son père ayant été exécutés par la révolution, lui, il est opposé à la révolution, il ne voit nulle différence entre la terreur révolutionnaire et le despotisme. „En France, la tyrannie révolutionnai-

¹² LEGRAS: op. cit. p. 195.

¹³ BIRKE: op. cit. p. 39.

re est un mal de transition; en Russie, la tyrannie du despotisme est une révolution permanente.” (ibid. p. 66). Position assez répandue à cette époque et bien à comprendre chez lui, mais qui ne cesse pas d’être profondément fausse. Ce qu’il dit des conséquences du despotisme est plus ou moins vrai. „Le despotisme inspire l’indifférence et le découragement, même aux esprits les plus déterminés à lutter contre ses abus criants” (op. cit. vol. 4. p. 43). Ici, on craint toujours quelque chose. „Le pis, c’est que cette crainte est fondée” (ibid. p. 49). Et plus tard: „Partout où le jeu de la machine publique est rigoureusement exact, il y a despotisme. Le meilleur des gouvernements est celui qui se fait le moins sentir” (ibid. p. 314). „C’est ici que j’admire, sans le comprendre, le prestige que le gouvernement russe exerce sur les esprits. Il obtient le silence, non-seulement de ses sujets, c’est peu, mais il fait se respecter même de loin par les étrangers échappés à sa discipline de fer” (ibid. p. 301). Chose, d’ailleurs, où le marquis a tort: toute une série de voyageurs français ont exprimé leur critique bien avant de Custine. L’aristocrate et l’adversaire de la démocratie se montre quand il compare la situation dans les prisons russes à celle des esclaves aux États-Unis, „rapprochement remarquable entre les excès du despotisme et les abus de la démocratie” (ibid. p. 281., note infrapaginale). En se rendant en Russie, sur le bateau, un certain prince K. lui explique: „Chez nous, le despotisme est plus fort que la nature, l’Empereur est non-seulement le représentant de Dieu, il est la puissance créatrice elle-même: puissance plus étendue que celle de notre Dieu, car celui-ci ne fait que l’avenir, tandis que l’Empereur refait le passé!” (Op. cit. vol. 1. p. 185.) Schnitzler aussi note ce rôle personnel et l’importance du monarque. A l’occasion des funérailles d’Alexandre Ier, toutes les mesures sont prises au nom du nouvel empereur. „On semble prendre soin, en Russie, que l’empereur et la cour ne soient pas perdus de vue pendant le plus petit moment” (Études. Vol. 2. p. 233).

En effet, l’autocratie se mêle à toute affaire, elle s’efforce de former tout selon ses vœux. „Je n’ai rien vu en Russie —, écrit de Custine —, qui ne fut symétrique, qui n’eût l’air ordonné; ce qui donnerait du prix à l’ordre, la variété, d’où naît l’harmonie, est inconnu ici” (op. cit. vol. 2. p. 146). Ce qui lui rappelle le mot du grand-duc Constantin: „Je n’aime pas la guerre; elle gâte les soldats, salit les habits et détruit la discipline” (ibid. p. 146-7). En comparant ses expériences à celles, vécues en France, il constate: à Paris, „on s’y amuse de tout en grondant tout; à Pétersbourg on s’ennuie de tout en louant tout” (op. cit. vol. 1. p. 367). Mais „l’ordre ordinaire. . . repose sur une prudence, sur un silence universels, qui sont synonymes d’ennui et d’oppression” (op. cit. vol. 4. p. 151-2).

L’antipathie accroissante du marquis fait trouver de plus en plus des traits asiatiques dans le pays, même les monuments historiques lui rappellent les successeurs de Djenghis khan, quand „l’Asie s’était ruée une dernière fois sur l’Europe; en se retirant, elle a frappé du pied la terre, et il en est sorti le

Kremlin!" (op. cit. vol. 3. p. 145). Pétersbourg le laisse froid, il ironise sur le style classique de ses bâtiments. Ancelot aussi, il devient vite las de cette architecture. „C'est qu'on se lasse bien vite de l'étonnement et de l'admiration, c'est qu'on sent à chaque pas qu'il n'y a point ici de place pour le bonheur, car il n'y en a point pour la liberté" (op. cit. p. 43).

Parlant du mouvement décembriste, Ancelot constate que „ces idées n'ont point encore filtré dans le peuple; mais elles ont envahi tout ce que la Russie compte de jeunes gens instruits que leurs études ont mis en contact avec les moeurs nouvelles et les modernes institutions. Et qu'on ne pense pas que cette instruction les rende moins dangereux en les éclairant!... les Russes laissent bientôt apercevoir le Tartare sous cette enveloppe luisante dont une civilisation précoce les a revêtus" (op. cit. p. 308).

Une des conséquences du despotisme, de Custine la voit dans le suivant: „Pour vivre en Russie, la dissimulation ne suffit pas, la feinte est indispensable. Cacher est utile, simuler est nécessaire" (op. cit. vol. 4. p. 169). C'est ce qu'il reproche le plus souvent aux Russes. „Je ne reproche pas aux Russes d'être ce qu'ils sont; ce que je blâme en eux, c'est la prétention de paraître ce que nous sommes... voilà des hommes perdus pour l'état sauvage et manqués pour la civilisation" (op. cit. vol. 1. p. 303). Ce qui lui rappelle la constatation de Voltaire ou de Diderot: „Les Russes sont pourris avant que d'être murs". (Ibid.) Et encore: „malgré toutes leurs prétentions aux bonnes manières, malgré leur instruction superficielle et leur profonde corruption précoce, malgré leur facilité à deviner et à comprendre le positif de la vie, les Russes ne sont pas encore civilisés. Ce sont des Tatares enrégimentés, rien de plus" (ibid. p. 322.) En Russie, on ne peut prendre rien pour authentique, „l'authenticité des pierres est aussi impossible à établir ici que l'autorité des paroles ou des écrits" (op. cit. vol. 4. p. 190). „A Pétersbourg, mentir c'est faire acte de bon citoyen; dire la vérité, même sur les choses les plus indifférentes en apparence, c'est conspirer... La Russie est un malade qu'on traite par le poison" (op. cit. vol. 3. p. 374). Mais quelquefois, il trouve des choses positives. A Pétersbourg, il visite la première maison où habitait Pierre le Grand. Dans sa chambre à coucher, un charpentier ne ferait pas loger son apprenti. A ce temps, on offrait tout en Russie pour l'avenir, il y a dans cette conduite quelque chose „de noble et d'original" (op. cit. vol. 1. p. 267)

Il serait bien facile de continuer dans les citations. Il s'agit toujours de la consternation du libéral, pas du démocrate. En voyant dans la Russie la personification du despotisme, les Français la trouvent en même temps un monde tout à fait étranger, insaisissable et effrayant. Quand même, ce monde étranger vient d'établir des relations avec cette Europe qui est maintenant inconcevable sans la Révolution française et ses conséquences. Ce rapport, il aura peut-être des effets sur la Russie aussi. Schnitzler cite les paroles d'un officier russe qui, en quittant les Flandres françaises en 1816, dit qu'au lieu de les faire rentrer,

l'empereur ferait bien de les noyer tous dans la Mer Baltique (Études. Vol. 2. p. 54). Mais lui, qui connaît de près la Russie, il ne croit pas à un changement brusque. Le peuple se montre tout à fait étranger des mouvements qui précédaient déjà l'agitation des décembristes. Il ne se soulève que contre les autorités locales. „De longtemps il n'en sera pas autrement”. (Ibid. p. 39)

Mais quel qu'étrange et incompréhensible que soit ce pays, il est en même temps une puissance de premier ordre dont l'Europe doit compter. Ancelot se montre intimidé par cette force. „Ce n'est pas sans raison, mon ami, que l'habitant des contrées méridionales est frappé de crainte en contemplant cette puissance colossale en armes et debout à nos portes; l'inquiétude redouble quand on voit ce peuple de près. Que ne pourrait pas entreprendre un prince conquérant avec ces hommes dont le courage résigné n'est arrêté par aucun péril?” (op. cit. p. 283-4). De Custine témoigne aussi de cette puissance: „personne n'a été plus frappé que moi de la grandeur de leur nation et de son importance politique. . . Les Russes en masse m'ont paru grands jusque dans leurs vices les plus choquants; isolés, ils m'ont paru aimables” (op. cit. vol. 1. p. XXI.) N'importe qu'ils sont sauvages et sans civilisation, „mais malheureusement le sauvage a des armes à feu” (op. cit. vol. 2. p. 209). Et, comme le constate Ancelot, „cet empire a un grand intérêt à la guerre contre l'occident; pour la faire, il n'a pas besoin d'argent, et c'est le cas de dire que la guerre nourrirait la guerre” (op. cit. p. 358-9). Visitant les côtes méridionales de la Russie après la dernière guerre russo-turque, Marmont tient chose décidée que la Russie s'emparera un jour des Détroits. „Depuis l'abaissement de la puissance turque, il n'y a pas de lutte possible dans ces parages, entre les puissances de l'Europe et la Russie. La frontière de cette dernière puissance sera aux Dardanelles le jour où une collision éclatera en Europe” (op. cit. p. 282-3). „Une escadre russe de trente vaisseaux, aux Dardanelles, en sûreté sous l'appui des forts qui défendent ce passage, près de ses ressources et de ses moyens, tiendrait en échec les escadres de France et d'Angleterre, et les forcerait à rester réunis; ce qui à la longue deviendrait ruineux pour ces puissances. Les escadres combinés s'affaiblissent-elles, l'escadre russe sort, et donne des lois à cette partie de la Méditerranée; reviennent-elles, elle rentre, et se retrouve toujours menaçante, quoique en sûreté” (ibid. p. 283).

Depuis le soulèvement serbe et depuis Šafárik, dans la connaissance de l'évolution intérieure de l'empire ottoman, il est évident à cette époque que la Russie, seule puissance slave, exerce un attrait fort sur les autres peuples slaves, surtout ceux, appartenant à l'église orthodoxe. „Le réveil des Slaves, nonseulement dans l'empire Othoman, mais dans la Bohême, en Hongrie, dans les provinces illyriennes et dalmates, est l'ouvrage de Russie”, — déclare Schnitzler (Études. Vol. 1. p. 33). Il n'y a qu'une seule exception, la Pologne. Mais celle-ci, comme nous argumente Schnitzler, elle a mérité son sort. „Veuve de ses rois nationaux et du grand Etienne Batory, livrée à des princes dont

les uns manquaient de nationalité et les autres de talent et d'énergie, la Pologne usa ses forces en épousant des querelles étrangères, combattant la Suède son alliée naturelle et les Turcs dont elle avait moins à craindre qu'à espérer. Son trône, comme une vile marchandise, tomba à l'encan d'abord, et puis à la merci des puissances voisines." (La Russie. p. 521).

La question des rapports de la Russie et des autres Slaves nous conduit vers la question des relations de la Russie avec l'Europe. „La Russie, c'est tout un monde", la sixième partie de la Terre, nous rappelle Schnitzler. (Études. Vol. 1. p. 22). „La position de la Russie en Europe est la plus grande question de l'avenir: vitale pour la France, elle l'est encore à un plus haut degré pour l'Allemagne sur laquelle l'empire des tsars pèsera de tout son poids dès qu'il ne rencontrera plus d'obstacles en Pologne" (ibid. p. IX.). D'ailleurs, „toute une moitié de l'Europe ne voudra pas borner son rôle à celui de simple spectatrice du mouvement des idées, ni se condamner pour toujours à l'imitation, sans essayer jamais de créer elle aussi et de grossir, de sa part de travail, le riche héritage des peuples" (Ibid. p. 28). Mais, en ce cas, la Russie doit retrouver son originalité, argumente de Custine. „Ou la Russie n'accomplira pas ce qui nous paraît sa destinée, ou Moscou redeviendra quelque jour la capitale de l'Empire, car elle seule possède le germe de l'indépendance et de l'originalité russe. La racine de l'arbre est là, c'est là qu'il doit porter ses fruits". (Op. cit. vol. 3. p. 271). C'est à Moscou, au coucher du soleil que de Custine déclare, „ce n'est ni l'Europe, ni l'Asie: c'est la Russie, et c'en est le coeur" (ibid. p. 279). En disant cela, de Custine se distance des autres qui trouvent la Russie une puissance asiatique.

„La Russie est comme un homme plein de vigueur qui étouffe; elle manque de débouchés". (Op. cit. vol. 1. p. 205.) Si les Russes devenaient catholiques (c'est à ce point que les idées du marquis rappellent Čadaev le plus), ils »acquerraient bientôt des idées générales basées sur une instruction raisonnable et sur une liberté proportionnée à leurs lumières: quant à moi, je suis persuadé que de cette hauteur, s'ils y pouvaient atteindre, ils domineraient le monde" (op. cit. vol. 2. p. 208). Mais à présent encore, „il y a entre la France et la Russie une muraille de la Chine: la langue et le caractère slave. En dépit des prétentions inspirées aux Russes par Pierre-le-Grand, la Sibérie commence à la Vistule". (op. cit. vol. 1. p. 351). La Russie est un amalgame spécial des traits européens et asiatiques. „La tyrannie patriarcale des gouvernements de l'Asie en contact avec les théories de la philanthropie moderne, les caractères des peuples de l'Orient et de l'Occident incompatibles par nature et pourtant violemment enchaînés l'un à l'autre dans une société à demi barbare, mais régularisée par la peur; c'est un spectacle dont on ne peut jouir qu'en Russie" (op. cit. vol. 3. p. 93).

Tandis que Schnitzler a parlé en général de l'importance européenne de la Russie, de Custine révèle déjà la possibilité d'une révolution: „Ou le mond

civilisé passera de nouveau avant cinquante ans sous le joug des barbares, ou la Russie subira une révolution plus terrible que ne le fût la révolution dont l'Occident de l'Europe ressent encore les effets" (op. cit. vol. 1. p. 309). Ou bien, plus tard: „La Russie est une chaudière d'eau bouillante bien fermée, mais placée sur un feu qui devient toujours plus ardent: je crains l'explosion" (op. cit. vol. 2. p. 120). Mais la révolution russe, c'était déjà de Maistre qui en a parlé: „La révolution qui s'annonce aura une puissance qui dépassera de beaucoup celle de la Révolution française; il faut se préparer à une grande révolution, dont celle qui vient de finir (à ce qu'on dit)n'était que la préface".¹⁴

Mais si c'est une révolution à l'européenne ou une révolution plus cruelle encore (comme le craignent unanimement conservateurs et libéraux), il y a cette Russie actuelle avec son régime, déplaisant à la plupart des Français, depuis le début du siècle, l'arbitre du sort de l'Europe et qui continue ses conquêtes. M. de Froment écrit déjà en 1817: „Les Princes et les peuples de l'Europe ne doivent jamais perdre de vue que «les Russes ne marchent point», comme les Romains, «de conquête en conquête» pour l'amour de la gloire, mais, par un besoin pressant et journalier de leur régime vorace".¹⁵ Le Journal des Débats déclare, le 20 janvier 1826, sous le titre „Des Agrandissements de la Russie": „Une fois entraîné dans la carrière, Alexandre a fait les deux conquêtes les plus importantes pour la Russie, les plus menaçantes pour l'Europe: les côtes de la Finlande lui ont donné d'excellents matelots; le royaume de la Pologne lui a formé un camp d'observation au milieu de l'Europe. Le malheur des conquêtes, c'est de n'être jamais terminées; une province en demande une autre".¹⁶

La guerre russo-turque a déjà éclaté, quand Niellon-Gilbert publie son livre où il met en garde les Grecs contre l'aide russe. „L'exemple des pays qui gémissent sous l'occupation militaire de la Russie, malgré toutes les promesses qu'on leur a prodiguées, est là pour apprendre aux Grecs le sort que le cabinet de Pétersbourg réserve à ceux qu'il protège" (op. cit. p. 5). Derrière ce conseil se cachent les intérêts français dans le Levant que l'auteur sent menacés. Une fois les Russes arrivés à Constantinople, personne ne les chassera plus, l'Autriche se prendrait à une tâche dépassant ses forces, si elle essayait s'opposer à la Russie dans les Balkans. (Ibid. p. 131.) Heureusement, les finances russes ne peuvent pas supporter de telles aventures. (Ibid. p. 134). La Russie sera une puissance conquérante dans l'avenir aussi. (Ibid. p. 179). Schnitzler qui n'est pas un adversaire de la Russie, craint aussi une poussée en avant de la Russie: „Fixé à Varsovie, le gouvernement russe pèserait de tout son poids sur l'Occident, il y serait tout-puissant, et l'indépendance de la plupart des

¹⁴ V. McNALLY: op. cit. p. 115.

¹⁵ F. M. DE FROMENT: Observations sur la Russie. 2e éd. Paris, 1817, p. 133. V. McNALLY: op. cit. p. 106.

¹⁶ McNALLY: op. cit. p. 124.

états serait fortement compromise”. (Études. Vol. 2. p. 324–5). C’est pourquoi il désire la translation du siège à Moscou, comme le fera plus tard de Custine. „C’est sans doute à ce point de vue [national] que les tsars finiront par se placer” (op. cit. 2. p. 326). Il pense aussi à Constantinople. „Mais Constantinople, devenue la capitale de l’empire moscovite n’amènerait pas seulement une phase nouvelle dans les affaires du monde, elle deviendrait aussi la cause d’un bouleversement profond, au sein même de cet empire. Selon toute vraisemblance, le Nord se détacherait du Midi, de nouveaux états se formeraient, et l’avenir de la race slavonne se présenterait sous un aspect tout différent”. (Ibid.). De Custine déclare que la Russie voit dans l’Europe sa proie, c’est pourquoi elle y fomenté l’anarchie. Selon lui, on dit à Pétersbourg que l’Europe a choisi le chemin de la Pologne, „elle s’énerve par un libéralisme vain, tandis que nous restons puissants, précisément parce que nous ne sommes pas libres: patientons sous le joug, nous ferons payer aux autres notre honte” (op. cit. vol. 4. p. 355).

Cette poussée de la Russie vers l’Europe, est-elle donc inévitable? Ancelot en a peur. Mais „pourquoi ne pas détourner le cours de ces flots populeux qui menacent d’inonder l’Europe? Quand un peuple chrétien meurt en appelant du secours, quand neuf cent mille soldats armés peuvent un jour se précipiter dans nos champs, l’humanité, d’accord avec la prudence, n’indique-t-elle pas l’arène qu’il faudrait ouvrir à leur impétuosité conquérante?” (Op. cit. p. 285). Un autre voyageur français, Jacques-François Gamba souligne la mission civilisatrice de la Russie. „La Russie maintient d’ordinaire les lois et les coutumes des peuples qu’elle réunit à son empire; mais comme elle a le sentiment de sa force, elle n’hésite jamais à abroger les coutumes qui portent avec elles l’empreinte de la barbarie”.¹⁷ Le Globe conseille en 1831 de détourner l’expansion russe vers l’empire turc, „qu’au lieu de devenir l’horreur des nations civilisées, la Russie aille à Constantinople exciter la civilisation qui sommeille”.¹⁷ De Custine aussi, plongé dans l’inquiétude depuis son arrivé en Russie, y pense, conduit par les conseils des personnalités sages (op. cit. vol. 2. p. 314). Marmont, ancien soldat, doué d’un réalisme militaire, apprécie les possibilités d’une telle politique. „Il y a d’ailleurs l’éventualité des collisions que la chute de l’empire Ottoman pourrait faire naître un jour entre la Russie et l’Autriche: ce sont des considérations qu’une sage prévoyance ne doit pas dédaigner, quelque éloignées qu’en puisse paraître la réalisation” (op. cit. p. 173.)

Après tout cela que nous venons de citer, le lecteur ne sera pas surpris par le fait que pendant les années cinquante, au milieu de la guerre froide, des études s’efforçaient d’utiliser les arguments et les craintes de ces publicistes,

¹⁷ J.-F. GAMBA: Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les Provinces situées au-delà du Caucase fait depuis 1820 jusqu’en 1824. 2e éd. Paris, 1826, p. 311. V. McNALLY: op. cit. p. 133.

¹⁸ BIRKE: op. cit. p. 64.

surtout du marquis de Custine et d'en construire une analogie avec la situation actuelle.¹⁷ On parlait des aspirations conquérantes de la Russie, des discordes des États occidentaux qui empêchent une défense effective etc. On n'a besoin ni de citer ces raisonnements ni de les refuter en détails. La faute essentielle dans ces constructions, c'est qu'elles ne tiennent pas compte du changement absolu, survenu en Russie en 1917 et qui rend par conséquence toute analogie avec la Russie des tsars illusoire et dénuée de tout fondement.

Notre tâche consiste plutôt dans l'explication, pourquoi s'est produit justement cette image de la Russie chez les auteurs français de l'époque? Dans son étude, publiée en 1958 et qui témoigne d'un beaucoup plus grand réalisme, McNally en donne quelques raisons. Il parle de l'antipathie de l'opinion publique française contre l'autocratie, de la propagande de l'émigration polonaise, de la situation politique en France (surtout avant la révolution de Juillet, une critique du régime russe égalait au fond à la critique de la Restauration), la méconnaissance de la société russe, l'absence de la pensée politique et de l'opinion politique en Russie (ou bien, pour mieux le dire, ajoutons-nous, le fait que cette pensée politique était inconnue ou mal connue en France), la méfiance entre l'Orient et l'Occident, le rôle de l'église orthodoxe qui fomentait tellement cette méfiance (op. cit. p. 159). Vraiment, ces points de vue ont joué un certain rôle. Mais il s'agit de plus. D'une part (McNally aborde aussi le problème), même les Français, venus en Russie, avaient des relations presque exclusivement avec la classe dirigeante russe. De Custine en est l'exemple éclatant. L'empereur Nicolas lui parlait plusieurs fois, et il était quelquefois ému jusqu'aux larmes par sa probité et ses soins perpétuels pour son peuple. Mais les autres aussi, ils connaissaient surtout l'aristocratie. Ce qu'ils savaient du peuple russe, ils l'entendaient de cette aristocratie. C'est pourquoi ils ne trouvaient pas possible un changement radical dans l'avenir, ou bien, s'ils y pensaient, ils se le figuraient comme une explosion qui causera la chute de tout ordre mais ne le remplacera par rien.

Parce qu'ils concevaient cette explosion révolutionnaire (s'ils en parlaient du tout) comme une défense contre la violence brutale. Chose très curieuse: l'idée d'une transformation bourgeoise éventuelle en Russie leur était tout à fait étrangère. L'historien a beau de constater postérieurement qu'une telle transformation s'est produite. Mais ce n'est pas cette connaissance a posteriori qui nous incite de critiquer les auteurs français de cette époque. C'était justement l'époque de la crise du système féodal en Russie. Bien sûr, à l'époque de Nicolas, surtout avant 1848, les symptômes de cette crise étaient difficiles à concevoir. Si les populistes, même après 1861, ne voyaient nulle part l'évolution du capitalisme en Russie, il n'est pas juste de reprocher aux contempora-

¹⁹ OSCAR J. HAMMEN: Free Europe versus Russia, 1830—1854. *The American Slavic and East European Review* XI. 1952, p. 27—41; B. HOPPER: Custine and Russia—a century after. *The American Historical Review* 1952.

rains français de ne pas avoir vu les germes du régime capitaliste en Russie, pendant un séjour de quelques semaines, ou bien sans avoir pénétré dans le pays. Mais, justement après la Révolution française, il était clair que cette transformation bourgeoise se produira partout. On le craignait ou bien on le saluait, mais on en était convaincu. A l'exception de la Russie. Une raison de cette méconnaissance, c'était la faiblesse de la bourgeoisie russe, chose bien connue en Occident. Une autre, c'était le fait qu'à la surface, la Russie était vraiment très différente de tout ce qu'on pouvait voir en Europe. Les phénomènes de surface désorientaient les contemporains, c'est pourquoi ils voyaient des traits asiatiques ou un alliage spécial des facteurs européens et asiatiques, en tout cas, quelque chose entièrement différente de l'Europe. Ils étaient convaincus d'une différence fondamentale, par conséquence, ils ne pouvaient pas se figurer l'évolution de la Russie à l'exemple des autres pays de l'Europe. Et encore une chose: après les grands bouleversements de l'époque napoléonienne, il était bien à comprendre que des considérations de politique extérieure prévalaient. Ce qui est curieux à cet égard, c'est que les problèmes allemands et polonais jouaient dans les conceptions françaises un rôle beaucoup plus grands que les peuples balkaniques, tandis que dans l'image des Anglais qu'ils se faisaient de la Russie, et qui était assez semblable à celle des Français, une place beaucoup plus importante était réservée aux peuples balkaniques, depuis les années vingt déjà.

Tout compte fait, les Français, se sont faits un tableau de la Russie qui, dans maints détails, était vrai et réel, mais partiel, par conséquence, au fond, entièrement faux. Comme nous venons de constater: en France, depuis les années quarante, ce tableau commençait à changer. Mais dans d'autres pays, il continuait de se tenir obstinément. Pour illustrer cela par un exemple pris au hasard: le romancier populaire hongrois, Mór Jókai, publia dans les années soixante-dix deux romans au sujet russe, *La liberté sous le neige*, où il posa au centre le mouvement des décembristes, et *Le roman du XXe siècle* où il dessina la Russie après la révolution telle quelle il se la figurait sur la base de ce qu'il savait des mouvements „nihilistes”. Dans tous les deux, justement ce tableau de la Russie dont nous venons d'esquisser quelques traits significatifs jouait un rôle primordial.²⁰ Ce tableau faux (gravé des souvenirs de l'intervention russe en 1849) est resté, entre autres sous l'influence précisément de Jókai, répandu, même dominant dans l'opinion publique hongroise et continuait d'empêcher pendant des dizaines d'années la formation d'une image réelle. Tout cela prouve l'importance de l'éclaircissement de ces questions, parce que la mise à jour des racines des conceptions fausses est la seule manière d'ouvrir le chemin à la connaissance de la réalité.

²⁰ JÓKAI MÓR: Szabadság a hó alatt vagy a „Zöld könyv” (La liberté sous le neige ou le „Livre vert”). Ed. critique, réd. par Zsuzsa D. Zöldhelyi. Vol. 1. Budapest, 1965, p. 231-52.

Prilog pitanju ekonomske baze „carstva” Zrinskih u XVI—XVII veku

A. LEBL

Kada riječki brzi napušta drevno-moderni Karlovac, te se na vrhu jednog brega pomalja grad Ozalj — neposredno iza modernih fabrika i palata Karlovca — naćiče se, po svoj prilici, neko od putnika koji će reći: „Drugovi, ovim stupamo u carstvo Zrinsko—Frankopansko!”

Zaista, čitavo je carstvo bilo ovo područje — znatno veće negoli teritorija po koga njihovog suparnika, recimo, Erdődyjevih — još i u tursko doba, iako tada već nije ono predstavljalo posebnu državu u državi kao nekoč, u XIV veku, u eposi Mladena Šubića. Jer se ovo područje, iako sa prekidima, od Ozlja prostiralo sve do Jadrana i nekih ostrva severnog Jadrana. Ono je obuhvatalo i Ogulinski kraj i beskrajne borove šume Gorskog kotara sa Skradom, Delnicama, Lučicama, Drivenikom, Čabrom, sa Brodom na Kupi (narodski rečeno: „Brod—Kupom”, gde se 1847 krio i Mihalj Táncsics, pre nego što će biti, ipak hapšen, da ga oslobodi tek revolucija 1848), kao i sa gradovima-zamkovima i varošima Hrvatskog Primorja, sa Trsatom (uporedi: grof Thersazky-Frankopan!), Senjem, Modrušem, Krkom (Krčki knezovi!), te Hrelinom, Vinodolom, Bribirijem (knezovi Bribirski!) i Bakrom koji se uzdiže na dnu zaliva sa gradom i zamkom, zatvorom i crkvom da vlada sa svog uzdignutog položaja zalivom i lukom ove porodice (kuda su donešeni gotovi proizvodi čabarskih manufaktura i šuma Gorskog Kotara, za izvoz) na dobro zaštićenom mestu izduženog zaliva. Ovome je „carstvu” nekada donekle pripadao i grad Siget u Baranji (Szigetvár), a kasnije i Čakovec (Csáktornya) u Medjumurju sa okolinom... Ako i nije bila država, bilo je ovo područje „zemlja” — u smislu mađarske reči: *ország*, tj. *uraság* — prebačena sa teritorije Mladena Šubića, gospodara Dalmacije i bana Bosne u severniji kraj, ali čije gospodarstvo spominju dokumenti čak i u poznom XVI, te XVII veku u zbirci pisama Laszowskog.¹

¹ EMIL LASZOWSKI, Gradja za gospodarsku povijest Hrvatske u XVI i XVII stoljeću. Izbor isprava velikih feuda Zrinskih i Frankopana. Gradja za gospodarsku povijest Hrvatske, Knj. I. Uredjivao ju je Mijo Mirković, akademičar. Jugoslovenska akademija znanosti i umetnosti (JAZU). Zagreb, 1951.

Istina, u ovoj se zbirci Sigetvar kao i sigetski Nikola Zrinski, pogotovo pak Mladen Šubić, spominju već vrlo retko, samo tamo-amo, u tekstovima pisama i dokumenata, ali Ozalj i Božjakovina, Kanjiža i Čakovec, Čabar i Bakar, Hrelin, Lučice i Delnice, Skrad i Ogulin i mnogi drugi gradovi i varošice — koji su nekada igrali značajnu ulogu u životu Zrinskih — sačinjavaju i važan deo datuma ovih pisama, dokazujući da su se i Zrinski selili neprestano iz grada u grad, poput srednjevekovnih vladara, a da su se oni pozivali i krajem XVI, pa čak i u XVII veku još uvek — i usred svoje privredne delatnosti — ili se barem setili, sigetskog Nikole i njegovog mača kojim je tukao Turke, kao i njegovog zaveštanja ili pak koje vazalne usluge činjene njemu.

Jer je ovo glavna sadržina dokumenata u redakciji Laszowskog i Mirkovića, kao i predgovora, koji je pisao Mijo Mirković.²

1. Ukoliko bih želeo da unesem izvestan sistem, sistematičnost u ove spise — koji se drže, jasno, samo vremenskog kontinuiteta — recimo, po tematici, onda bih mogao da ih podelim u grupe, od kojih:

Prva grupa baca svetlost na isključivo, čisto feudalne prilike i poslove, kao i na činjenicu da su Zrinski predstavljali izvesnu vrstu suverena, suverenosti još i u XVII veku, ukoliko oni — prema svedočanstvu ove gradje — nikada nisu dobijali posede u feudalni dar, već su, naprotiv, sami igrali ulogu feudalnih darodavalaca, a pri kom se darivanju oni nikada nisu pozivali na Habsburgovce, već radje na sigetskog Nikolu, a eventualno čak i na Mladena Šubića! U ovoj grupi spisa reč je, dakle, uglavnom o darivanju poseda. Ovakve spise, po formi pisma, nalazimo u velikom broju medju ovim dokumentima čak i onda, ako

² Mijo Mirković je podvukao da Laszowski pružajući gradju za privrednu istoriju — nije smetnuo s uma ni nacionalni kriterij pri izboru dokumenata. On je zapravo želeo da dokaže, da hrvatsko primorje ne može da bude taljansko već isključivo hrvatsko već i u smislu tradicija Zrinsko—Frankopanskih. To ga je rukovodilo, te je odobrio za svoj zbornik samo ona porodična pisma privredne sadržine, koja su bila pisana hrvatskim jezikom. Jezik ovih pisama je starinski i narodski hrvatski jezik (kajkavština), tamo-amo protkan i sa po kojem latinskom, madjarskom ili nemačkom reči. Treba da spomenemo da i ova pisma dokazuju opadanje feudalizma u XVI—XVII veku, kao i klice razvitka kapitalizma. U ovome i jeste značaj zbornika. Jasno je da se ovim ne možemo zadovoljiti, da nam je dužnost da vršimo dalja i traživanja, kako u Zagrebu (Državni arhiv, Fond Zrinskih itd.) tako i u Madjarskoj. Ova bi istraživanja dala, po svoj prilici, mnoge odgovore, kako na ovde postavljena pitanja, tako i na druga pitanja ekonomske, političke, kao i literarno-istorijske prirode. Kao i ova, tako i ostala zajednička jugoslovensko—madjarske istorijske teme, predpostavljaju i iziskuju saradnju naučnih istraživača obeju zemalja, prestanak izolovanosti, izolovanog rada naučnih instituta i pojedinaca. Nije mi zadatak da iznesem ova zajednička pitanja i teme, želim samo da spomenem da takodje i istorija, istraživanje okupacije Pečuja i Baranje 1918—21 može da bude samo plod ove organizovane saradnje. Stoga se od sveg srca radujem da je ova saradnja madjarskih i jugoslovenskih istraživača već krenula, da je u toku.

Inače zbornik Laszowskog obuhvata godine 1493—1691, nažalost, moramo reći, da iz XVI veka ima tu i sveukupno samo 16 spisa.

apstrahujemo od pisama Frankopanovih, kojih tu inače ima znatno manje, a koje i ne želimo da uzmemo ovde u obzir i razmatranje.

U jednom od prvih pisama³ „comes Georgius de Zrinio” daruje — u „našem gradu” Bakru, Pieru Dento-*u* neke kuće, jer je on verno služio veći njegovom pokojnom ocu. I na nekim drugim mestima pozivaju se naslednici — pisci ovih pisama — na sigetskog junaka, tako na primer, čini to „Georgius comes de Zrinio” i drugim prilikama⁴, darujući, recimo, plemenitom Mihajlu Dešiću, kapetanu nekih primorskih gradova, u gradu Grobniku kuću, zemlju, vinograd, pravo na ribolov i mlin itd., pozivajući se pri tom na činjenicu da mu je već i pokojni otac darivao kućište i vrt u Grobniku, koje očevo darivanje Juraj Zrinski sada i sam priznade i potvrđuje, po slobodnom pravu plemićkom. Slične se poziva grof Juraj Zrinski na delatnost sigetskog Nikole i tada, kada se više ne radi o čisto feudalnom darivanju, već o izvesnoj vrsti građanskog poslovanja, o tome da on prašta dug udovici Piera Denta. Juraj, naime, ne želi da naplati udovičin dug iz razloga, što je P. D., već i za vreme života njegovog oca i gospodara, posedovao primorske gradova Grobnik, Bakar i Hrelin, iako samo u svojstvu kapetana ovih gradova, služeći verno Nikolu Zrinskog i dajući mu redovno i verne računa o svemu, naročito pak o svojoj privrednoj delatnosti. Zbog toga, Juraj odustaje od toga da utera još preostale račune i uopšte svoja potraživanja od udovice. Ovo pismo delimično, ipak, pripada već, naravno, drugoj grupi, drugom krugu tema, spada među ona pisma koja tretiraju pitanja: donekle još feudalne, ali ujedno već i građanske naravi; koja, iako još kreiraju nove feudalne gospodare, to već, ipak, feudalce koji će biti ujedno i predstavnici novčanog i zelenaškog kapitala. Po svoj prilici, je poreklo i onih legendarnih dukata — koje je sigetski Zrinski metao u svoj džep, pre nego što će napustiti tvrdi grad Siget da podje na Turke — takodje u nekom građanskom kreditnozelenoškom poslu, to verovatnije što ćemo ovakvo građansko poslovanje: pozajmljivanje i kreditiranje sresti ne jedan put u gradji već spomenute druge grupe dokumenata.⁵

Na interesantno feudalno poslovanje baca svetlost takodje i pismo⁶ „Nikolaus[a] comes[a] Zrinyi”, kojim vraća kapetanu Marku Oršiću delove poseda, zvanog Božjakovinom, a o kojima veli (verovatno ne po svojoj vlastitoj

³ Datirano od 31—X 1567. Potpisi se stalno menjaju. Ponekad stoji kao potpis: „de Zrinio” ili „de Zrin”, ponekad pak „a Zrinio”, „a Zrin”, „Zriny” ili pak i „Zrinski”. Takodje i u pisanju imena vidimo veliku raznovrsnost. Nikole se potpisuju i kao „Nicolaus”, ili „Miklovus”, „Miklovs”, iiii već i „Miklos”. No sve ovo ne spada u moju struku, te se i ne želim pozabaviti ni sa pisanjem imena, niti pak sa ubačenim, recimo, madjarskim rečima u hrvatskom tekstu, koje su reči inače pisane na hrvatski način („lovas”, „orsag” itd.). To nek bude zadatak naših i madjarskih filologa koji, ako budu za to dobili i madjarski i hrvatski publicitet, sigurno će se rado prihvatiti ovoga rada.

⁴ Datirano u Ozlju, 14 XI 1570.

⁵ Kanjiža, 24 III 1575.

⁶ Ozalj, 25 XII 1570.

inicijetivi) da ih je, prema svedočanstvu porodične arhive, nepravedno zahvatao i prisvojio, još Mladin (Šubić) od predaka Oršićevih. Stoga se sada obavezuje da vrati ove delove poseda, što će i učiniti čim se bude vratio iz Madjarske („kako iz Vugerskoga orsaga dojdem”).

2. Darivanja su postala sve redja, sve su ona više ustupala mesta poslovima kreditiranja, založnim i sličnim poslovima. Ipak, čak i u početku pa i uopšte u toku prve polovine XVII veka, nailazimo još na darovnice, u kojima, barem izričito, pri tom još i nema reči o založnom pravu, ili pak o nekom kreditiranju uopšte. Hoćemo da spomenemo nekoliko od ovih pisama. „Miklous Zrinski” daruje u Ozlju neku livadu Vicku Batistiću⁷. „Nicolaus comes Zriny”⁸ pak (ponovo?) vraća Oršiću posed koji je od njegovih predaka nepravedno prisvojio Mladin [Šubić].

Darivanje Nikole Zrinskog Vicku Dešiću, ipak, je već više građanskog, no feudalnog karaktera.⁹ U ovom se spisu, naime, za nas pomalo na čudan, za tadanje ljude, ipak, još na prirodan način, mešaju karakterne crte feudalnog darivanja i građanskog kreditiranja i trgovine; ipak, i ovaj posao ubrajamo još u darivanja, ali samo stoga, što se u pismu još govori i o tome da je porodica Dešića bila uvek verna porodici Zrinskih, a da je neki od Dešića dobio posede već i od predaka darodavca, što sada on, N. Z., i sâm i ponovo priznaje i potvrđuje. Drugo jedno pismo, izričito ne pominje nikakvo novčano poslovanje, te tako (iako je vrlo verovatno da i u ovom je poslovanju igrao ulogu i novac!), ovde bi se radilo o poslu čisto feudalnog karaktera, jer u njemu¹⁰ „Comes Nicolaus et Petrus a Zrin” potvrđuju plemstvo Octavianus-u Corini-u.

Broj ovih „čisto” feudalnih slučajeva stalno opada. Grof Peter Zrinski,¹¹ istina, još naredjuje da sa vrati nepravedno prisvojen posed — Pogančec — Margareti Kasnar, vrativši ga prvo od uzurpatora Nikole Stulača. Slično deli pravdu takodje i grof Vuk Thersazky¹² [Frankopan], izdajući naredbu vojvodi Klasniću da uzme, pomoću pristava i vojnika posade grada Ogulina, i vrati nepravedno oteto blago vojvodi Para. Otimač je bio Imre Mudrić harambaša jedne čete. Ovde, istina, ostaje još prilične utami, radi li se o nekoj feudalnoj otimačini, ili o nekom pravnom poslovanju, a možda i o običnoj ratnoj pljački. Ipak, bilo je vremena, kada se i nije činila ova razlika. Ovo bi frankopansko pismo bilo vremenski zadnje u ovoj grupi, da ne nosi feudalni karakter takodje još i pismo¹³ „Maria Soffia Löbl Witibe Gräfin von Zrini” kojim ona odobrava

⁷ 3—III 1585.

⁸ 25—XII 1607.

⁹ 19—X 1624.

¹⁰ Čakovec-Csáktornya 17—V 1630.

¹¹ 2—IX 1648.

¹² Grof Thersazky—Trsatski, tj. Frankopan, 15—III 1650.

¹³ 15—V 1673, dakle posle pogubljenja zaverenika.

ženidbu Mikuševiću, a time i njegovo ulaženje u deo poseda Zrinskih.

U drugoj grupi spisa, dakle, meša se feudalno-darodavalački i građansko-zelenaško-kapitalistički karakter privrednog poslovanja. Karakteristično je da u ovoj grupi ne nailazimo na spise koji bi govorili o vraćanju nekog zajma, bilo čak i o plaćanju kamata. Tako smo zasada, privremeno, prinudjeni da predpostavimo — s obzirom na to da se i Zrinski i Frankopani odužuju za davanje i dati kredit darivanjem ili pak davanjem u zalog po kog dela svoga poseda — da ovi jednom darivani posedi nikada više nisu bili vraćeni, nisu više nikada sačinili sastavni deo poseda ovih velikaških porodica, „carstva” Zrinsko-Frankopanskog, a da, možda, to i jeste jedan od važnih, iako ne i glavnih, razloga raspadanju „carstva” već i pre pogubljenja i konfiskovanja imanja od 1671.

Ovake založne i kreditne poslove sadrži oveći broj spisa iz XVII veka, jer oni, usled svog mešovitog karaktera odgovaraju ovom prelaznom periodu, tj. razvitku kapitalističkog sistema u okvirima feudalizma. Iznenadjuje nas, ipak, prvi posao ove vrste u pismu, datiranom već nekoliko godina iza pada Sigeta¹⁴. Njime Juraj i Kristifor Zrinski daruju jedan posed Bertu Gerecius-u u gradu „Rybnik”-u, zajedno sa svim prihodima — za dobijenih 200 madjarskih zlatnika, zajma — a po pravu založnom. Time u vezi nameće se nekoliko pitanja. Na prvo pitanje (o raspadanju „carstva” usled pada feudalizma, tačnije i konkretnije, usled rasparčavanja poseda) već smo pokušali da nadjemo odgovor.

Drugo bi pitanje odnosilo na plaćanje kamata. Ova pisma dokazuju da poverilac — naravno, ali ovde i izričito — dobija i prihode poseda, njegovo plodouživanje, eventualno i izvesna regalia minora, kao na primer, pravo na mlevenje, na ribolov itd, što treba da se shvati kao vrlo masna kamata, jer obuhvata sav prihod feudalnog poseda, a ne samo jedan njegov deo, koliko ustupa i daje u ime kamate razvijeno građansko društvo. Ova kamata odgovara stoprocentnom višku vrednosti! Drugim rečima- zelenaškoj kamati, kamati zelenaškog kapitala iz vremena kada se još nije pojavio industrijski kapital.

Treće pitanje traži odgovor na to: kakav je stvarni, pravni i ekonomsko-društveni položaj poverilaca. Ovi su poverioci, naime, većinom podčinjeni (činovnici, upravnici dobara) Zrinskih. Oni su istovremeno, ipak —, kao predstavnici novčanog i zelenaškog kapitala, kao poveri oci — naravno, uspeli da se nadnesu, uzvise iznad svojih dužnika! Ma da su oni još i podčinjeni feudalnom sizerenu (čak donekle i suverenu) postaju istovremeno, ipak, i takve građanske egzistencije, od kojih zavisi njihov feudalni gospodar, kao dužnik, jer bez njih nije u stanju čak ni da krene na put, recimo, do Beča. Tako, dakle, Zrinski: a) postaju i sami građani, iako su ujedno još i feudalni gospodari; b) ali istovremeno doprinose i sami svoj udeo postajanju jedne takve klase, kojoj će i oni, manje-više, biti podčinjeni. Nezapaženo se razvija, dakle, u feudalnim okvirima jedan novi, građanski svet.

Spisi ostalih grupa pružaju nam još više dokaza, barem materijala građe,

za to da ovu našu pretpostavku, hipotezu činimo verovatnijom, verodos toj-nijom, iako će ove naše stavke i teze — tačnije još samo pretpostavke i hipo-teze — iziskivati, naravno, još mnogo istraživanja i dokaza.

Zasada ćemo se još da zadržavamo na prikazivanju pisama druge grupe. Tako, primera radi, „Mi Juraj knez vekovečni od Zrinja” darujemo pristavu grada Novog na Dobri, plemenitom Ivanu Karinčiću sedam sela (sesija?!) zajedno sa kmetovima, a za uzajmljenih 300 madjarskih zlatnika¹⁵. Ili: takodje Juraj Zrinski takodje „vu Chakovom Turnu” daje u zalog Juraju Zebiću [Zebich] posed Zakanj u „našem gradu Ribniku” za uzvrat za pozaj-mljenih: jednom 642, drugom prilikom 158, zatim pak nanovo datih 800 zlatnika što u gotovom, što pak u robi, čohi.¹⁶

Jedan iskomplicirani, isprepleteni kreditni posao, ponovo nas vraća u sigetske dane¹⁷. I ovaj spis govori o Juraju Zebiću, koji je u ovo doba već sudija u službi Juraja Zrinskog s obzirom na to da po naredjenju Zrinskog treba da sudi u procesu oko jednog poseda, koji ima veze i sa nekadašnjim sigetskim Farkašićima. Ovaj posed je, naime, dao u zalog još Petar Farkašić za zlatno i srebrno blago, jer — po spisu — već je pokojni otac Petrov, Grgur sticao, i postao vlasnik veće količine novca, zlata i srebra kao i drugog gospodskog blaga, te — kako je to pismeno tvrdio i pokojni stari milostivi Zrinski: tu se radi o pravom zaveštanju Farkašićevom, a po kome je on raspolagao o ovom blagu još u Sigetu, na svom „zadnjem krevetu”, iako je ovo blago kasnije (koje je ovde tačno navedeno i nabrojeno: kao dukati, zlatni i srebrni predmeti, baršuni i sl.) silom odnešeno, mada ga je Vuk, isti onaj Vuk koji je u rečeno doba bio zajedno sa Farkašićem, na vreme sakrio i zakopao. Od ovog je zako-panog blaga pak 250 dukata pripalo i samom Zrinskom, no i ovu su sumu Turci odneli, opljačkali.

Po jednom drugom spisu, Juraj je primio od plemenitog Tadiolovića 1500 madjarskih zlatnika, a za uzvrat mu je on podario posed nekog Novaka u Brodu, zajedno sa zamkom, te tlakom (kulukom) i ostalim prihodima, no, ipak, bez zemaljskog prihoda trgovine u Ozlju.¹⁸

Vuk Lovrinčić i Juraj Klasnić postaju takodje plemićki posednici za 300 pozajmljenih zlatnika, da zatim, kasnije, sami ili pak njihovi potomci postaju i upravnici dobara na nekim vlastelinstvima, ali ujedno i plemićki posednici, a predstavnici tadanjeg zelenaškog kapitala u razvoju.¹⁹

¹⁴ Ozalj, 15—VIII 1659.

¹⁵ Čakovec, 1—II 1574.

¹⁶ 27—VII 1575.

¹⁷ Ozalj, 15—XII 1577: dokazuje da je novac već i sigetskih dana igrao ulogu i da su zrinski već i tada imali izvesne novčane odnose sa Farkašićima. Rešavanje ovih novčanih poslova potomci su poverili svojim nameštenicima, od kojih su i zavisili kao dužnik od poverioca.

¹⁸ Čakovec, 16—XI 1598.

¹⁹ 14—III 1604.

Takodje i Nikola, tj „Miklovus” Zrinski izveštava svoga upravnika dobra P. Baliardića, da je još 1605 godine „po knezu Grguru” ustupio „knezu Čikulinu” prihode od vina (po svoj prilici, sa svojih poseda na Primorju), sve ono što su mu uručili sa ovih poseda njegovi kmetovi. No, sada treba da mu vrate sav ovaj prihod (možda, u ime vraćenog zajma, eventualno i u ime isplaćene kamate, no što Zrinski može da čini samo u slučaju, ako za to dobija novi zajam od istog Čikulina, kako se to iz istog pisma može i naslutiti!). Pismo „Miklovus” Zrinski zatim nastavlja: Već mu je otac ustupio Čikulinu carsku službu, a on mu („mi”) dariva i podaruje zamak Oberh na području Ribnika zajedno sa kmetovima, a za dobivenih 2000 dukata.²⁰ Ipak, i ovi su novi, i sve noviji, zajmovi dovoljni samo za kraće vreme. Čikulin će uskoro morati nanovo da pozajmi Zrinskom novih 2000 dukata,²¹ čak će i Muškavec-Milašinčić — za jedan posed — pružiti Nikoli Zrinskom kredit od zatraženih 100 madjarskih zlatnika²², da zatim „Comes Nicolaus perpetuus de Zrinio” već posle nekoliko meseci zatraži novih 2400 dukata od svog novog poverioca, Juraja Dovolića, koji će za ovaj zajam dobiti posed u Ozlju, po založnom pravu, a zajedno sa kulukom i ostalim prihodima.²³

Kroz koju godinu „Miklous Zrinski” daje novi nalog Kristiforu Tadioloviću, da, naime, kupi za njega konje u vrednosti od 200 dukata, za koji iznos dobiva posed u Ozlju i zamak u Novaku.²⁴ Već posle godinu i po dana isti će „Miklous” prodati udovici pokojnog Ivana Jankovića, rodjenoj Šari Zeremy, jedan svoj posed (da li za navek, po kupovnici, ili, možda, što je verovatnije, samo u zalog, a za neki primljeni zajam?) za 1600 madjarskih zlatnika, dobivenih od J. Bodora. Novac mu je ovaj put bio potreban, jer je krenuo u Prag, gde je imao da preuzme blage Ivana Zrinskog, koje mu je pripalo — u vrednosti od stohiljada zlatnika — od strica. Nažalost, iz ovih dokumenata se ne saznaje da li je „Miklous” zaista i primio ovu horibilnu sumu i — da li je, barem sada, uredio i sredio svoje novčano i kreditno poslovanje i stanje, primajući, možda, čak i natrag sve svoje posede i prihode koje je u toku vremena porazdarivao i davao u zalog?! U sve ovo, ipak, teško možemo da verujemo, iako postoji ova mogućnost, pa čak i ta mogućnost da će odsada upravo porodica (možemo li reći: firma, tvrtka Zrinski!?) Zrinski nas tupati kao poverilac, kao velikaški predstavnik trgovačkog i zelenaškog kapitala. Slabo verujemo, ipak, u ovu mogućnost, jer umesto spisa ove vrste već posle nekoliko meseci čitamo upravo pisma o novim zajmovima, tj. novom zaduživanju Zrinskih.²⁵

²⁰ Čakovec, 29—III 1600.

²¹ Čakovec, 22—V 1609.

²² 13—XI 1609.

²³ 22—II 1610.

²⁴ 6—XI 1613.

²⁵ 3—IV 1615.

Jer, zaista, mnogi spisi govore o daljem primanju zajmova, bilo od Marka Oršića, koji će tako doći u posed Gerduna za 400 zlatnika, isplaćenih što u novcu (100 zlatnika) što mu (Nikoli Zrinskom) datih u robi: vinu i konjima.²⁶ Spomenuću ukratko još po koji slučan slučaj: 19—VII 1617 Vojnovići — Gašpar i Peter — dobiju u zalog posed od Zrinskog; 27. III 1621 Ivan Katanić prima dve pustare kod Crikvenice — za ulovljenu ribu — s tim „da ga nima niedan bantovat od naših ljudi.”²⁷

Takodje je i Petru Zrinskom novac bio nužno potreban („summa pinez” mu je „kruto” potreban), te je darovao Budetiću posed, da zatim uskoro ustupe „Nicolaus et Petrus comes a Zrin” svojim poveriocima sa Primorja i neke planinske livade svojih kmetova u Delnicama i Lučicama za izradu 1000 vesala od javorovog drveta.²⁸

Ovde stojimo, po svoj prilici, pred jednom važnom prekretnicom. Dosada smo, možda, čak i verovatno, imali posla sa potrošačkim kreditom, sada pak — naravno i opet se radi samo o hipotezama — zajam omogućuje —, kako nam se čini — izgradnju i opremu jedne trgovačke (ili ratne?) flote. Tu se Ivakoko? radi o jednoj industrijskoj narudžbi, izdatoj primorskin ribarima, ili, a verovatnije, zanatlijama-majstorima, iz razloga što porodica Zrinskih, zasada, nema još svoju vlastitu manufakturu za izgradnju brodova, svoje brodogradilište. Iz nekih drugih izvora znamo o tekstilnoj i metalnoj manufakturi velikaša (u Čabru, ali i u vlasništvu drugih magnata, na pr. u Samoboru), no o manufakturi za brodogradnju, ili čak i za izradu vesala, nismo još videli dokumenta iz XVI—XVIII veka. Ipak, udruživanje malih zanatlija (ili i ribara) za jedan oveći industrijski rad, za isporučivanje velike količine robe po jednoj jedinog porudžbini — ukazuje u svakom slučaju na prvi, niži stepen manufakture, na početak „Verlagsystem” — a, u organizovanju feudalnih gospodara, barem u svojstvu nalogodavaca. (Na zapadu su organizatori obično gradjani-trgovci).

Pedasetih godina, tamo-amo, srećemo još poneki založni ili kreditni posao, ipak, u drugog polovini XVII veka postaje sve redja ova mešavina feudalnih i gradjanskih vrsta ugovora.²⁹ To ne znači da povremeno ne bi nailazili čak i posle pogubljenja Zrinskog i Frankopana (1671) na ovu vrstu spisa medju

²⁶10—X 1615.

²⁷10—X 1615. I tu se radi (bantovati = dirati, uznemiriti) o jednoj pohrvaćenoj madarskoj reči u hrvatskom tekstu.

²⁸Ozalj, 24—X 1637 i Bakar 12—VI 1639.

²⁹Ozalj, 6—III 1653, gde „Comes Petrus a Zrin” daje u zalog neki posed Hraniloviću i ženi mu Ani Vojnović za 2200 rajnskih forinti. Čakovec, 13—VI 1670. Grofica Katarina Zrinski potvrđuje Juraja Dešića u jednom posedu u Zagrebu (što ukazuje na to da Zrinski nisu vratili Dešićima stari zajam!) za novo pozajmljenih 1000 rajnskih forinti, koja joj je suma bila potrebna (1669) da može da poseti svoju kći Jelenu (Ilonu): Niko ga ne sme uznemiriti u ovom posedu; dodaje mati Jelene Zrinski.

dokumentima. Tako se i opatica na čelu reda klarisa „Judith Petronilla a Zrin, abbatissa indigna ordinis S. Clarae”, kći Petra Zrinskog, čak se i u ovom svom svojstvu, obraća u slučaju nužde, ukoliko je na to primorana lično, ona ili još češće red na cijem čelu ona stoji, na takoreći već inventarsko dobro porodice Zrinskih, tj. na starog Čikulina. Još će nas više zanimati da ona i svoje političke i porodične informacije dobija od njega. Tako se na primer kod njega obaveštava o sudbini Thököly-a i svoje sestre Jelene (Ilone) Zrinski. Ipak, kreditni poslovi u godinama 1680—1690 već su izgubili svoj mešoviti feudalno-gradjanski karakter i postaju — gradjanski poslovi po svemu. Tako na primer, čini nam se, članovi porodice Zrinski već ulažu svoj vlastiti novac, kao ulog ili depozit, kod nekog svog bivšeg poverioca da se on tamo povećava, naraste sa kamatama, a da oni, u slučaju potrebe podižu po koji nužan deo svog vlastitog novca. Nije isključeno da je ovo još samo u prirodi crkvenog kreditnog poslovanja, jer je crkva na zapadu u ovo doba već odavno i poverilac-bankar; ma kako, feudalizam je, svakako, u opadanju, ako ne i u krugovima poburžoaženih velikaša, to barem u krugovima crkveno-monaškim, a na finansijskom polju: kako nam to dokazuju neki spisi naše zbirke.³⁰ I na ovom polju nam predstoje još, svakako, dalja istraživanja.

3. U ovoj episi, pored novčanog i zelenaškog kapitala pojavljuje se takodje i trgovinski kapital na posedima Zrinskih, ponešto, kanda, ipak, kasnije od razvoja zelenaškog kapitala. Ako se ne obaziremo na neke retke slučajeve, iz kojih se inače daje samo naslutiti i izvesti zaključak o tome da na vlastelinstvima Zrinskih postoji trgovina na izvesnom nižem stupnju razvitka, onda — sa potpunom jasnoćom i jednosmišljenošću — na postojanje trgovine ukazuju samo pisma, pisana u XVII veku, koja su već malo imali nečeg zajedničkog — sa sigetskim junakom. Izvestan zaključak može, ipak, da se izvede iz dva pisma i sa kraja XVI veka, barem na klice jedne trgovine na prvom stepenu razvoja. U jednom od njih „Mi Zrinyi Miklovus ur” (mi, gospodar Miklovus Zrinyi) podaruje — sada ne neki svoj posed, već-pravo na drvoseču Nikoli Supanu.³¹ U drugom pismu, koje je u suštini povelja o darivanju i zalaganju poseda, Juraj Zrinski ogradjuje svoje darivanje s tim da se u ustupljene prihode ne uračunava i zemaljski prihod ozaljske trgovine.³² Ovo pismo, dakle, nedvo-misleno nas upućuje na to da se u Ozlju trgovalo, dok se iz prvog pisma može

³⁰1685, zatim 1688 već se daje zajam pod interes, na priznanicu, pod čisto gradjanskim uslovima, a za potrebe manastira, udarajući i manastirski žig na ovaj spis, kako i pri primanju zajma v 1690 godine. Naprotiv, ona će 6—II 1694 u Zagrebu preuzeti od grofa Zs. Rátkay-a — ne zajam, već — deo svog vlastitog novca koji je uložila pod interes kod ovog grofa. Ovakvih spisa ima više iz ovog vremena.

³¹Bakar, luka, 6—IV 1585.

³²Čakovec, 16—XI 1598. Pošto se tu radi i o kreditnom poslovanju to sam se već i ranije pozivao na ovo pismo.

samo da izvede zaključak o šumskoj proizvodnji drva u nekadašnjim bakarskim šumama — tamo, gde će se kasnije pojaviti krš, — a po dobivenom pravu, kao i o tome da se proizvedeno drvo transportovalo, po svoj prilici, u bakarsko pristanište radi izvoza, verovatno u Veneciju.

Već i prvo pismo — koje izričito govori o trgovini i trgovačkom poslovanju — pominje Bakar i bakarste trgovce.³³ Tu se daje nalog Čikulinu, preko Baliardića, s tim da Čikulin izda naredjenje u stvari čohu koja je još preostala u Bakru i da njome udovolji komesare (možda se radi o carevim izaslanim komesarima?!), a ujedno da naplati i barut koji je još ranije dat caru (a koji su Zrinski i Baliardić, po svoj prilici, upotrebili — u ime vladara — protiv uskoka).

U sledećem pismu reč je o trgovačkom moralu, konkretnije o nedostatku tog morala u poslovanju među magnatima;³⁴ po pismu, naime, grof Juraj Frankopan nije na vreme isporučio ovce na čije se slanje Juraju Zrinskom ugovorno obavezao.

Pored trgovine drvima i stokom, uskoro se razvijala takodje i trgovina čohom, štofovima, uopšte tkaninama. Posle spomenutog pisma o bakarskoj čohi (koja je, možda, korišćena za podmićivanje?!), uskoro će „Miklous Zrini” izdati naredjenje, putem Čikulina, da se pošalje čoha, baršun itd na adresu Petra Peranskog.³⁵ Zatim sledi čitav niz sličnih, čak istovetnih porudžbina, putem izvesnih posrednika-agenata. Tako, primera radi, supruga Mikloša Zrinskog: Ana Nádasdy upućuje porudžbinu na neke tkanine, izdatu sa strane Farkaša Šćitkovića na Čikulina u Bakar,³⁶ da zatim Nikola Milovec poruči škrlet,³⁷ Ištvan Darabos neku drugu tkaninu — s tim, da ukoliko oni sami ne bi imali ovu robu, nek je dovezu iz Venecije. Juraj Babonić poručuje štof za odelo. Čikulin i njegov zamenik, Martin Sandrić —, pošto su se osamostalili, izlazeći ispod ruke Zrinskih, uskoro počinju da trguju i na vlastiti račun. Stoga nailazimo na pisma, kojima bi se želelo tome stati na put.³⁸ Nikola Zrinski, na primer, izveštava Čikulina da je neki trgovac iz Venecije tražio, čak i u više navrata, od njega-Zrinskog — da isplati Čikulinov dug. Zato im strogo naredjuje, da nikada, ni po čijem nalogu ili porudžbini, ne šalju nikakvu robu (ni stoku itd), već uvek samo i izričito po njegovoj (Zrinskog), njemu (Čikulinu) direktno izdatoj, a svojeručno i potpisanoj narudžbi.

Porudžbine su se sve više množile.³⁹ Po jednom pismu, kako Ana Nádasdy, tako i supruga Vogronovačkog primile su poslate tkanine, te se obavezuju na

³³ 30—XI 1600. Tu se prvi put spominju senjski uskoci, a poziva se na odbranbenu borbu protiv njih, tražeći i izveštaj o njihovom kretanju — i za cara.

³⁴ 4—III 1601.

³⁵ Požun, 8—XI 1608.

³⁶ Već sutradan, 9—XI 1608, još iz Požuna.

³⁷ 2—XI 1609; — 8—X 1609; — 17—XI 1609; — 17—I 1610.

³⁸ 21—III 1610.

³⁹ 14—VII 1610; — 12—IX 1611; — 12—X 1611; — 23—I 1612; — 20-i 1613 itd.

njihovu isplatu o odredjenom roku. Može biti da je Ana Nádasdy preuzela rukovodjenje trgovinom uopšte od svog supraga, jer ona, drugom prilikom, izveštava Čikulina da stoka neće da uquine sve dok ne bude po nju stigao poverenik de je primi u Bakru ili Grobniku.

O Frankopanima ovde, naravno, ne želim posebno da govorim, iako su i oni sistematski vodili trgovinu in kontinuo, kako to dokazuje i pismo Juraja Frankopana, a na koje želimo da ukažemo ovde zbog interesantnosti pisma kao i zbog verovatne sličnosti u načinu postupanja i trgovačkim metodama sa strane Zrinskih.⁴⁰ Ovaj je velikaš, naime, naredio, ma o kakvoj robi da je reć, da se ona može prodavati jedino u njegovim gradovima i varošima (što nas podseća na srednjovekovna prava gradova, na „Stappelrecht” i sl.), a pod teretom konfiskovanja i zaplene robe u svakom drugom nedozvoljenom slučaju, jer će on robu, prodatu na kom drugom mestu smatrati prokrijumčarenom robom, te će svaki ovakav prestup kazniti globom od 200 dukata.

Takodje su i manastiri vodili trgovinu, te, iako su trgovinsko poslovanje poverili svojim agentima, nastojali su, naravno, da trgovački profit obezbede za sebe. Tako je već spomenuta Judith Petronilla Zrinski, kao opatica-klarisa izdavala samostalne trgovinske naloge, sa napomenom da se ona zadovoljava i sa delom kupovnine, u datom slučaju sa 1000 zlatnika — u korist manastira.⁴¹

4. Sve ovo trgovinsko i kreditno poslovanje predpostavlja pre svega formiranje nekog privatno-nameštenečkog, privredno-službeničkog kadra, sem toga i razvijanje jednog takvog sloja agenata i komisionara koji je istovremeno delao i u drugim oblastima privrede, vršeći na pr. dužnost upravnika dobara, agronoma, kapetana grada i sl., da se kasnije, ipak, sve više okrene licem ka kreditnim i trgovinskim poslovima, a da tako postane klica jednog takvog novog posedničkog i plemićkog sloja koji ukazuje istovremeno na početke zelenaškog i tragovinskog kapitala. Ovaj će se sloj kako smo to već i zapazili — ko pre ko posle — ali osamostaliti i učiniti se nezavisnim od magnatskog klasnog sloja Zrinskih i Frankopana (ili Ungnada, Erdődyjevih i sl.), mada i ovaj magnatski sloj predstavlja vrstu „novog plemstva” (u engleskom smislu), vrstu poburžoaženog feudalnog sloja unutar klase feudalaca (poput Thökölijevih, Rákóczijevih, Nádasdyjevih sa kojima su se inače Zrinski i Frankopani bili povezali i orodili, stupivši sa njima u familijarne, političke i ekonomske veze i odnose!).

Ovaj razvitak i formiranje sloja privatno-nameštenečkog i kapitalističkog, „novoplemićkog” na vlastelinstvima Zrinskih, mogli smo zapaziti već i u

⁴⁰ Bosiljevo, 27—VIII 1653.

⁴¹ Iz 1688. Drugom prilikom traži novac ili pak maslac, a dodaje da je sada dobra prilika za kupovinu maslaca i žita.

dosadašnjim pismima i gradji. Sada želim samo da se setimo već vidjenih i čitanih mesta prikazane gradje, skrenuvši našu pažnju na neke nove momente i podatke u njima. Već je bilo reči o Mihailu Dešiću, kapetanu primorskih gradova Zrinskih, koji je u Grobniku dobio kuću, mlin itd.⁴² Bilo je govora takodje i o Pieru Dentu koga je sigetski Nikola postavio za kapetana Grobnika, Hrelina i Bakra, učinivši ga ujedno i tamošnjim posednikom, a koji je bio u izvesnom odnosu novčanog obračunavanja sa gospodarem Sigeta. Kad je on umro, njegova udovica nije morala da isplati preostali dug koji je nastao iz ovog odnosa. Ovaj novac, dobiven na poklon, u ruci udovice i njenih, te njegovih, muževljevih, potomaka narastao je, po svoj prilici, i stvarao izvestan kapital, a verovatno već i za vreme života samoga kapetana koji je bio u poslovnoj vezi sa Zrinskim.

Poznata nam je takodje i delatnost porodice Čikulin. Čikulini su bili upravnici dobara primorskih vlastelinstava Zrinskih, a učestvovali su ujedno i u trgovinskom i kreditnom poslovanju svojih gospodare kroz nekoliko generacija. Uvek su, naravno, nastojali da trguju i pozajmljuju i na svoj račun — uprkos zabranama. Raznovrsni poslovi Čikulina umnožili su se i isprepleli u tolikoj meri da je jedan član ove porodice već i 21—III 1610 dobio nalog (upravo onog dana kada je upozoren da ne sme samostalno da trguje) da ugovorno postavi za svog zamenika, a za redovnu, sistematsku platu, M. Sandrića s tim da mu kao glavni zadatak odredi kreditno poslovanje, te rad oko računa i faktura. Sandrić je do rečenog dana bio pristav u Grobniku, a sada svoje novo zvanje počinje, naravno, sa povišenom platom.

J. Čikulin je već sutradan dobio novo pismo,⁴³ kojim mu je njegov nalogodavac odobrio njegov obračun koji je obuhvatio poslovanje varoši i gradova Bakra, Hrelina, Drivenika, Grisana, Bribira i Grobnika. Naprotiv, po jednom kasnijem pismu,⁴⁴ u obračun Sandrića sa Čikulinom potkrale su se i izvesne „greške”. Ove su slučajne omaške bile, po svoj prilici, namerne, a verovatno su donosile koristi kako Sandriću tako i Čikolinu, jer je Čikulin uskoro morao da se pravda,⁴⁵ da je on svagda bio verni sluga Zrinskih, da ljudi svašta govore i izmišljaju, recimo, i to da je on, možda, skuplje računao i prodavao izvesnu robu od određene cene (limita), da robu, možda, prodaje skuplje nego i mletački trgovci i t. sl. No, veli, to su samo priče, dok on može svoju nevinost i vernost da dokaže i dokumentima. Stoga moli da mu se odredi novi rok za podnošenje konačnog obračuna, napominjući, da ga njegovi neprijatelji žele da upropaste. On bi pretrpeo veliku štetu, nastavlja, ako u buduće ne bi imao mogućnosti (po kazni?!) da krene na put u latinske zemlje.

⁴² 14—XI 1571; —24—III 1575; — 21—III 1610.

⁴³ 22—III 1610.

⁴⁴ 4—IX 1622.

⁴⁵ 20—XI 1622.

Otpriblike istovremeno čujemo ponovo i o poslovanja poznatih nam Dešića,⁴⁶ „koji su već od predaka Nikole Zrinskog dobili i jedan posed za dati zajam od 1570 dukata. No, ovaj novac nisu Dešićevi svojevremeno isplatili direktno Zrinskom, već izvesnim trgovcima, koji su im za uzvrat isporučili krzna, čohu i drugu robu, mada bi Zrinski — došavši, verovatno, putem trgovine, do novca — rado iskupili ovaj posed za 2000 dukata. (Redak slučaj povratka poseda i plaćanja duga!)

Podjednako može da zanima kako hrvatske i vojvodjanske tako i mađarske istoričare takodje i odnos Zrinskih i „Bachyan Ferenač”-a⁴⁷ u Gorskom Kotaru i Primorju — o čijoj je istoriji ovde pretežno i reč. — (Interesantno je spomenuti da i neuki narod ovog kraja i danas još govori o cesti „Baćani”, koja je ranije povezivala spomenute krajeve Gorskog kotara i Primorja, severno od kasnije „Lujziane” ili današnjeg autoputa i željezničke pruge Zagreb-Rijeka.) Kao jedan od upravnika Zrinskih, on je, naime, podelio zaostavštinu Jančkovića, te kasnije i sâm postaje velikaš i to jedan od onih magnata čiji će potomci uskoro kao poverioci-zajmodavci i sami igrati ulogu u kreditnom poslovanju Hrvatske i Vojvodine XVIII veka. Sličnu su ulogu igrali i Klasnići, o kojima smo takodje kazivali rečdve.

Kako znamo, već je Frankopan dao Klasniću nalog da vrati neko blago, koje je otela četa harambaše Imra Mudrića-Perušićkog.⁴⁸ U svom pismu grof Thersazky naredio je Klasniću u stvari Novigrada na Dobri, da isplati Vukove dugove i da u mlinu postavinovo mlinsko kamenje, ali na način koji neće da smanji prihode ovog mlina. Sem toga, neka za njega drži spremnu i mostarinu i sav ostali prihod.

Dešići su u toku XVII veka i dalje napredovali kao predstavnici zele-naškog kapitala.⁴⁹ Tako je i grofica Katarina Zrinski potvrdila jednog Dešića u njegovom posedu za onih 1000 rajnskih forinti koje joj je Dešić pozajmio da može krenuti u Beč. Na sličan su način i Čikulini stvorili novu kapitalističku „dinastiju” koja je i dalje stajala u trgovinskoj i kreditnoj vezi, na primer, još i sa „Judith[om] Petronill[om] a Zrin, načelnicom reda klarisa.⁵⁰

1666 još su Zrinski i Frankopani imali mogućnosti da izdaju naredjenja, tako i u stvari gradjenja Novigrada na Dobri, svakako putem opunomećenika, naredjujući, pored ostalog, i to da se majstori imaju plaćati u gotovom novcu;⁵¹ ali bivši mornar iz Kotora, Mate Buharin, naprotiv, treba da se ob-

⁴⁶ 19—X 1624.

⁴⁷ 11—III 1628 — Ozalj.

⁴⁸ 15—III 1650 od Thersazkog, zatim još jedno pismo ovog Frankopana Klasniću od 4—XII 1650.

⁴⁹ Čakovec, 13—VI 1670.

⁵⁰ Iz 1685.

⁵¹ — 1666: ovi frankopanski računi bacaju svetlost i na cene i najamnine ove epohe u „carstvu”. Dobra je u Gorskom Kotaru.

rati već carskom komesaru, od njega treba da traži stovarišta na moru radi svoje tamošnje slobodne trgovine uz carski porez koji će se od njega naplaćivati.⁵² Posle 1671 jedina je Petronilla Zrinski imala tu mogućnost da — na čelu manastira i reda — obavlja trgovinske i kreditne poslove.

5. Svi ovi građansko-privredni, novčani, robni i kreditni poslovi, sav ovaj razvitak robno-novčanih odnosa na feudalnim posedima — utiče, naravno, i na klasnu borbu potlačenih, čak i u vremenu između krunisanja, usijanom krunom, Matije Gubca i — seljačkih ustanaka XVIII veka, jer se nisu ni u ovo doba — u XVII veku — namnožile jedino konkurencijalne borbe između starih, ali stalnih suparnika (Zrinskih i Erdődyjevih) usled feudalnih rovaranja jednih protiv drugih, mada je moguće, čak je i verovatno, da ni ove konkurencijalne borbe nisu isključivo bile feudalnog već donekle i građanskog karaktera!? No, u ovo pitanje ne možemo da se upustimo već ni stoga, što i ono predstavlja, dobrim delom, *terram incognitam*.

Seljačku bunu pod Gubcem — pisma Zrinskih ne spominju, po svojoj prilici, stoga, što ovu porodicu nije mnogo ni zanimala borba vodjena na vlastelinstvima Tahy-ja, Gregorijanca, Heningovice, Tako prvi seljački pokreti o kojima možemo da čitamo u pismima Zrinskih, potiču već iz 1636 godine.⁵³ Ni tu se ne govori izričito o buntovnim seljacima, već više o suprotnom taboru koji toliko ugnjetava seljake, vrši tolika nasilja nad njima u Ozlju i okolini, kao i u Primorju, da se uskoro može računati sa iskonskim izbijanjem nezadovoljstva. Tako je Lovinčić silom prisvojio i zahvatao neke delove vlastelinstava Frankopanovih, zajedno sa kmetovima, te su Draganići već i podneli tužbu protiv ozaljskih činovnika u svojstvu članova „*Communitatis Draganichien-sis*” — jer su činovnici vršili nasilje nad njima kao i u njihovim šumama na štetu naroda (a možda u interesu unapređenja proizvodnje i izvoza gospodskog drva?!)

1650-ih godina zatim zaista izbija ovo nezadovoljstvo. Zrinski-Frankopani (na suprotan način od Erdődyjevih, ali time upravo često krećući u borbu protiv njih!) približavali su se rešenju ovog pitanja na njima svojstven način, koncilijantnim metodom demobilisanja pobunjenika i pridobijanja seljaka.⁵⁴ (Ovaj metod nije bio nepoznat već ni porodici Hunyadi, pa, čini mi se, već ni Mate-u Čak-u!) Tako grof Juraj Frankopan u jednom svom pismu naredjuje Lipskom iz Brežica da umiruje narod, deleći mu pravdu, da time skloni bun-

⁵² 1672, dakle već posle pogubljenja Petra.

⁵³ 3—III 1636 i 29—IV 1636.

⁵⁴ 16—XII 1653 od Frankopana. 21—IX 1654: pismo bana M. Zrinskog; 9—X 1654 ponovo Frankopanovo pismo. — Takođe je i profesor Jaroslav Šidak pisao o ovim odnosima iz vremena zavere. Ipak, „koncesionistička” politika Zrinskih i Frankopana, kojom su hteli da pridobiju svoje kmetove i protiv Beča nije toliko jasna, koliko slična politika Rákóczijska.

tovno selo na dalji miran rad. (Jer se proizvodi mogu unovčiti?!) Posle godinu dana Miklos Zrinyi je izrazio, u jednom pismu, svoje čudjenje, da seljaci u Sisku i okolini, ne mareći za svoje dobro, put izlaska iz situacije traže u bunama, ne dajući svom spahiji ni tlaku niti pak ostale dažbine u novcu i naturi, „nego za vreme skoro slobodni hoćete biti”, a time dovode u opasnot svoj život. Stoga poziva seljake na poslušnost, jer će ih inače (a time prestaje da bude pristalica koncilijantne, koncesionističke porodične politike!) učiniti pokornim sa strahovitim zakonom!

Iste je godine Daniel Porubski, čovek i mandator Vuka Frankopana, a po njegovom naredjenju, ipak, privlačio — verovatno obećanjima — na teritoriju Bosiljeva (odakle su kmetovi, po svoj prilici, odbegli, krijući se ili postavši hajduci ili uskoci posle ugušenja bune!) nove naseljenike, i to „krajince” i „Vlahe” (hajdučko-graničarski srpski elemenat), nastojeći da udovolji propisima i naredjenjima svoga gospodara tj. da ih popisuje i stavlja (kao kmetove) na urbarski spisak, odobravajući im, ipak, verovatno, one olakšice koje su bile u ovim prilikama uobičajene i obično se odobravale onim slobodnim seljacima koji su se naseljavali, a donekle, ili i u celini, ponovo ukmetili.

Mere donete 1650-ih godina, čini nam se, nisu se pokazale dovoljno efikasnim, jer već i 1661 dobijamo vesti o novim seljačkim pokretima, ovaj put iz Božjakovine. Petar Zrinski bio je primoran da nanovo reguliše kmetovske dažbine, da umiruje narod i time razoruža i demobilise njihov pokret. Ipak, i sada je moglo biti reči samo o neznatnim olakšicama, jer je on svojim pismom ujedno morao da pozove seljake i na to da postupe po zakonu i ne odbiju davanje robote i ostalih dažbina⁵⁵. Feudalni tereti su, dakle, ostali i na vlastelinstvima Zrinskih.

Ipak, pruža nam se jedna prilika da damo i utešnije vesti o Zrinskim, koji su, najzad, dali i dva književnika. [Mislim, po sebi se razume, na Miklós-a Zrinyi i na Petra Zrinskog, koje zovem ovako — jednog madjarski, drugog pak hrvatski — za to, jer se Miklós smatrao Madjarem i pisao je madjarski (čak i pod parolom: „Ne bántsd a magyart!” — Ne diraj u Madjara!), dok je Petar prevodio Mikloseva dela na hrvatski]. Moramo, ipak, reći, da ima vrlo malo tragova da su Zrinski poručivali i knjige, ali to više smatram za svoju prijatnu dužnost da skrenem pažnju i na ova pisma. U jednom grof Miklós Zrinyi daje naime nalog upravniku dobara Bakra i ostalih primorskih gradova „Julio Chikolino-u”, našem starom znancu, da mu nabavi i pošalje iz Bakra u Čakovec najnoviju knjigu Dominka-Dinka Zlatarića.

6. Ovde prikazana pisma stvaraju mogućnost za jednu pretpostavku, hipotezu za koju će tek buduće naučno istraživanje dati i stvoriti potreban dokazni materijal. Hipotezu bih mogao da formulišem ovako: XVI—XVII vek, u

⁵⁵ 12—III 1681.

čijoj su atmosferi živeli, čiji su vazduh udisali Zrinski i Frankopani (takodje i Grubari, Ungnadovi, Erdődyjevi, te Thököljevi i Rákóczijevi) — već je epoha opadanja feudalizma, epoha prelaza u kapitalizam, u kojoj se razvija kapitalizam još u feudalnim okvirima, kako je to zapazio i naslutio već i Mijo Mirković. Ovde prikazani privredni poslovi ukazuju takodje na ovaj put razvitka, na nju ukazuju i oni kupoprodajni ugovori, obligacije, založnice, oslabadjanje kmetova, porudžbine robe, limitiranja cena itd — o kojima ovde nije bilo reči — isto onako kako i rastući izvoz i uvoz robe i uopšte spoljna trgovina izmedju pristaništa: Bakar—Venecija. Za rukovodjenje ovim, već građanskim poslovanjem i uopšte za celu organizaciju ove nove privrede obrazuje se takav činovničko-službenički-nameštenečki sloj koji se nagradjuje još i na feudalni način (posedima i darivanjem prihoda), ali je već i plaćen na građanski način, koji je u suštini već sloj građanskih intelektualaca, ali po formi još ostaje u okvirima feudalizma. Ovaj se novi sloj stvara u velikaškim „carstvima”, u spletu vlastelinstava (na posedima, ali i u manufakturama, lukama i rudnicima), imajući, ipak, uslove i mogućnosti da se razvije u klicu jedne nove, građanske klase, da u zajednici sa feodalcima, u ovo doba već, delom, „novim plemstvom”, „poburžoženim plemstvom” stvori i stvara — ukoliko bude za to dobilo i nove, i dalje uslove, dalje mogućnosti — (treba već i tu reći: da ovo u ovom kraju ne nastupa, postaje sve redji slučaj, a naročito ne može da se ostvari u vezi sa Zrinskima i Frankopanima koji su bili dovedeni na prosjački štab i istrebljeni!) novu, kapitalističku klasu, a možda i novi društveni poredak u ovoj pokrajini.

Čabar i Bakar, Ozalj i Čakovec, kao i Samobor, jesu bili pozornice razvitka trgovačkog i zelenaškog, pa čak i manufakturnog i rudarskog kapitala, tj. početnog industrijskog kapitala u okvirima feudalizma, u blizini feudalnih gospodara i sredini gospodara gradova (u smislu: tvrđava) a pozornice ujedno i formiranja interesnog kruga, interesne sfere „novoplemićkog” u engleskom smislu.

Da nas ovde može i sme da zanima takodje i tadanja politika, tadanji politički razvitak — barem u onolikoj meri, u kojoj Judithu Petronillu Zrinsku — morali bi, svakako, da pratimo i razvitak jedne nove političke linije, koja, bi pre ili posle, dovela, barem, mogla da dovede i u ovom kraju do izvesne isteresne zajednice centralne sile (tu ne mislim na Habsburgovce, već na domaću centralnu silu!) i gradjanstva, zajednice koja bi uticala na formiranje i obrazovanje državne centralizacije, a, možda, i apsolutizma. Gde će se ovaj sistem oformiti, to zavisi i zavisilo je, naravno, od situacije, od odnosa snaga. Medju drugim uslovima i okolnostima, ova bi se centralizovana država mogla stvoriti upravo i u „carstvu” Zrinsko-Frankopanskom, a ne samo oko Habsburgovaca. (Analiza ove situacije i ovih uslova ne može da mi ovde bude zadatak!) Sigurno je samo jedno: to, da je, primera radi, pesnik Zrinyi Miklós vodio evropsku politiku, prema mogućnostima i stepenu razvitka ekonomskih snaga i

uopšte društvene baze, a da je poznavanje evropskih jezika koristio i na to da Machiavellia i Miliona čita u originalu. A to je, svakako, imalo svoje razloge, svoj cilj, možda i svoju tendencioznost. U zapadnim zemljama Habsburgovaca, gradjanstvo je bilo, ipak, znatno jače, brojnije, ono ja stajalo na višem stupnju razvitka i kulture. Ovo kao i pobedonosni ratovi protiv Turaka: središte centralizacije premestili su u Beč.

Oko Zrinskih (Frankopana, Ungnada, Erdődyjevih, Thököljevih, Rákóczijevih itd) mogle su se razvijati samo klice nove klase i novog sistema. Time je njihov položaj postao provincijalan. To je bio jedan od razloga, ali glavni razlog, tome da su njihove pobune, zavere i ustanci bili — sa pravom! — smatrani od dobrog dela hrvatske i madjarske historiografije pokretima feudalnog karaktera.

Ipak, već i ovde prikazani spisi ukazuju na to, da je ovo (njihovo) društvo činilo već prelaz (iako još samo u prvoj klici) ka kapitalizmu i gradjanskom društvu, naravno, još unutar i u okvirima feudalizma, u kome još i ne postoji prava gradjanska klasa, u kome su glavni nosioci razvitka još magnati i njihov „oficirski” hor, nameštениčki kadar. Ipak, i ovako se može uzeti kao činjenica da borba Zrinskih (i ostalih) protiv Habsburgovaca nije počinjala potpuno i isključivo na feudalnoj bazi, već da je ona bila bremenita takodje i izvesnim klicama i elementima gradjanske konkurencije, koja se ispoljavala u ovim političkim borbama takodje, skoro koliko i feudalne težnje ka osamostaljenju.

Želim da skrenem pažnju još na jedan aspekt, još na jedno pitanje: na još jedno, još ne i dokazano, ali moguće gledište. U ovo doba su se već nalazili u fazi razvoja i formiranja takodje i nacionalno osećanje (mržnja!), a donekle i nacionalna svest, svakako tek u prvim klicama razvitka. (Na pr: reformacija i njeni spisi kako medju Madjarima tako i u hrvatsko-slovenačkom svetu; spisi Zrinskih: Miklósa i Petra itd) Sigurno je da je u ovoj eposi apsolutizam (tačnije: centralizacija!) predstavljao još napredak prema tendencijama feudalnog separatizma, prema snagama koje su zadržavale razvitak. Ipak, treba da razlikujemo, recimo, izmedju apsolutizma (jednonacionalnog, čistog, francuskog tipa) Luja XIV. i apsolutizma Habsburgovaca, protiv koga i pored koga (jer je on okupio više nacija, iako nacije tek u klici razvoja, pod jednim-jedinim, isključivo nemačkim apsolutizmom) možemo da zamislimo razvoj i nekih drugih apsolutističkih, možda tačnije centralističkih, centralizujućih, centara. Do stvaranja ovih centara, ipak, nije došlo, jer to situacija, jer to odnos snaga nisu dozvolili, jer ga nedovoljna razvijenost (no, u tome deo krivice moramo da pripisujemo takodje i Habsburgovcima!), na tlu koje je ovde u pitanju, nije učinila mogućim. Tačnije: mogućnost je postojala, ali nije bilo snaga (koje bi se bazirale na čistom tlu ekonomike) koje bi je pretvorile u stvarnost. Apsolutizam Habsburgovaca — pored svog društve no naprednog karaktera — sadržavao je,

dakle, i negativne, zadržavajuće elemente — prema ne-nemačkim narodima u početku njihovog razvitka ka nacijama!

Drugim rečima: Borba Zrinskih (i ostalih) protiv Habsburgovaca nosila je u sebi takodje karakter prelazne epohe, tj. kako još feudalno-negativne, tako već i napredne elemente gradjanske odredenosti, a time je ona postala (čak i društveno, pogotovo pak nacionalno!) delimično naprednog karaktera, uprkos svim njenim retrogradnim tendencijama, koje, po sebi se razume, takodje ne želimo da negiramo.

Ovde prikazani dokumenti su u nama probudili i izazvali ove misli, koje su, naravno, tek hipoteze, ali hipoteze koje eventualno mogu de se unaprede u čin — teza, pomoću daljih istraživanja.

Mijo Mirković sigurno ima pravo, kada postavlja tezu da su početni gradjanski odnosi činili mogućim dvojaku politiku: Habsburgovsku i anti-habsburgovsku (kurucku i labancku!) politiku. Ipak: i jedna i druga je politika mogla da podje — još i već — i pravcem ka apsolutizmu (centralizaciji!), iako bi ovakva politika Zrinskih i njima sličnih hrvatskih i madjarskih feudalaca imala za rezultat formiranje posebnih, nacionalno različitih centara! To je ono što bi mi želeli da istaknemo i dodamo Mirkovićevom gledištu. No, sve ovo, danas još nismo u stanju i da dokažemo.

Sve bi ovo mogao — bilo dokazati, bilo pak konačno oboriti — samo zajednički madjarsko-jugoslovenski, organizovani istraživački rad — trud dugih godina!

INDEX

В. І. Масальський: В. І. Ленін і слово	5— 12
J. DOMBROVSKY: Langue «actuelle» et langue «inactuelle»	13— 30
Ф. О. Нікітіна: Аналогія як систематизуючий фактор у розвитку споріднених мов	31— 36
Ф. Папп: Програма образования повелительного наклонения стандартных русских глаголов на ЭЦВМ ODRA 1013	37— 56
Ш. Яношка: Придаточные предложения с союзными словами <i>кто, что</i> или <i>который</i>	57— 68
Й. Драхош: О понятии и терминах способов глагольного действия	69— 82
Л. Дэже: Морфология закарпатских урбаниальных записей XVIII в.	83— 98
М. А. Карпенко: М. Горький и русский язык советской эпохи	99—108
А. А. Белецкий: Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка. . .	109—113
С. В. Семчинский: Элементы венгерского происхождения в «Дакайском словаре» Ивана Вагилевича	115—121
М. І. Дубина: В. І. Ленін і питання літературної критики	123—131
Я. П. Білоштан: Комуністична ідейність — надійний компас літературознавця	133—139
Н. И. Жук: Тема дружбы народов в творчестве Леси Украинки	141—150
E. IGLÓI: La légende de Moïse le Hongrois	151—164
М. С. Грицай: Интернациональные мотивы в украинской драматургии XVII—XVIII вв.	165—171
L. KARANCZY: Léonide Andréiev après la révolution de 1905	173—185
К. О. Шахова: Угорська література на Україні	187—195
E. NIEDERHAUSER: La Russe dans l'opinion publique française 1815-1848	197—208
A. LEBL: Prilog pitanju ekonomske baze «carstva» Zrinskih u XVI—XVII veku . . .	209—226

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. Масальский: В. И. Ленин и слово	5— 12
Й. Домбровский: Язык «актуальный» и язык «инактуальный»	13— 30
Ф. О. Никитина: Аналогия как систематизирующий фактор в развитии родственных языков	31— 36
Ф. Папп: Программа образования повелительного наклонения стандартных русских глаголов на ЭЦВМ ODRA 1013	37— 56
Ш. Яношка: Придаточные предложения с союзными словами <i>кто, что</i> или <i>который</i>	57— 68
Й. Драхош: О понятии и терминах способов глагольного действия	69— 82
Л. Дэже: Морфология закарпатских урбарильных записей XVIII в.	83— 98
М. А. Карпенко: М. Горький и русский язык советской эпохи.	99—108
А. А. Белецкий: Из наблюдений над морской лексикой венгерского языка. . .	109—113
С. В. Семчинский: Элементы венгерского происхождения в «Дакайском словаре» Ивана Вагилевича	115—121
М. И. Дубина: В. И. Ленин и вопросы литературной критики	123—131
Я. П. Билоштан: Коммунистическая идейность — надежный компас литера- туроведа	133—139
Н. И. Жук: Тема дружбы народов в творчестве Леси Украинки	141—150
Э. Иглои: Легенда о Моисее Угрине	151—164
М. С. Грицай: Интернациональные мотивы в украинской драматургии XVII— —XVIII в.	165—171
Л. Каранчи: Л. Андреев после революции 1905 г.	173—185
К. О. Шахова: Венгерская литература на Украине	187—195
Э. Нидергаусер: Россия и французская общественность в 1815—1848 гг. . . .	197—208
А. Лебл: Материалы к вопросам экономической базы господствования семьи Зрини в XVI—XVII вв.	209—226

TABLE DES MATIÈRES

V. I. MASALSKIJ: V. I. Lénine et la langue	5— 12
J. DOMBROVSKY: Langue «actuelle» et langue «inactuelle»	13— 30
F. O. NIKITINA: L'analogie comme facteur organisateur au développement des langues apparentées	31— 36
F. PAPP: La programmation de la formation de l'impératif des verbes standards en russe par ordinateur du type ODRA 1013	37— 56
S. JÁNOSKA: Les phrases subordonnées avec les conjonctions <i>кто</i> 'qui', <i>что</i> 'que' et <i>который</i> 'lequel'	57— 68
J. DRAHOS: Interprétation d'aspect verbal et leurs termes	69— 82
L. DEZSŐ: La morphologie des textes de terrier du territoire Transcarpatique du XVIII ^e s.	83— 98
M. A. KARPENKO: M. Gorki et la langue russe de l'époque soviétique	99—108
A. A. BELETSKIJ: Recherches sur la lexique maritime de la langue hongroise	109—113
S. V. SEMTCHINSKIJ: Les éléments d'origine hongroise au «Vocabulaire dace» d'Ivan Bagilevitch	115—121
M. I. DOUBINA: V. I. Lénine et les problèmes de la critique littéraire.	123—131
J. P. BILOCHTAN: L'idée du communisme — le compas de l'historien littéraire.	133—139
N. I. JOUCK: Le thème de l'amitié des peuples dans l'oeuvre de Lesa Ukrajinka	141—150
E. IGLÓI: La légende de Moïse le Hongrois	151—164
M. S. GRITSAJ: Les motifs internationaux dans la dramaturgie ukrainienne du XVII ^e et du XVIII ^e s.	165—171
L. KARANCZY: Léonide Andréiev après la révolution de 1905	173—185
K. O. CHACKOVA: La littérature hongroise en Ukraine	187—195
E. NIEDERHAUSER: La Russe et l'opinion publique française dans les années 1815—1848	197—208
A. LEBL: Contribution à la base économique des propriétés Zrinyi au XVI—XVII ^e s.	209—226

Kossuth Lajos Tudományegyetem
Felelős kiadó: *Bognár Rezső*
Felelős szerkesztő: *Iglói Endre*
Technikai szerkesztő: *Kovács István*
A kézirat nyomdába érkezett 1969. szeptemberében
Megjelent: 1970. májusában
Készült monószedéssel, íves magasnyomással,
az MSZ 5601-50 és az MSZ 5602-55 szabvány szerint
Példányszám: 700. Terjedelem: 15 ív
69.4534.66-19-2 Alföldi Nyomda, Debrecen

NOS
COLLABORATEURS

A. A. BELETSKIJ
professeur d'université
chef de la Chaire de linguistique
générale et de philologie classique
(l'URSS, Kiev)

J. P. BILOCHTAN
professeur d'université
à la Chaire de la théorie de la littérature
(l'URSS, Kiev)

K. A. CHACKOVA
maître de conférences à la Chaire de
littérature mondiale
(l'URSS, Kiev)

LÁSZLÓ DEZSŐ
(V. Slavica II.)

JÓZSEF DOMBROVSZKY
maître de conférences (V. Slavica II.)

JÓZSEF DRAHOS
(V. Slavica II.)

N. I. DOUBINA
maître de conférences à la Chaire
de la théorie de la littérature
(l'URSS, Kiev)

M. S. GRITSAI
maître de conférences à la Chaire de
l'histoire de la littérature ukrainienne
(l'URSS, Kiev)

ENDRE IGLÓI
professeur d'université
(V. Slavica I.)

SÁNDOR JÁNOSKA
(V. Slavica II.)

N. J. JOUCK
professeur d'université à la Chaire
de littérature ukrainienne
(l'URSS, Kiev)

LÁSZLÓ KARANCSY
maître de conférences
(V. Slavica I.)

M. A. KARPENKO
maître de conférences à la Chaire
de langue russe
(l'URSS Kiev)

ARPAD LEBLE
professeur d'université
(Yougoslavie, Novi Sad)

V. I. MASALSKIJ
(V. Slavica VIII.)

EMIL NIEDERHAUSER
(V. Slavica IV.)

F. A. NIKITINA
maître de conférences, chef de la
Chaire de linguistique mathématique
(l'URSS, Kiev)

FERENC PAPP
maître de conférences
(V. Slavica I.)

ST. V. SEMTCHINSKIJ
maître de conférences à la Chaire
de linguistique générale
(l'URSS, Kiev)

